РУССКІЯ ДРЕВНОСТИ

ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ ИСКУССТВА,

издаваемыя

графомъ И. ТОЛСТЫМЪ и Н. КОНДАКОВЫМЪ.

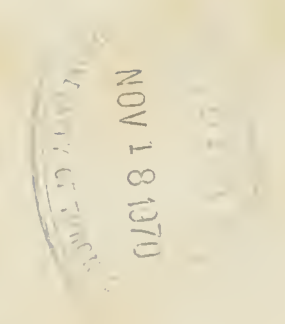
ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

ДРЕВНОСТИ СКИѲО-САРМАТСКІЯ.

Съ 147-ю рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1889

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ,   августа 1889 года.

Типографія Министерства путей сообщенія (А. Бенке), Фонтанка 99.

1. Группа Скиѳовъ на вазѣ изъ Куль-Обскаго кургана.

От самыхъ склоновъ Памира, тамъ, гдѣ выходятъ изъ горъ рѣки Оксъ (Аму-Дарья) и Яксартъ (Сыръ-Дарья), беретъ свое начало широкая степь, связывающая, поверхъ Каспійскаго моря, Азію съ Европою. Связь эта по физическому строенію страны настолько полная, что нельзя бы было провести опредѣленной границы между двумя частями свѣта. Повсюду та-же равнина, то затянутая глиною, то засыпанная пескомъ, изрѣдка прерываемая холмистыми кряжами, солончаками, болотами. Русскій естествоиспытатель Сѣверцовъ выразилъ мнѣніе, что флора Южной Россіи простирается до бассейна Енисея. То-же распространеніе имѣла въ древности фауна южно-русскихъ степей. Еще въ XVII вѣкѣ водились въ Украйнѣ туръ, кабанъ и дикіе кони.

Необозримая ширь степей ограничивалась съ Юга горными кряжами и морями, а съ Сѣвера непроходимыми для номада лѣсами и болотами. Только лѣсныя болотистыя чащи сдерживали распространеніе кочевника, переходившаго безпрепятственно за своими стадами и двигавшагося въ одних климатическихъ условіяхъ съ береговъ Аральскаго моря къ устьямъ Дуная. Уже на глазахъ исторіи свершилась перемѣна въ характерѣ почвы и климата Средней Азіи, нынѣ на громадныя пространства заносимой песками, и культурное отдѣленіе отъ нея степей Южной Россіи. Благодаря, прежде всего, отсутствію естественныхъ преградъ, именно по этому степному поясу проходила въ древности вся масса разнородныхъ племенъ, наводнившихъ затѣмъ Европу.

Такъ, тождество конскихъ удилъ и уборовъ Сѣверной Италіи съ ассирійскими въ древнѣйшую эпоху и съ кавказскими въ періодъ римской имперіи объясняется непосредственнымъ переходомъ въ Италію конныхъ отрядовъ изъ прикаспійскихъ степей. Путь народныхъ передвиженій былъ и главнымъ путемъ торговли, а съ нею и культуры.

Кочевникъ, по условіямъ своего быта, являлся въ древности естественнымъ посредникомъ въ дѣлѣ обмѣна культурныхъ произведеній отдаленныхъ другъ отъ друга культурныхъ центровъ. Привыкнувъ въ своемъ скитаніи сталкиваться съ разноплеменными формами быта и различными потребностями, онъ рано сознаетъ выгоды мѣновой торговли и создаетъ караванные пути. Личныя потребности кочевника крайне ограничены, и въ глазахъ земледѣльца, окруженнаго многочисленными постройками и орудіями, обстановка кочеваго племени представляется бѣдною, бездомовною. Эти потребности касаются личнаго убора, переноснаго жилья, въ видѣ кибитки и юрты, съ ихъ незамысловатыми приспособленіями на разныя времена года. Не будучи привязанъ къ клочку земли, кочевникъ считаетъ стоянку своею родиною, и кочевая орда, перенесшая свой таборъ иногда въ далекія страны, памятуетъ о ней, какъ о своемъ отечествѣ, въ которомъ она оставила своихъ погребенныхъ родичей. Общій священный родовой некрополь, устроившійся на мѣстѣ прежняго кочевья, связываетъ вольныхъ кочевниковъ въ одно племя, хотя и живущее въ разбродъ. Такъ, древняя Халдея продолжала служить усыпальницею для царства Ассирійскаго и древнѣйшій Сарай, близь устья Волги (Селитряное), для Великаго Сарая, у отдѣленія Ахтубы (нынѣшній Царевъ).

Кочевое племя не терпитъ на пути своего кочевья присутствія осѣдлаго населенія; слабыя, одиночныя поселенія вытѣсняются, отъ сильныхъ кочевникъ самъ уходитъ назадъ; но онъ переходитъ въ осѣдлое состояніе, понуждаемый потерею своего стада, всего имущества, или привлекаемый къ тому особо выгодными условіями земледѣлія.

Привязанность кочевника къ своему быту проистекаетъ столько-же отъ легкаго удовлетворенія несложныхъ его нуждъ, сколько отъ той поэтической стороны вольной кочевой жизни, въ которой отсутствуетъ тяжелый трудъ земледѣльца, а повседневныя явленія разнообразятся постоянными перемѣнами мѣста и богатствомъ впечатлѣній природы. Въ самой орнаментаціи предметовъ личнаго убора кочевникъ предпочитаетъ видѣть воспроизведеніе окружающей природы — растеній, птицъ, хищныхъ звѣрей и домашнихъ животныхъ. Къ тому-же личному убору онъ относитъ убранство своего коня и нерѣдко навѣшиваетъ на его узду женскія украшенія, на которыя ему нѣтъ нужды скупиться.

Довольствуясь исключительно пищею отъ своихъ стадъ и молокомъ кобылицъ въ свѣжемъ или сквашенномъ видѣ, кочевникъ всѣ свои излишнія пріобрѣтенія расходуетъ на богатые и сложные уборы, собственные, своей семьи и своихъ коней. Въ характерѣ этихъ уборовъ сказывается, прежде всего, неизмѣнный въ теченіи тысячелѣтій кочевой бытъ, съ его наѣздничествомъ, съ его лихими охотами, какъ главнымъ развлеченіемъ. Земледѣлецъ, будучи принужденъ обстоятельствами войны и похода къ бродячей жизни, заимствуетъ тогда отъ кочевника его обстановку и уборы, какъ наиболѣе приложимые къ данному случаю. Кочевникъ всегда остается при своихъ вкусахъ, не имѣя поводовъ къ ихъ перемѣнѣ, и передвинувшись изъ глубины Средней Азіи на берега Дона, продолжаетъ получать свои украшенія и свое оружіе изъ отдаленной Персіи, приспособляя къ ихъ образцу и издѣлія новыхъ мѣстъ, и свои заказы.

Такимъ образомъ, необозримый поясъ степей, окаймляющихъ срединную Россію

съ Юга и Востока, съ ихъ крайне подвижнымъ населеніемъ, сослужилъ важную и столь-же широкую службу разрозненнымъ въ лѣсахъ поселенцамъ въ дѣлѣ достиженія ими формъ культуры.

Нестѣсненное въ главнѣйшихъ условіяхъ жизни кочевье не знаетъ войнъ и походовъ, отличается мирнымъ характеромъ; правда, осѣдлыхъ сосѣдей безпокоитъ и держитъ въ постоянной тревогѣ кочевая вольница, наѣздники, легко соединяющіе охоту съ грабежомъ, но при захватѣ селъ и городовъ кочевникъ обыкновенно ограничивается однимъ наложеніемъ дани. Съ переходомъ, однако,

2. Видъ степи въ южной Россіи.

вслѣдствіе взаимнаго стѣсненія, на военное положеніе, кочевье легко формируется въ военныя «вольныя братства», и затѣмъ въ орду, которая уже совершаетъ набѣги и дѣлаетъ обширныя завоеванія, слившись съ другими разнородными ордами. На мѣсто прежняго мирнаго кочеваго племени является отнынѣ вооруженный народъ, имѣющій центромъ свой таборъ и связанный однимъ, достигшимъ преобладанія родомъ или племенемъ, которое и даетъ свое имя всему завоеванію. Такъ, во время Геродота, вся масса племенъ, какъ кочевавшихъ въ степи, такъ и осѣвшихъ по берегамъ рѣкъ и въ лѣсныхъ оазисахъ Южной Россіи, называ-

лась Скиѳами, а вскорѣ послѣ Геродота—Сарматами, по имени иранскаго, наиболѣе сплоченнаго и культурнаго племени, пришедшаго на берега Дона и Азовскаго моря отъ западнаго берега Каспія.

Долгое время до Грековъ доходили только глухіе слухи объ отдаленныхъ земляхъ Южной Россіи и ихъ особенномъ населеніи. По словамъ Гомера (Иліада п. XIII), Зевсъ, обозрѣвая землю, выше Ѳракіянъ, «наѣздниковъ конныхъ», и Мизянъ, «бойцовъ рукопашныхъ», созерцаетъ здѣсь «*дивныхъ мужей Гиппемолговъ, бѣдныхъ, питавшихся только млекомъ, справедливѣйшихъ смертныхъ*».

3. Киргизскія юрты.

Древніе писатели, слѣпо вѣря авторитету Гомера и принимая эпитеты за собственныя имена, толкуютъ до позднѣйшаго времени о народахъ: Абіяхъ (*бѣдные, лишенные средствъ къ жизни*), Агавахъ (*славные*), Гиппемолгахъ (*доители кобылицъ*), Галактофагахъ (*питающіеся млекомъ*). Гезіодъ знаетъ далекую, лежащую на краю земли страну Галактофаговъ, живущихъ въ повозкахъ. По идеаламъ воображаемаго золотаго вѣка, этимъ кочевымъ, малоизвѣстнымъ народамъ приписывали предполагаемыя добродѣтели пастушескаго быта: умѣренность въ образѣ жизни и нелюбостяжательность, хорошее управленіе и общинное владѣніе имуществомъ, справедливость и гостепріимство, благочестіе и воздержаніе въ пищѣ. Большинство этихъ свѣдѣній составляютъ, однако, лишь измышленія глоссаторовъ и комментаторовъ одного и того-же мѣста Гомера.

Иначе поступаетъ въ своемъ комментаріи Страбонъ, который имя Абіевъ объясняетъ бездомностью племенъ, живущихъ въ кибиткахъ, и считаетъ какъ Абіевъ, такъ и Гиппемолговъ и Галактофаговъ Скиѳами и Сарматами. Всѣ же перечисляемыя писателями добродѣтели этихъ племенъ, въ глазахъ Страбона, объясняются

нравами пастушескаго быта, который всегда, и во времена Геродота, и позже него, былъ бездомнымъ, не зналъ запасовъ и торговли, кромѣ мѣновой, а съ нею обмана и страсти къ пріобрѣтенію.

Но греческіе писатели, видимо, предпочитали поэтическіе эпитеты, данные Гомеромъ, реальнымъ именамъ, или же, ради риторической прикрасы, смѣшивали тѣ и другіе. Такъ, Діонисій, авторъ «описанія міра», I—II стол. по Р. Х., опи-

4. Переправа табуна черезъ Волгу.

сывая Припонтійскія степи (ст. 308 — 310), знаетъ тамъ и Тавровъ, и многоконное племя Агавовъ, Геродотовскихъ Меланхленовъ и Гомеровскихъ мужей Гиппемолговъ, Невровъ и Гипподовъ, этимъ смѣшеніемъ миѳологическихъ именъ желая дать представленіе о сказочной, полной чудесъ и дивъ странѣ.

Курцій Руфъ (II—IV в. по Р. Х.) говоритъ (VII, 7), что къ Александру Великому приходили въ Азіи «послы Абіевъ Скиѳовъ, освободившихся послѣ Кира, но тогда обѣщавшихся исполнить повелѣнія (Александра); о нихъ было извѣстно, что это справедливѣйшіе изъ варваровъ; они, если ихъ не раздражали, удерживались отъ употребленія оружія; умѣренно и справедливо пользуясь свободою, они дѣлали своими начальниками (даже) людей низкаго происхожденія».

Другой историкъ Александра Великаго Арріанъ, II в. по Р. Х., также застав-

ляетъ этого завоевателя входить въ сношенія съ гомеровскимъ народомъ Абіевъ: «пришли,—говоритъ онъ (въ «Походѣ» Александра, IV, I), къ Александру послы отъ Скиѳовъ, именуемыхъ Абіями, которыхъ и Гомеръ славитъ въ своей поэмѣ, называя ихъ справедливѣйшими людьми, а живутъ они въ Азіи независимо, вслѣдствіе своей бѣдности и справедливости...»

Амміанъ Марцеллинъ, писатель IV вѣка по Р. Х. упоминаетъ въ числѣ азіатскихъ народовъ и Абіевъ и Галактофаговъ. Онъ говоритъ (XXIII, 6. 53), что «противъ Гирканцевъ на Сѣверъ, обитаютъ Абіи, благочестивѣйшій народъ, привыкшій быть равнодушнымъ ко всему человѣческому, на которыхъ взираетъ съ Идейскихъ горъ Юпитеръ, какъ поетъ баснословный Гомеръ...» а въ другомъ мѣстѣ (XXIII, 6. 62), «что, среди этихъ (скиѳскихъ) народовъ, почти недоступныхъ вслѣдствіе чрезмѣрной свирѣпости, есть нѣкоторые мягкіе и благочестивые люди, какъ Яксарты и Галактофаги, о которыхъ упоминаетъ вѣщій Гомеръ...»

Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ цитатъ очевидно, что большинство древнихъ писателей въ гомеровскихъ Гиппемолгахъ, Абіяхъ и Галактофагахъ видѣло (за исключеніемъ Каллимаха (III в. до Р. Х.), отождествляющаго ихъ съ Киммеріянами) свидѣтельство знакомства этого поэта съ кочевниками припонтійскихъ степей, носившими общее имя Скиѳовъ.

Имя Киммеріянъ впервые упоминается у Гомера (Одиссея, XI, 14 — 19) «Тамъ Киммеріянъ печальная область, покрытая вѣчно влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являетъ оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліосъ, землю-ль онъ покидаетъ, всходя на звѣздами обильное небо, съ неба-ль звѣздами обильнаго сходитъ, къ землѣ обращаясь; ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ».

Гомеровскихъ Киммеріянъ предполагаютъ на берегахъ Керченскаго пролива — древняго Киммерійскаго Босфора. Древнѣйшими свидѣтельствами о Киммеріянахъ являются ассирійскія надписи VII, в. до Р. Х. Такъ, царь Ашшурахеиддинъ (Асаргаддонъ, 681—669 до Р. Х.), разсказывая о своихъ походахъ, говоритъ: «Теушпу, Киммерійца номада, земля котораго далека, разбилъ я оружіемъ въ землѣ Губушна со всѣмъ его войскомъ».

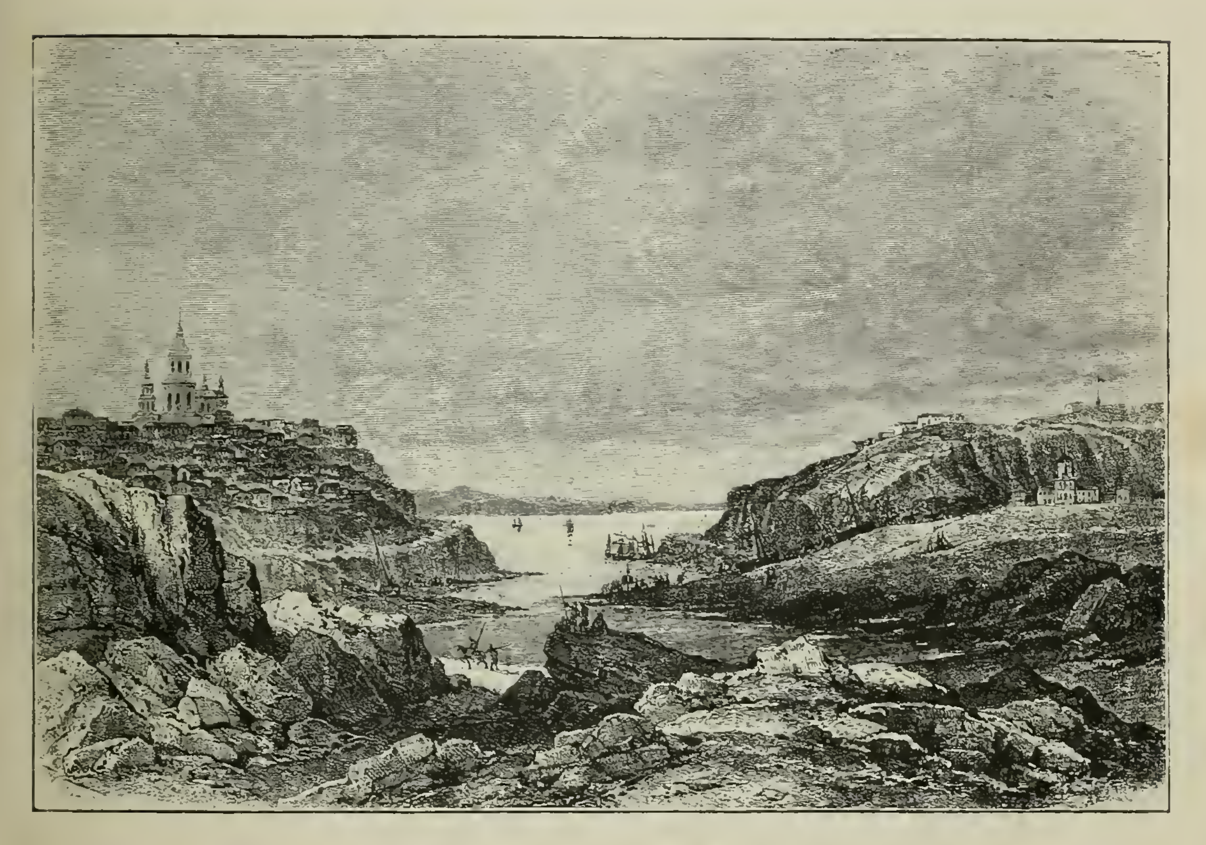
Въ надписи царя Ашшурбана-абала (Ассурбанипала, 668 — 626), говорящей о подчиненіи ему Гигеса царя Лидійскаго, упоминается и о томъ, что «съ того самаго дня, какъ принялъ онъ ярмо (моей власти), онъ захватилъ Киммерійцевъ, опустошителей его земли, которые не боялись моихъ отцовъ и не приняли ига моей власти, съ помощью Ашшура и Иштаръ, боговъ, моихъ властелиновъ».

Если у Персовъ, близко знакомыхъ съ кочевыми племенами Средней Азіи, даже во время Ахеменидовъ ставили въ вавилонскихъ переводахъ имя Киммерійцевъ (Гимири) вмѣсто извѣстнаго имени Саковъ персидскаго текста, то понятно у Грековъ постоянное смѣшеніе Скиѳовъ съ Киммерійцами.

Уже писатель VI в. до Р. Х. Аристей Проконнесскій, по словамъ Геродота (IV, 13), говорилъ, что «Киммерійцы, жившіе у южнаго моря, тѣснимые Скиѳами, покинули свою землю».

Самъ Геродотъ также въ сказаніяхъ о происхожденіи скиѳскаго народа передаетъ (IV, 11. 12) разсказъ, которому «онъ самъ наиболѣе вѣритъ».

«Скиѳы кочевники жили сначала въ Азіи. Потомъ были потѣснены во время войны Массагетами и, перейдя рѣку Араксъ (?) удалились въ Киммерійскую землю (вѣдь та земля, которую нынѣ занимаютъ Скиѳы, была, говорятъ, нѣкогда Киммерійской). При наступленіи Скиѳовъ, въ виду ихъ многочисленности, Киммерійцы собрались на совѣтъ, какъ имъ быть; мнѣнія раздѣлились, при чемъ обѣ стороны упорствовали. Разумнѣе было предложеніе царей: по мнѣнію народа, слѣдовало покинуть страну и изъ-за праха не подвергать себя опасностямъ; цари

.5. Волокъ отъ р. Волги къ Дону близъ посада Дубовки, Саратовской губерніи.

предлагали биться за землю съ пришельцами. Однако, народъ не внялъ совѣту царей, а цари — мнѣнію народному. Народъ рѣшилъ покинуть страну, безъ боя передавъ ее пришельцамъ; цари же рѣшили полечь мертвыми на своей землѣ и не убѣгать, памятуя блага, которыми пользовались они (въ своей землѣ) и сколько бѣдъ, вѣроятно, постигнетъ ихъ, когда они убѣгутъ изъ отчизны. Порѣшивъ такъ, цари раздѣлились на двѣ равныя по численности стороны и вступили въ бой между собой. Когда цари перебили другъ друга, то народъ похоронилъ ихъ на рѣкѣ Тирѣ (нынѣ Днѣстръ) — могила ихъ видна еще и теперь — и похоронивъ ихъ такимъ образомъ, удалились изъ страны. Пришедшіе Скиѳы заняли пустую страну».

«И теперь есть еще въ Скиѳской землѣ Киммерійскія стѣны, Киммерійскія переправы, есть и страна по имени Киммерія, есть и Босфоръ, именуемый Киммерійскимъ. Извѣстно, что Киммеріяне, когда бѣжали отъ Скиѳовъ въ Азію, заселили полуостровъ, на которомъ нынѣ построенъ греческій городъ Синопъ. Очевидно также, что Скиѳы преслѣдовали ихъ и, ошибшись въ пути, вторгнулись въ Мидійскую землю; вѣдь Киммеріяне бѣжали все вдоль моря, а Скиѳы преслѣдовали ихъ, имѣя Кавказъ справа, пока не вторгнулись въ Мидійскую землю, повернувъ въ средину материка. Таковъ другой разсказъ, общій и Грекамъ и варварамъ».

Многочисленныя извѣстія греческихъ писателей ясно доказываютъ, что нашествія Киммерійцевъ на Азію бывали задолго до набѣга Скиѳовъ; мало того, Киммеріяне уже въ древности поселились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малой Азіи. Самыя обстоятельства ихъ изгнанія Скиѳами, шедшими съ востока, представляются въ повѣствованіи Геродота съ достаточною вѣроятностью: съ одной стороны, народъ Киммерійскій частію удалился добровольно еще до прихода Скиѳовъ, которымъ преслѣдовать его было незачѣмъ, такъ какъ они получили то, чего искали, — землю. Съ другой стороны, Киммерійцы съ Босфора и устьевъ Днѣстра бѣжали передъ наступавшими съ востока Скиѳами не на западъ, а на юго-востокъ. Причинная связь между вторженіемъ Скиѳовъ и появленіемъ Киммеріянъ въ Малой Азіи весьма возможна, и потому эпоху вторженія Скиѳовъ можно относить къ VIII стол. до Р. Х. (по Орозію, I, 21, появленіе Киммеріянъ въ Малой Азіи имѣло мѣсто въ 784 году, а по Евсевію, во 2-й годъ 4-й Олимпіады, т. е. въ 695 году до Р. Х.).

Надпись царя Асаргаддона свидѣтельствуетъ, что имя Киммеріянъ было собственнымъ, а не нарицательнымъ, или что первоначально именемъ этимъ обозначался одинъ опредѣленный народъ. Только впослѣдствіи, начиная со II вѣка до Р. Х. (напр. Посидоній), увлекаясь кажущимся созвучіемъ этого имени съ именемъ Кимбровъ, явившихся въ это время на противоположномъ концѣ грекоримскаго міра, стали безразлично употреблять оба эти имени.

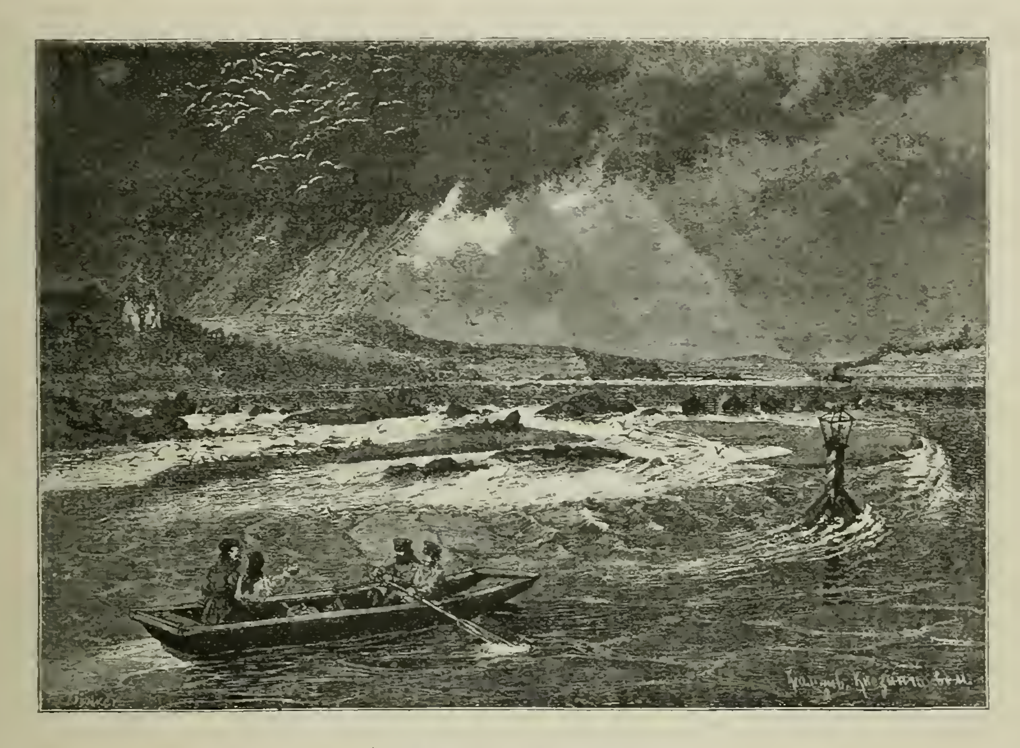
Если Киммеріяне дѣйствительно были изгнаны Скиѳами, то совсѣмъ не тѣми, которые около 630 годовъ до Р. Х. сдѣлали набѣгъ на Переднюю Азію. Эти послѣдніе были племена Средней Азіи, и шли, конечно, не черезъ Кавказъ, гдѣ едва-ли возможно было пройти народу всадниковъ, а обычной дорогой средне-азіатскихъ завоевателей, къ югу отъ Каспійскаго моря.

Кочевники Средней Азіи съ древнѣйшихъ временъ дѣлали свои хищническія набѣги на сосѣднія, болѣе богатыя страны. Извѣстія, сообщаемыя древними авторами о набѣгѣ Скиѳовъ на Азію, несмотря на многочисленность, весьма разнорѣчивы, очевидно весьма преувеличенны и нерѣдко сильно разногласятъ одно съ другимъ.

Памятники литературы тѣхъ народовъ, которымъ, по словамъ греческихъ извѣстій, пришлось пострадать отъ этого варварскаго нашествія, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ Еврейскихъ пророковъ, въ которыхъ видятъ намеки на скиѳское нашествіе, никакихъ свѣдѣній до сихъ поръ не даютъ.

Пророкъ Іеремія (IV, 5 — 29) нѣсколько разъ говоритъ о скиѳскомъ нашествіи. «Объявите въ Іудеѣ и разгласите въ Іерусалимѣ... взывайте громко и гово-

рите: соберитесь и пойдемъ въ укрѣпленные города. Выставьте знамя къ Сіону, бѣгите, не останавливайтесь; ибо Я приведу отъ сѣвера бѣдствіе и великую гибель. Выходитъ левъ изъ своей чащи и выступаетъ истребитель народовъ; онъ выходитъ изъ своего мѣста, чтобы землю твою сдѣлать пустынею; города твои будутъ разорены, останутся безъ жителей... Ибо уже несется голосъ отъ Дана и гибельная вѣсть отъ горы Ефремовой: объявите народамъ, извѣстите Іерусалимъ, что идутъ изъ дальней страны осаждающіе и криками своими оглашаютъ города Іудеи. Какъ сторожа полей, они обступили его кругомъ... ты слышишь,

6. Видъ Днѣпра у пороговъ.

душа моя, звукъ трубы, тревогу брани. Бѣда за бѣдою: вся земля опустошается, внезапно разорены шатры мои, мгновенно — палатки мои. Долго-ли мнѣ видѣть знамя, слушать звукъ трубы?... Смотрю на землю, и вотъ она разорена и пуста, на небеса — и нѣтъ на нихъ свѣта... Смотрю на горы, и вотъ онѣ дрожатъ и всѣ холмы колеблются. Смотрю, и вотъ нѣтъ человѣка и всѣ птицы небесныя разлетѣлись. Смотрю, и вотъ Кармилъ — пустыня и всѣ города его разрушены отъ лица Господа, отъ ярости гнѣва Его. Ибо такъ сказалъ Господь: вся земля будетъ опустошена, но совершеннаго опустошенія не сдѣлаю... Отъ шума всадниковъ и стрѣлковъ разбѣгутся всѣ города: они уйдутъ въ густые лѣса и влѣзутъ на скалы; всѣ города будутъ оставлены и не будетъ въ нихъ ни одного жителя».

(V, 15 — 17). «Вотъ Я приведу на васъ, домъ Израилевъ, говоритъ Господь, народъ издалека, народъ сильный, народъ древній, народъ, языка котораго ты не

знаешь, и не будешь понимать, что онъ говоритъ. Колчанъ его, какъ открытый гробъ; всѣ они люди храбрые. И съѣдятъ они жатву твою и хлѣбъ твой, съѣдятъ сыновей твоихъ и дочерей твоихъ, съѣдятъ овецъ твоихъ и воловъ твоихъ, съѣдятъ виноградъ твой и смоквы твои; разрушатъ мечемъ укрѣпленные города твои, на которые ты надѣешься».

(VI, 22 — 25). «Такъ говоритъ Господь: вотъ идетъ народъ отъ страны сѣверной, и народъ великій поднимается отъ краевъ земли. Держатъ въ рукахъ лукъ и копье; они жестоки и немилосерды; голосъ ихъ шумитъ, какъ море, и несутся (они) на коняхъ, выстроенные, какъ одинъ человѣкъ, чтобы сразиться съ тобою, дочь Сіона. Мы услышали вѣсть о нихъ, и руки у насъ опустились, скорбь объяла насъ, муки, какъ женщину въ родахъ. Не выходите въ поле и не ходите по дорогѣ, ибо мечъ непріятелей, ужасъ со всѣхъ сторонъ».

(VIII, 16). «Отъ Дана слышенъ храпъ лошадей его, отъ громкаго ржанья жеребцовъ его дрожитъ вся земля и пріидутъ и истребятъ землю и все, что въ ней, городъ и живущихъ въ немъ».

У пророка Іезекіиля стоятъ рядомъ два пророчества о нашествіи Скиѳовъ и о гибели ихъ въ Палестинѣ (XXXVIII, 3): «Такъ говоритъ Господь: Вотъ Я на тебя, Гогъ, князь Роша, Мешеха (Мосхи Геродота, у береговъ Чернаго моря), и Ѳувола (Тибарены въ Арменіи)! И поверну тебя, и вложу удила въ челюсти твои, и выведу тебя и все войско твое, коней и всадниковъ, всѣхъ въ полномъ вооруженіи, большое полчище, въ броняхъ и со щитами, всѣхъ вооруженныхъ мечами, Персовъ, Еѳіоплянъ и Ливійцевъ съ ними, всѣхъ со щитами и въ шлемахъ, Го́мера со всѣми отрядами его, домъ Ѳогарма (Арменія), отъ предѣловъ сѣвера, со всѣми отрядами его, многіе народы съ тобой».

Пророчества Іереміи носятъ отчасти историческій характеръ: сквозь вдохновленные, поэтическіе обороты рѣчи видны историческіе Скиѳы, идущіе съ сѣвера, неразлучные со своими конями, вооруженные луками и копьями, жестокіе и неумолимые — какими описываютъ ихъ и греческіе писатели.

Миѳическія имена Гога и Магога съ древнихъ временъ объясняли именами сѣверныхъ варваровъ. Такъ, Скиѳами считали ихъ Іосифъ Флавій (Ant. Iud. I, 6. I), блаженный Іеронимъ (Quaest. hebr. in Genes. X, 2, Comment. in Ezech. XXXVIII, 2), Исидоръ Севильскій (Orig, IX, 2. 27), Зонара (Annal. I, 5). Когда на историческую сцену выдвинулись Готы, то и ихъ стали считать Магогомъ. Когда нагрянули монгольскія племена, то стали прилагать имя Магога къ нимъ. Племена Гога и Магога перешли и въ Коранъ, и въ арабскія сказанія объ Искандерѣ, запирающемъ ихъ стѣною, тою самою, которую сассанидскіе цари выстроили близь Дербента противъ набѣговъ сѣверныхъ варваровъ-Скиѳовъ. Разсказъ этотъ арабскія сказанія взяли изъ Корана, гдѣ «стѣну эту сооружаетъ «Двурогій» т. е. Александръ Великій.

Изъ того обстоятельства, что они являются у Пророковъ въ союзѣ съ Армянскими народами, можно вывести, что набѣгъ свой они сдѣлали изъ Арменіи. Такое предположеніе подтверждаютъ и разсказомъ о походахъ Ассурбанипала около 660 г. на Саковъ (Скиѳовъ) въ Арменіи и свидѣтельствомъ Страбона (XI, 8. 4): «Саки дѣлали разные набѣги на Киммеріянъ и Треровъ, одни въ дальнія

страны, другіе въ сосѣднія. Заняли они и Бактріану и лучшую часть Арменіи, которой оставили и свое имя — Сакасена, доходили они и до Каппадокійцевъ и даже до прибрежныхъ городовъ Евксина, жителей которыхъ теперь зовутъ Понтиками».

Дальнѣйшія извѣстія «отца исторіи» Геродота о движеніяхъ и набѣгахъ скиѳскихъ племенъ въ Азіи имѣютъ легендарный характеръ и до извѣстной эпохи не стоятъ въ непосредственной связи съ исторіей Скиѳовъ въ южной Россіи. Такъ, въ книгѣ I, гл. 73 разсказывается о переходѣ Скиѳовъ изъ Верхней Азіи въ на-

7. Днѣстръ у г. Могилева-Подольскаго.

чалѣ VI вѣка въ Мидію, гдѣ сначала они пользовались покровительствомъ Кіаксара, обучая Мидійскіе отряды стрѣльбѣ изъ лука, а затѣмъ, поссорившись, ушли въ Лидію и были причиною пятилѣтней войны между этими странами. Въ книгѣ I, гл. 103 — 106 сообщаются баснословныя извѣстія о нашествіи Скиѳовъ до Египта (вѣроятно Гиксосовъ) и владычествѣ ихъ надъ Азіею въ теченіе 28 лѣтъ. «Когда», говоритъ Геродотъ (IV, 1), «Скиѳы возвращались домой, они нашли у себя уже новое поколѣніе, не малое, враждебное имъ войско». Ибо скиѳскія женщины, вслѣдствіи долговременнаго отсутствія мужей, вступили въ связь съ рабами. Эта молодежь рѣшила воспрепятствовать возвращенію Скиѳовъ изъ Мидіи. Сперва

они отрѣзали свою землю широкимъ рвомъ, тянущимся отъ Таврическихъ горъ до Мэотиды въ наиболѣе широкой части озера. Сраженія происходили часто, но Скиѳы никакъ не могли одолѣть рабовъ, пока, по совѣту одного изъ Скиѳовъ, они не взяли вмѣсто оружія по конской плети. Молодежь, пораженная этимъ, забыла о битвѣ и бѣжала». Въ этомъ разсказѣ остается необъяснимымъ фактъ проведенія рва, отрѣзывавшаго только Керченскій полуостровъ, а не скиѳскую землю, если это тотъ самый ровъ, который, по Геродоту (IV, 20, 28) составлялъ юго-восточную границу земли Царскихъ Скиѳовъ. Если же этотъ ровъ считать за Сивашъ, или даже за самый Босфоръ Киммерійскій, которымъ дѣйствительно отдѣляется Скиѳія европейская отъ азіатской, то миѳологическое происхожденіе этого разсказа явно. Въ той-же мѣрѣ переплетены легендами свѣдѣнія писателей временъ послѣ Александра Македонскаго о борьбѣ Персидскаго царства со Скиѳскими племенами, жившими отъ нынѣшняго Хорассана на сѣверъ: племена эти управлялись царями, обладавшими большими богатствами и предававшимися роскоши; въ память одной изъ важныхъ персидскихъ побѣдъ надъ племенемъ Саковъ, у Персовъ учрежденъ былъ особый праздникъ съ играми «Сакейскими», справлявшійся жителями Зелы еще во времена Страбона (XI, 8).

8. Золотая бляшка изъ Куль-Обскаго кургана, представляющая Скиѳовъ, исполняющихъ воинственный плясъ.

Именемъ Саковъ, говоритъ Геродотъ (VII, 64), Персы называютъ амиргійскихъ Скиѳовъ. Изъ нихъ многіе уже не были номадами, а обитали въ богатыхъ пшеницею мѣстностяхъ Средней Азіи (по свидѣтельству Херила, IV в. до Р. Х.).

Другое скиѳское племя Массагетовъ Геродотъ (I, 201) считаетъ народомъ большимъ и сильнымъ, живущимъ на Востокѣ за Араксомъ. Греческія легенды много говорятъ о Сакскихъ и Массагетскихъ женщинахъ, участвующихъ съ мужчинами въ походахъ, и о царицахъ этихъ племенъ, которыя превосходили всѣхъ военною опытностью и отвагою. Царица Саковъ Зарина (Діодоръ Сицилійскій II, 34), красавица, хитроумная правительница, покорила всѣхъ сосѣднихъ варваровъ, воздѣлала большую часть страны, построила много городовъ, сдѣлала жизнь народа счастливой. Народъ въ память ея воздвигъ пирамиду, стороны которой имѣли по 3 стадіи (½ версты), высота — 1 стадію съ колоссальною статуей царицы наверху. Столица Зарины называлась, по Николаю Дамасскому (I в. по Р. Х.), Росканакою. Извѣстенъ разсказъ о походѣ персидскаго царя Кира противъ Массагетовъ, о геройствѣ царицы ихъ Томирисы, и жестокой битвѣ, въ которой палъ самъ Киръ (529 г. до Р. Х.).

Ктесій (около 400 г. до Р. Х.), пользовавшійся для своихъ хроникъ царскими архивами Персовъ, называетъ скиѳскія племена, съ которыми воевалъ Киръ, Саками, и войско ихъ, предводительствуемое царицею Спаретрою, исчисляетъ въ триста тысячъ мужчинъ и въ двѣсти тысячъ женщинъ. Страбонъ (XI, 8. 5) относитъ самое празднество Сакай къ побѣдѣ Кира надъ Массагетами, когда они, напившись виномъ, среди плясокъ были захвачены имъ врасплохъ; шумныя ночныя

оргіи этого празднества совершались одѣтыми по скиѳски и дерущимися между собою мужчинами и женщинами, которыя тоже участвовали въ попойкѣ.

Амміанъ Марцелинъ (XXIII, 6. 7) переноситъ мѣсто дѣйствія Кирова похода въ Скиѳію Европейскую.

Свѣдѣнія о борьбѣ со Скиѳами среднеазіатскими и европейскими персидскаго царя Дарія сохранились не только въ сказаніяхъ греческихъ писателей, но даже и въ надписяхъ самого Дарія. Къ сожалѣнію, послѣднія отчасти плохо сохранились, отчасти слишкомъ кратки, или читаются учеными различно.

9. Изображеніе битвы Персовъ съ Саками на персидскомъ цилиндрѣ.

Въ знаменитой трехъязычной надписи на скалѣ Бегистана Дарій, перечисляя свои владѣнія, упоминаетъ Саковъ.

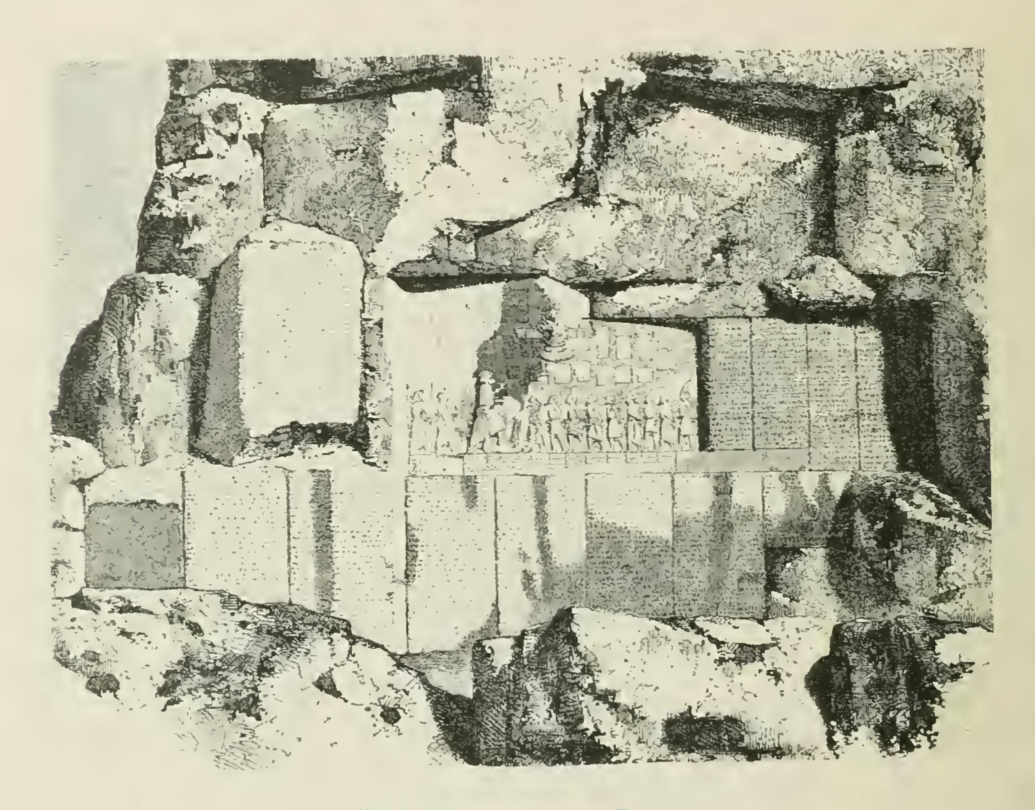
Посреди надписей этой скалы высѣченъ барельефъ, изображающій царя Дарія, ставшаго одною ногою на поверженнаго самозванца Таумату, — Лжесмердиса Геродота; сзади царя двое тѣлохранителей, вверху паритъ благословляющій царя богъ Ассуръ; предъ царемъ, согнувшись, стоятъ девять бунтовщиковъ съ веревкой на шеяхъ; надъ каждымъ изъ нихъ надписано ихъ имя. Надъ послѣднимъ: «Это Сакука-Сакъ». Одежда его состоитъ изъ подпоясаннаго кафтана съ рукавами; на головѣ надѣта высокая, загибающаяся назадъ шапка, въ родѣ колпака. Геродотъ такъ описываетъ костюмъ Саковъ (VII, 64): «и Саки-Скиѳы имѣли на головахъ «*кирбасіи*», остроконечныя шапки изъ плотнаго, твердаго войлока, одѣты были въ штаны, имѣли туземные луки, короткіе мечи и сѣкиры — «*сагары*». На бегистанскомъ рельефѣ всѣ плѣнные изображены безоружными. Но характерный признакъ Саковъ — «кирбасіи» позволяетъ видѣть представителей этого племени на другомъ рельефѣ, украшающемъ террассу дворца персидскихъ царей въ Персеполѣ.

Въ VI в. до Р. Х. «во времена Креза и Кира», какъ говоритъ извѣстный лексикографъ Свида, жилъ Аристей Проконнесскій, написавшій поэму «Аримаспія», изъ которой Геродотъ приводитъ отрывокъ (IV, 13). Изъ этого отрывка узнаемъ, что на далекомъ сѣверѣ живутъ Исседоны, а выше ихъ одноглазые Аримаспы; надъ Аримаспами стерегущіе золото грифы, а еще выше Гипербореи, простирающіеся до моря. За исключеніемъ Гипербореевъ, всѣ эти народы постоянно вытѣсняютъ своихъ сосѣдей. Изъ общаго представленія о мѣстахъ поселенія этихъ народовъ можемъ догадываться, что всякое новое, появлявшееся въ южно-русскихъ степяхъ Россіи племя оттѣсняло другое на сѣверъ, и что только жители крайняго сѣвера, огражденные лѣсами и болотами, пользовались покоемъ.

Далѣе сѣверъ для древнихъ Грековъ простирался, мимо Чернаго и Каспійскаго моря, въ глубину Сибири, и тамъ-то Греки полагали жилище одноглазыхъ Аримасповъ. «Выше къ сѣверу (по стихамъ «Аримаспіи» у византійскаго писателя Цецы (Хиліад. VII, 689) сосѣдитъ съ Исседонами народъ многочисленный и крѣп-

кій, воинственный, богатый конями, овцами и быками; глазъ же одинъ люди эти съ косматыми волосами имѣютъ на прекрасномъ лбу».

По Геродоту, I, 26, въ его время разсказывали, что «у Исседоновъ существуютъ слѣдующія обычаи: если у кого умретъ отецъ, всѣ родственники пригоняютъ къ нему свой скотъ, убиваютъ животныхъ, разрѣзаютъ мясо на куски вмѣстѣ съ тѣломъ покойнаго родителя хозяина; все мясо мѣшаютъ вмѣстѣ и

10. Барельефъ на скалѣ въ Бегистанѣ.

устраиваютъ пиршество. Голову покойнаго обнажаютъ отъ волосъ, вычищаютъ ее извнутри и покрываютъ золотомъ, потомъ пользуются ею, какъ священнымъ сосудомъ при совершеніи торжественныхъ годичныхъ жертвоприношеній. Празднество устраиваетъ у нихъ сынъ въ честь отца, какъ у эллиновъ праздникъ поминовенія покойниковъ. Вообще же этотъ народъ считается справедливымъ: женщины у него пользуются одинаковымъ положеніемъ съ мужчинами».

«Такимъ образомъ, этотъ народъ извѣстенъ еще, а выше его, по разсказамъ Исседоновъ, живутъ одноглазые люди и стерегущіе золото грифы. Со словъ Исседоновъ, повторяютъ это Скиѳы, а отъ Скиѳовъ знаемъ и мы, почему и называемъ ихъ по скиѳски Аримаспами: словомъ *арима* Скиѳы называютъ одинъ, а *спу* значитъ на ихъ языкѣ глазъ».

Но и самъ Геродотъ не признаетъ достовѣрности послѣдняго разсказа (III, 116):

«Въ Сѣверной части Европы — говоритъ онъ — есть несомнѣнно много золота; но о способѣ добыванія его я не могу сказать ничего достовѣрнаго. Разсказываютъ, впрочемъ, что одноглазые Аримаспы похищаютъ его у грифовъ. Однако, я не вѣрю въ существованіе людей одноглазыхъ, во всемъ остальномъ сходныхъ съ прочими людьми. Вообще, крайнія страны, замыкающія и ограничивающія собой остальную землю, содержатъ въ себѣ тѣ предметы, которые считаются у насъ самыми драгоцѣнными и наиболѣе рѣдкими».

Уже сами древніе не отдавали себѣ отчета въ миѳологическомъ происхожденіи грифовъ, стерегущихъ золото, и одноглазаго народа, работающаго (будто бы тайкомъ) въ шахтахъ Алтая: по искусственному объясненію комментатора Евстаѳія, «Аримаспы, будучи опытнѣйшими стрѣлками, закрываютъ одинъ глазъ для мѣткости выстрѣла и, быть можетъ, вслѣдствіи чрезмѣрнаго упражненія въ этомъ съ дѣтства, какъ говорятъ и древніе, одинъ глазъ у нихъ дѣлается меньше. А такъ какъ они, естественно, родятся такими, какъ ихъ отцы, то недостатокъ этотъ сталъ племенною особенностью».

Греческая легенда о грифахъ, стерегущихъ золото, подкрѣпляется извѣстнымъ восточнымъ разсказомъ о хищномъ громадномъ орлѣ рокѣ, выносящемъ съ кусками мяса драгоцѣнные камни изъ недоступныхъ горныхъ ущелій Азіи. Возможно, что легенда стоитъ въ связи съ погребеніемъ труповъ въ добычу хищнымъ птицамъ, по закону Парсовъ, чтущихъ солнце на высотахъ; обильное золото, находившееся въ кладбищахъ подъ открытымъ небомъ, народовъ, жившихъ на югъ отъ Сибири, могло привлекать охотниковъ, которые должны были для этого вступать въ борьбу съ хищными птицами.

11. Грифонъ на Керченской булавкѣ.

Изъ всѣхъ древнихъ извѣстій видно, что Исседоны были дѣйствительными обитателями какой-то области на востокѣ — можетъ быть степей между Волгой и Ураломъ или степей за-уральскихъ. Аримаспы, жившіе надъ ними, соприкасались съ золотоносными мѣстами или Восточнаго склона Урала, или Сѣверо-Западнаго Алтая. Обычаи, приписываемые Геродотомъ Исседонамъ, тождественны съ обычаями другихъ дикихъ племенъ: такъ, самъ Геродотъ разсказываетъ о питьѣ изъ череповъ у Скиѳовъ (IV, 65), о поѣданіи тѣлъ умершихъ у Массагетовъ (I, 216) и у какого-то индійскаго племени (III, 99).

Но всѣ эти азіатскіе народы не могутъ считаться дикими въ собственномъ смыслѣ слова, но лишь въ смыслѣ имени варваровъ, даннаго имъ Греками. Уже одно представленіе хищной птицы въ фантастическомъ образѣ грифа, подобнаго льву, но съ орлиною головою и крыльями, указываетъ на связь съ персидской культурою и искусствомъ.

Филостратъ (Vita Apoll. III, 48) въ Индіи помѣщалъ грифовъ, выкапывающихъ золото и посвящающихъ его солнцу. Представленія о грифахъ и иныхъ чудови-

щахъ зашли къ Грекамъ съ востока отъ Персовъ, у которыхъ изображенія чудовищъ фантастическихъ комбинацій были весьма употребительны; такъ, еще ранѣе у Ассирійцевъ они нерѣдко служили стражами царскихъ дворцовъ подобно тому, какъ сфинксы и грифы украшали, вѣроятно, также какъ апотропэи, ольвійскій домъ скиѳскаго царя Скила (Геродотъ, IV, 79).

Такимъ образомъ, сохранившаяся часть разсказовъ Аристея и передѣлки или повторенія ея послѣдующими писателями даютъ только имя какого-то племени Исседоновъ, жившаго гдѣ-то въ прикаспійскихъ степяхъ, сомнительное указаніе на народъ сосѣдній съ ними, но и весьма важное свидѣтельство того, что еще въ VI вѣкѣ до Р. Х. дикіе варвары крайняго Востока разработывали уже золотыя розсыпи Урала или Алтая.

Современныхъ извѣстій о походѣ Дарія на европейскихъ Скиѳовъ нѣтъ. Разсказы позднѣйшихъ писателей, Геродота, Ктесія, Страбона и Юстина весьма недостаточны: «съ переходомъ Дуная, разсказъ объ этомъ походѣ облекается въ сѣверный туманъ, въ чудесное и невѣроятное». Въ концѣ концовъ, мы не знаемъ точно, какъ далеко прошелъ Дарій отъ Дуная: настолько свѣдѣнія Грековъ о странѣ и жителяхъ были малы и привычка къ анекдотическому баснословію у ихъ писателей велика. Положительнымъ, чуждымъ всякихъ басенъ характеромъ отличаются слишкомъ, къ сожалѣнію, краткія и отрывочныя извѣстія о Скиѳіи Гекатея Милетскаго (род. около 550 г. до Р. Х.). Извѣстія его о Скиѳіи можно разсматривать какъ единственныя данныя о нѣкоторыхъ частяхъ Скиѳіи временъ Даріева похода (около 510 г. до Р. Х.). Гекатей знаетъ уже «Каркинитъ, скиѳскій городъ». Геродотъ упоминаетъ также Каркинитиду (V, 55), но положеніе ея и у него и у прочихъ, упоминающихъ объ этомъ городѣ авторовъ остается неяснымъ.

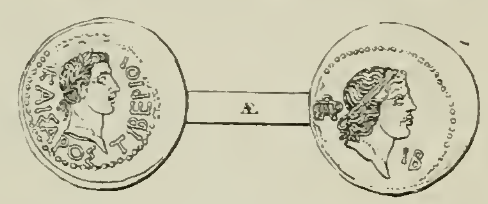
Опредѣлить съ точностью мѣсто геродотовой Каркинитиды нельзя, такъ какъ обѣ рѣки, близь нея указываемыя, Гипакирисъ и Герръ, въ настоящее время не существуютъ; изъ свидѣтельствъ позднѣйшихъ авторовъ очевидно, что подъ Каркинитскимъ заливомъ они разумѣли большой заливъ, составляющій сѣверо-западную границу Таврическаго полуострова. Арріановскія указанія заставляютъ помѣщать Каркинитъ на западномъ берегу Крыма, тогда какъ геродотовскія рѣки текли по материку и поэтому геродотовскій Каркинитъ долженъ былъ лежать на сѣверномъ берегу залива. Городъ этотъ представляетъ особый интересъ потому, что его называли въ древности скиѳскимъ; врядъ-ли, однако, обитателями его были исключительно Скиѳы: аналогія съ прочими скиѳскими городами, напр. Неаполемъ, гдѣ находимы были греческія надписи, и монеты съименемъ этого города, битыя по греческому образцу, и наконецъ самое имя его, которое надо, кажется, считать чисто греческимъ, указываютъ на то, что городъ этотъ былъ основанъ Греками, но подпалъ подъ власть Скиѳовъ. Гекатей упоминаетъ еще объ одномъ городѣ: «Кардесъ городѣ Скиѳіи» (fr. 157), имя котораго у послѣдующихъ писателей не встрѣчается, и приводитъ цѣлый рядъ именъ скиѳскихъ наро-

12. Мѣдная монета Каркинита.

довъ, какъ-то: Миргеты, Матикеты, Эзы, Исепъ, Ямы, болѣе извѣстные Меланхлены, Дандаріи (около Кавказа), Иксабаты (или Яксаматы — на Восточномъ берегу Чернаго моря), Катанны (на Каспійскомъ морѣ).

Геродотъ, въ разсказѣ о походѣ, изъ этого ряда называетъ только Меланхленовъ, а затѣмъ племена Скиѳіи, съ которыми имѣлъ дѣло Дарій, по его свѣдѣніямъ, были: Агаѳирсы, Невры, Андрофаги, Будины, Гелоны, Савроматы и Тавры. Но только Агаѳирсы и Гелоны, судя по одному изъ сказаній о происхожденіи Скиѳовъ, были родными братьями ихъ, другія же племена, повидимому, этнографически отличались отъ собственныхъ Скиѳовъ.

13. Мѣдная монета босфорскаго царя, вѣроятно Рискупориса I, 14 — 42 г. по Р. Х. На лицевой сторонѣ — изображеніе Императора, на оборотной — царя.

Мѣстожительство племенъ Геродотъ опредѣляетъ самымъ общимъ образомъ (IV, 100): «Отъ Истра (Дуная) внутрь материка Скиѳы граничатъ прежде всего съ Агаѳирсами, потомъ съ Неврами, далѣе на востокъ съ Андрофагами, наконецъ съ Меланхленами. Изъ этихъ племенъ (IV, 104): «Агафирсы... отличаются самыми мягкими нравами и очень охотно носятъ золотыя украшенія. По свидѣтельству Помпонія Мелы (II, 10): «Агаѳирсы росписываютъ (татуируютъ?) лица и тѣло тѣмъ больше, чѣмъ кто родомъ выше, но всѣ одними и тѣми-же знаками и такъ, что ихъ нельзя смыть». По словамъ Плинія (IV, 26), это племя имѣло лазоревые (или синіе) волосы, носило по Авіену (IV вѣка по Р. Х.) расписанные пестро плащи, а по Аммiану Марцеллину (XXXI, 2. 14) окрашивало все тѣло голубыми узорами.

Восточными сосѣдями Агаѳирсовъ, жившими на верховьяхъ Днѣстра, были, по Геродоту, Невры, обитавшіе надъ Скиѳами пахарями (IV, 17). «А къ сѣверу отъ Невровъ, насколько намъ извѣстно, пустыня, лишенная людей».

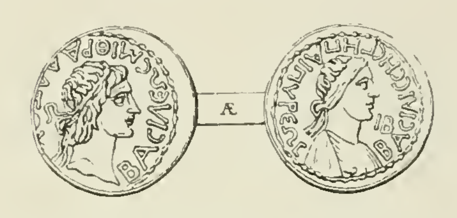
«Нравы у Невровъ скиѳскіе. За одно поколѣніе до похода Дарія, змѣи вынудили ихъ покинуть всю страну свою; именно земля ихъ произвела множество змѣй, а еще больше вторглось ихъ изъ верхнихъ пустынныхъ странъ, пока наконецъ жители не были принуждены покинуть землю и не поселились вмѣстѣ съ Будинами. Кажется, что люди эти колдуны. По крайней мѣрѣ, Скиѳы и Эллины, живущіе въ Скиѳіи, разсказываютъ, что ежегодно каждый Невръ однажды въ годъ становится волкомъ на нѣсколько дней, а потомъ снова принимаетъ человѣческій обликъ. Я не вѣрю этимъ разсказамъ, но такъ говорятъ и разсказы удостовѣряютъ клятвой». (IV, 105).

Къ востоку отъ Невровъ жили Андрофаги: «надъ пустыней (что надъ Скиѳами-земледѣльцами, т. е. гдѣ-то на лѣвомъ берегу Днѣпра), обитаютъ, по словамъ Геродота (IV, 18), Андрофаги (т. е. людоѣды), народъ особенный, вовсе не скиѳскій. Еще выше лежитъ настоящая пустыня: не живетъ тамъ, на сколько мы знаемъ, ни одинъ народъ».

«Изъ числа всѣхъ людей Андрофаги (Геродотъ IV, 106) имѣютъ самые дикіе нравы: нѣтъ у нихъ ни правды, ни закона. Андрофаги-кочевники, одѣваются по-скиѳски, но языкъ имѣютъ особенный; они одни изъ всѣхъ тамошнихъ

народовъ употребляютъ въ пищу человѣческое мясо». Страбонъ замѣчаетъ, что (VII, III, 9) «образъ жизни (различныхъ) скиѳскихъ и савроматскихъ племенъ не одинаковъ: иныя до того свирѣпы, что ѣдятъ человѣческое мясо, другія же воздерживаются даже и отъ мяса прочихъ животныхъ. Нѣкоторые писатели, говоритъ онъ,— разсказываютъ объ ихъ свирѣпости, въ виду того, что страшное и удивительное поражаетъ (читателей)». Всѣ разсказы о людоѣдствѣ и свирѣпости кочевыхъ племенъ составляютъ, видимо, общее мѣсто, и судя по нарицательному имени Андрофаговъ -людоѣдовъ, Геродотъ повторялъ только обычные диковинные разсказы о дикости далекихъ племенъ, движимый привычкою къ анекдоту.

Далѣе на востокъ обитало племя Меланхленовъ, т. е. Черныхъ Плащей (Геродотъ IV, 20): «Земли, лежащіе къ сѣверу отъ царскихъ Скиѳовъ, заняты Меланхленами, народомъ особымъ, не скиѳскимъ. Выше Меланхленовъ, насколько намъ извѣстно, лежатъ озера и безплодная пустыня»; (IV, 101) «... отъ моря внутрь страны до Меланхленовъ, что живутъ надъ Скиѳами, двадцать дней пути; дневной путь я опредѣляю въ 200 стадій (около 35 верстъ)».

14. Мѣдная монета царя Митридата III и его супруги Гипэпиреи, 42—46 г. по Р. Х. На лицевой сторонѣ — изображеніе царя, на оборотной — царицы.

По рѣчи Діона Хрисостома, не одни Меланхлены, но, въ подражаніе имъ, и Борисѳениты, жители приднѣпровья, носили небольшіе и тонкіе плащи чернаго цвѣта, и того-же цвѣта имѣютъ остальную одежду.

Тонкіе, темнаго цвѣта плащи (бурки), носимые кочевниками на военномъ положеніи, и извѣстные намъ по ихъ употребленію иными кавказскими племенами, могли, во времена Геродота, отличать еще особую кочевую народность.

Къ Востоку отъ Меланхленовъ Геродотъ помѣщаетъ Будиновъ и Гелоновъ. (IV, 21) «Надъ Савроматами, живущими вверхъ по Танаису на 15 дней пути», живутъ Будины, занимающіе землю, покрытую густымъ чернолѣсьемъ. «Выше Будиновъ къ сѣверу лежитъ пустыня на протяженіи семи дней пути». IV, 108: «Будины — народъ многолюдный съ голубыми глазами и рыжими волосами. Въ землѣ ихъ есть деревянный городъ Гелонъ. Каждая сторона городской стѣны имѣетъ въ длину тридцать стадій, стѣна высока, вся изъ дерева, равно какъ и дома, и храмы будиновъ. Тамъ есть святилища эллинскихъ божествъ съ кумирами, алтарями и храмами изъ дерева, а въ честь Діониса устраиваются тамъ каждые два года празднества съ оргіями. Первоначально Гелоны были тѣ-же Эллины, удалившіеся изъ торговыхъ городовъ и поселившіеся среди Будиновъ. Одни изъ нихъ говорятъ по-скиѳски, другіе по-эллински. Хотя Будины ведутъ такой-же образъ жизни, какъ и Гелоны, но говорятъ языкомъ особымъ. 109. Будины, туземцы въ этой землѣ, ведутъ кочевую жизнь и одни изъ тамошнихъ народовъ питаются сосновыми (кедровыми?) шишками. Гелоны, напротивъ, земледѣльцы; употребляютъ въ пищу хлѣбъ, занимаются садоводствомъ и не похожи на Будиновъ ни сложеніемъ, ни цвѣтомъ кожи. Впрочемъ, у Эллиновъ и Будины называются Гелонами, но это неправильно. Страна ихъ изобилуетъ разнородными

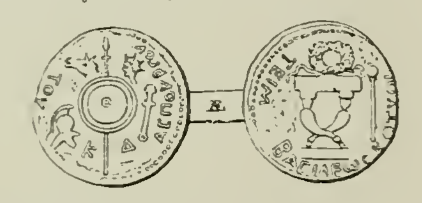
лѣсами. Въ обширнѣйшемъ изъ лѣсовъ находится большое озеро, окруженное болотомъ и тростникомъ. Въ озерѣ ловятся выдры, бобры и другія животныя съ четыреугольными мордами; кожи ихъ употребляють на опушку кафтановъ».

Страбонъ не знаетъ ни Будиновъ, ни Гелоновъ, но его «Фтирофаги» т. е. «вшеѣды» — тѣ-же кочевники вообще, носящіе мѣховую одежду.

Въ животныхъ съ четыреугольными мордами можно видѣть лосей, судя по разсказамъ о животномъ по имени тарандъ (Плиній VIII, 52): «величина таранда, какъ быка; голова больше оленьей и сходна съ нею; рога вѣтвисты, копыта двойныя, шерсть длиною съ медвѣжью. Тарандъ скиѳскій мѣняетъ цвѣта: когда онъ захочетъ имѣть свой настоящій цвѣтъ, то похожъ на осла; толщина кожи такова, что изъ нея дѣлаютъ панцыри. Онъ принимаетъ цвѣтъ всѣхъ деревьевъ, кустовъ, цвѣтовъ и мѣстъ, гдѣ онъ боязливо скрывается, и поэтому рѣдко добывается (охотниками)». Ѳеофрастъ (*Библіотека Фотія*, 278) описываетъ звѣря такъ: «тарандъ величиною съ быка, морда подобна оленьей, только шире, какъ будто составлена изъ двухъ оленьихъ...»

Писатели временъ около Рождество Христово находятъ упомянутыя выше племена уже на восточномъ прибрежьи Чернаго моря: естественно думать, что племена эти были сюда загнаны вновь вышедшими изъ Азіи народами.

Послѣднимъ нескиѳскимъ народомъ въ разсказѣ о походѣ Даріи являются Тавры (Геродотъ IV, 99). Обычаи Тавровъ таковы: «въ жертву богинѣ Дѣвѣ приносятъ они всякаго Эллина, потерпѣвшаго кораблекрушеніе у береговъ ихъ или захваченнаго въ открытомъ морѣ, и поступаютъ при этомъ такъ: послѣ предварительнаго освященія жертвы бьютъ ее по головѣ дубиной; по словамъ однихъ, тѣло жертвы бросаютъ внизъ со скалы, на которой помѣщается святилище, а голову насаживаютъ на колъ; или же туловище закапывается въ землю. Сами Тавры называютъ женское божество, которому приносятся такія жертвы, Ифигеніей, дочерью Агамемнона. Съ непріятелями, попавшими въ плѣнъ, они обращаются слѣдующимъ образомъ: каждый, отрубивъ одну вражескую голову, уноситъ ее съ собой домой, натыкаетъ на длинный шестъ высоко надъ домомъ, большею частью выше дымовой трубы. По словамъ Тавровъ, это стражи, высящіеся въ воздухѣ надъ цѣлымъ домомъ. Живутъ Тавры грабежемъ и войною» (IV, 103).

15. Мѣдная монета царя Котиса I, сына Аспурга, 46 — 63 г. по Р. Х. На монетѣ изображены, повидимому, знаки римской инвеституры (на одной сторонѣ — курильное кресло съ вѣнкомъ).

Всѣ другіе писатели древности единогласно приписываютъ Таврамъ — крымскимъ горцамъ, дикіе, воинственные нравы, отличая ихъ отъ Скиѳовъ, кочующихъ въ степяхъ полуострова. Вмѣстѣ съ прибрежными народами Кавказа, Тавры занимались и морскимъ разбоемъ.

Овидій, научившійся языкамъ гетскому и сарматскому, влагаетъ въ уста старика-варвара слѣдующую (Понт. посл. III, 2. 39) рѣчь: «О, чужеземецъ! имя дружбы хорошо знаемъ и мы, живущіе вдалекѣ отъ васъ на Истрѣ. Есть въ Скиѳіи мѣсто, — древніе называли жителей его Таврами, не такъ далеко от-

стоящее отъ Гетики. Я изъ этой земли, и доволенъ родиною. Народъ этотъ чтитъ богиню, сестру Феба. Есть и понынѣ храмъ, опирающійся на огромныя колонны. Входятъ въ него по лѣстницѣ въ сорокъ ступеней. Ходитъ молва, что тамъ было небесное (спавшее съ небесъ) изображеніе; а для уменьшенія сомнѣній, стоитъ тамъ и пьедесталъ богини. И алтарь, бѣлый по природному цвѣту камня, потерявъ свои цвѣтъ, алѣетъ отъ пролитой на немъ крови. Священнодѣйствуетъ женщина, не знавшая брачнаго факела. Она почитается болѣе всѣхъ скиѳскихъ молодыхъ женщинъ. По установленію древнихъ, жертвоприношеніе таково, чтобы пришлецъ палъ, убитый дѣвичьимъ мечемъ». Въ этомъ описаніи храмъ представляется греческимъ (судя по колоннамъ); онъ стоялъ по Страбону (VII, 4. 3), во ста стадіяхъ отъ города Херсонеса, на мысу, и назывался Парѳеніемъ — храмомъ Дѣвы.

Николай Дамасскій передаетъ, что «Тавры, скиѳскій народъ, погребаютъ вмѣстѣ съ царями ихъ лучшихъ друзей; а царь отрѣзаетъ у умершаго друга или часть, или цѣлое ухо, смотря по достоинству умершаго».

Дикость и свирѣпость Тавры сохранили до позднихъ временъ; такъ, по разсказу Тацита (Анналы, XII, 17) когда нѣкоторые корабли римскаго войска, ходившаго при Клавдіи противъ Митридата, на обратномъ пути были выкинуты на берега Тавровъ, то Тавры напали на нихъ.

Амміанъ Марцеллинъ говоритъ о Таврахъ слѣдующее (XXII, 8. 33 — 34): «Отъ нихъ (греческихъ колонистовъ) отдѣлены небольшими разстояніями Тавры по разнымъ мѣстамъ, среди которыхъ Аринхи, Синхи и Напеи ужасны по страшной жестокости: — долговременной необузданностью, увеличивающей свирѣпость, дали они морю имя негостепріимнаго... Вѣдь они, совершая человѣческія жертвоприношенія и закалая пришельцевъ Діанѣ, называемой у нихъ Орсилохою, головы убитыхъ натыкаютъ на стѣны храма, какъ бы вѣчные памятники славныхъ дѣяній...»

(XXII, 8. 35) «Въ Таврикѣ есть нѣкоторые города, между коими выдается Евпаторія, Дандака, Ѳеодосія и нѣкоторые меньшіе, не оскверненные человѣческими жертвоприношеніями».

Кромѣ Тавровъ и Савроматовъ, всѣ нескиѳскія племена, являющіяся въ разсказѣ Геродота о походѣ Дарія, или не существовали уже ко времени Рождества Христова, или получили новыя имена; отсюда имена этихъ племенъ, встрѣчаемыя у позднѣйшихъ авторовъ, не имѣютъ никакого реальнаго значенія, а являются только повтореніемъ, съ незначительными варіяціями, геродотовскихъ разсказовъ.

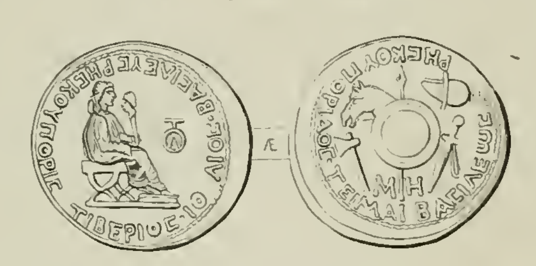
Самый разсказъ Геродота о походѣ Дарія на Скиѳовъ представляетъ рядъ анекдотическихъ подробностей.

«По взятіи Вавилона, — (IV, 1) — Дарій предпринялъ походъ на Скиѳовъ. Такъ какъ Азія изобиловала населеніемъ и въ нее стекалось множество денегъ, то Дарій возъимѣлъ сильное желаніе наказать Скиѳовъ за то, что нѣкогда они вторглись въ Мидію, въ сраженіи разбили Мидянъ и тѣмъ самымъ первые учинили обиду....» «Вотъ за что Дарій вознамѣрился наказать ихъ и съ этою цѣлью собралъ противъ нихъ войско». (IV, 4).

«Между тѣмъ, какъ Дарій готовился къ походу на Скиѳовъ и посылалъ вѣстниковъ къ народамъ съ приказаніемъ однимъ доставлять пѣхоту, другимъ флотъ,

третьимъ перекидывать мостъ черезъ Өракійскій Босфоръ, сынъ Гистаспа и братъ Дарія, Артабанъ, рѣшительно совѣтовалъ ему не ходить войною на Скиөовъ, напоминая при этомъ о ихъ бѣдности. Однако Дарій не внялъ его благоразумнымъ совѣтамъ, и Артабанъ оставилъ брата въ покоѣ. Покончивши со всѣми приготовленіями къ походу, Дарій вышелъ съ войскомъ изъ Сузъ».

«Вышедши изъ Сузъ, Дарій прибылъ къ Халкедоніи на Босфорѣ, гдѣ былъ наведенъ мостъ, тамъ сѣлъ на корабль и отплылъ къ такъ называемымъ Кіанеямъ, которые по словамъ Эллиновъ были нѣкогда блуждающими. Онъ сѣлъ на косѣ и оттуда глядѣлъ на Понтъ, которымъ дѣйствительно можно было любоваться. Изъ всѣхъ морей это— наиболѣе достопримѣчательное. Въ длину оно имѣетъ одиннадцать тысячъ сто стадій, а въ ширину въ самой широкой части три тысячи триста, тогда какъ проходъ въ море имѣетъ въ ширину всего четыре стадіи; это — устье моря, или шея, именуемая Босфоромъ; тамъ, гдѣ наведенъ мостъ, оно имѣетъ въ длину сто двадцать стадій. Босфоръ простирается до Пропонтиды, а Пропонтида, имѣющая въ ширину пятьсотъ стадій, въ длину тысячу четыреста, ниспадаетъ въ Геллеспонтъ; этотъ послѣдній въ самомъ узкомъ мѣстѣ имѣетъ семь стадій ширины и четыреста длины. Геллеспонтъ изливается въ то широкое море, которое называется Эгейскимъ».

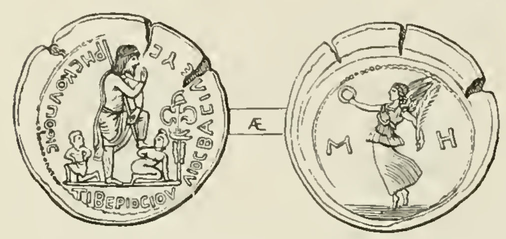
16. Мѣдная монета Рискупориса II, 69 (?) — 94 г. по Р. Хр. На лицевой сторонѣ — изображеніе сидящаго царя, на оборотной — знаки римской инвеституры.

«Измѣренія эти я произвелъ слѣдующимъ образомъ: обыкновенно корабль проходитъ въ теченіе довольно длиннаго дня почти семьдесятъ тысячъ саженъ, а за ночь шестьдесятъ тысячъ. Между тѣмъ отъ устья Понта до Фазиса, что составитъ длиннѣйшую часть Понта, плаваніе длится девять дней и восемь ночей, а это даетъ милліонъ сто десять тысячъ саженъ, или одиннадцать тысячъ сто стадій. До Өемискиры, что на рѣкѣ Өермодонтѣ, отъ Синдики,— въ этомъ мѣстѣ Понтъ наиболѣе широкъ,— три дня и двѣ ночи плаванія, что составляетъ тридцать тысячъ триста саженъ, или три тысячи триста стадій. Такимъ-то способомъ измѣрилъ я Понтъ, Босфоръ и Геллеспонтъ, и моря эти дѣйствительно таковы, какими я описалъ ихъ. Подлѣ того-же самаго Понта лежитъ озеро, въ него изливающееся и развѣ только немного меньшее Понта; называется оно Меотидою и матерью Понта».

«На совѣтѣ Скиөы порѣшили, что они одни въ открытомъ бою не въ состояніи отразить полчища Дарія, и потому разослали вѣстниковъ къ сосѣднимъ народамъ. Цари этихъ народовъ уже собирались для совѣщаній по случаю вторженія огромнаго войска; это были цари Тавровъ, Агаөирсовъ, Невровъ, Андрофаговъ, Меланхленовъ, Гелоновъ, Будиновъ и Савроматовъ».

«Итакъ, къ собравшимся царямъ перечисленныхъ выше народовъ явились гонцы съ извѣстіемъ, что персидскій царь покорилъ все своей власти на азіатскомъ ма-

терикѣ, положилъ мостъ на шеѣ Босфора и перешелъ на европейскій материкъ, здѣсь покорилъ Ѳракіянъ, соединилъ мостомъ берега рѣки Истра, вознамѣрившись все подчинить себѣ и по сю сторону рѣки. «Ни подъ какимъ видомъ не отдѣляйтесь отъ насъ и не дайте намъ погибнуть, но единодушно встрѣтимъ вторгнувшагося врага. Не сдѣлаете этого — мы вынуждены будемъ покинуть нашу страну или же останемся и покоримся врагу. Въ самомъ дѣлѣ, что намъ дѣлать, если вы не поможете намъ? Впрочемъ, и ваше положеніе отъ этого не улучшится. Персидскій царь пойдетъ на васъ такъ-же, какъ и на насъ; ему мало будетъ покорить насъ, и потому онъ не оставитъ и васъ въ покоѣ. Важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу нашего убѣжденія служитъ слѣдующее: если-бы персидскій царь предпринялъ походъ только съ цѣлью отмщенія намъ за прежнее порабощеніе Персовъ, то ему слѣдовало бы все прочее оставить въ покоѣ и идти только въ нашу землю, и онъ объявилъ бы всѣмъ, что идетъ войною на Скиѳовъ и ни на кого другаго. Между тѣмъ, перешедши на нашъ материкъ, онъ немедленно занялся покореніемъ всѣхъ народовъ, попадавшихся ему на пути, и вотъ уже подчинилъ себѣ всѣхъ Ѳракіянъ, въ томъ числѣ и сосѣднихъ съ нами Гетовъ».

17. Мѣдная монета Рискупориса II. На лицевой сторонѣ изображенъ царь съ двумя плѣнниками, одного изъ которыхъ онъ попираетъ ногою; передъ нимъ — трофей; на оборотѣ — изображеніе «Побѣды».

«Вслѣдствіе такого заявленія сошедшіеся цари стали совѣщаться между собою, и мнѣнія ихъ раздѣлились. Цари Гелоновъ, Будиновъ и Савроматовъ единогласно обѣщали помочь Скиѳамъ, напротивъ—цари Агаѳирсовъ, Невровъ, Андрофаговъ, Меланхленовъ и Тавровъ дали такой отвѣтъ: «еслибы вы первые не наносили обиды Персамъ и не начинали съ ними войны, то нынѣшнюю просьбу вашу и нынѣшнія ваши рѣчи мы признали бы правильными. Но вы безъ насъ вторглись въ страну Персовъ и владычествовали надъ ними все время, пока угодно было божеству; теперь они по внушенію того-же божества отмѣриваютъ вамъ равною мѣрою. Что касается насъ, то ни тогда мы не обижали этого народа, ни теперь не станемъ первые оскорблять его. Вотъ еслибы персидскій царь вторгся и въ нашу землю и первый обидѣлъ насъ, мы тоже не остались бы въ покоѣ; пока же мы будемъ наблюдать и сидѣть спокойно на своихъ мѣстахъ: намъ кажется, Персы явились не къ намъ, но къ виновникамъ нанесенной имъ обиды».

«Скиѳы выслушали отвѣтъ и, такъ какъ сосѣдніе цари отказывали имъ въ союзѣ, рѣшили вовсе не давать настоящаго открытаго сраженія, но, раздѣлившись на два отряда, отступать съ своими стадами, засыпать попадающіеся на пути колодцы и источники и истреблять растительность. Къ одному изъ отрядовъ, съ царемъ Скопасисомъ во главѣ, присоединились Савроматы; они должны были убѣгать, еслибы персидскій царь обратился на нихъ, прямо къ рѣкѣ Танаису вдоль озера Меотиды, и переходить въ наступленіе на персидскаго царя, если онъ обратится вспять. Это была одна часть населенія скиѳскаго царства, расположившаяся на этомъ пути; двѣ другія части царскихъ Скиѳовъ, одна,

большая, подъ начальствомъ Иданѳирса, а другая подъ командою Таксакиса, соединились въ одномъ мѣстѣ, въ союзѣ съ Гелонами и Будинами, и также должны были идти впереди Персовъ на одинъ день пути, отступая передъ ними и вообще дѣйствуя согласно принятому рѣшенію. Прежде всего они должны были вторгнуться въ тѣ земли, которыя отказали имъ въ союзничествѣ съ цѣлью втянуть и ихъ въ войну; еслибъ онѣ добровольно не пожелали вести войны съ Персами, то должны воевать хоть поневолѣ; за симъ они должны были вернуться обратно въ свои владѣнія и напасть на врага, если такъ рѣшено будетъ на совѣтѣ».

«Порѣшивши все это, Скиѳы вышли навстрѣчу Даріеву войску, для чего послали впередъ лучшихъ всадниковъ; всѣ повозки, въ которыхъ жили ихъ дѣти и женщины, и весь скотъ они отправили заранѣе, съ приказаніемъ двигаться неизмѣнно на сѣверъ; при себѣ они оставили лишь столько скота, сколько требовалось для прокормленія; все остальное отправили впередъ».

«Скиѳскій передовой отрядъ напалъ на Персовъ въ трехъ дняхъ пути отъ Истра; эти Скиѳы расположились лагеремъ на разстояніи одного дня пути отъ врага, уничтоживъ передъ собою всю растительность. Между тѣмъ Персы, какъ только замѣчали появленіе скиѳской конницы, нападали на нее и непрерывно ее преслѣдовали, а она все отступала; Персы преслѣдовали одну изъ трехъ частей по направленію къ востоку и Танаису. Когда Скиѳы перешли рѣку Танаисъ, въ погоню за ними послѣдовали немедленно и Персы, пока наконецъ не прошли землю Савроматовъ и не достигли владѣній Будиновъ».

«На всемъ пути своемъ черезъ Скиѳію и Савроматію Персы не находили ничего для истребленія, такъ какъ страны эти были заранѣе опустошены; но вторгшись въ землю Будиновъ, Персы напали на деревянное укрѣпленіе, которое было совершенно покинуто Будинами, и сожгли его. Потомъ они продолжали путь все дальше по слѣдамъ непріятеля, прошли землю Будиновъ и вступили въ пустыню. Въ пустынѣ этой вовсе нѣтъ населенія; она расположена надъ страною Будиновъ и тянется на семь дней пути. Надъ пустыней обитаютъ Ѳиссагеты, въ землѣ которыхъ берутъ начало четыре большихъ рѣки, протекающія черезъ владѣнія Меотовъ и изливающіяся въ такъ называемое озеро Меотиду; имена этихъ рѣкъ: Ликъ, Оаръ, Танаисъ и Сиргисъ».

18. Мѣдная монета Савромата I, 94 — 124 г. по Р. Х. На лицевой сторонѣ — погрудное изображеніе царя, на оборотной — крѣпость, преданная огню, къ стѣнамъ которой привязанъ плѣнникъ.

«Пришедши въ пустыню, Дарій пріостановилъ походъ и расположился съ войскомъ у рѣки Оара, затѣмъ воздвигъ восемь громадныхъ стѣнъ, на одинаковомъ разстояніи одна отъ другой, приблизительно стадій на шестьдесятъ; обломки этихъ укрѣпленій уцѣлѣли до моего времени. Пока Дарій занятъ былъ этими сооруженіями, преслѣдуемые Скиѳы обошли сверху эти земли и возвратились въ Скиѳію. Такъ они совсѣмъ исчезли изъ виду и больше не показывались; тогда Дарій покинулъ наполовину

воздвигнутыя стѣны, повернулъ назадъ и пошелъ къ западу; ему думалось, что здѣсь всѣ Скиѳы, и что они все еще убѣгаютъ на западъ».

«Чрезвычайно быстрымъ маршемъ снова достигъ Дарій Скиѳіи и здѣсь повстрѣчался съ двумя другими частями Скиѳовъ; онъ гнался за ними, а Скиѳы отступали передъ нимъ на разстояніи одного дня пути. Дарій преслѣдовалъ ихъ неотступно, а Скиѳы, согласно своему рѣшенію, убѣгали въ земли народовъ, отказавшихъ имъ въ союзѣ, прежде всего въ землю Меланхленовъ. Вторгнувшись сюда, Скиѳы и Персы разорили народъ, а затѣмъ Скиѳы двинулись во владѣнія Андрофаговъ; разоривши и этотъ народъ, они отступили къ Невридѣ. По разореніи этой страны, Скиѳы бѣжали къ Агаѳирсамъ. Агаѳирсы видѣли, какъ бѣжали отъ Скиѳовъ сосѣди ихъ, и какое разореніе терпѣли отъ нихъ, а потому до вторженія Скиѳовъ Агаѳирсы отправили къ нимъ глашатая съ требованіемъ не преступать ихъ предѣловъ, такъ какъ, въ случаѣ попытки вторженія, Скиѳамъ непремѣнно прійдется прежде всего выдержать битву съ Агаѳирсами. Единовременно съ этими угрозами, Агаѳирсы послали войско къ границамъ для отраженія нападающихъ. Меланхлены, Андрофаги и Невры, при вторженіи Персовъ вмѣстѣ со Скиѳами, не обратились къ оружію, забыли объ угрозахъ и, объятые страхомъ, бѣжали все дальше къ сѣверу, въ пустыню. Однако Скиѳы, подъ страхомъ угрозы, не входили уже въ землю Агаѳирсовъ и изъ Невриды повели Персовъ за собою обратно въ свои владѣнія».

«Такъ какъ все это длилось долго и непредвидѣлось конца странствованіямъ, то Дарій послалъ всадника къ скиѳскому царю Иданѳирсу съ слѣдующей рѣчью: «зачѣмъ ты, чудакъ, все убѣгаешь, хотя можешь выбрать одно изъ двухъ: если ты полагаешь, что въ силахъ противостать моему войску, остановись, не блуждай болѣе и сражайся; если же ты чувствуешь себя слабѣе меня, то также пріостанови твое бѣгство и ступай для переговоровъ къ твоему владыкѣ съ землею и водою въ рукахъ».

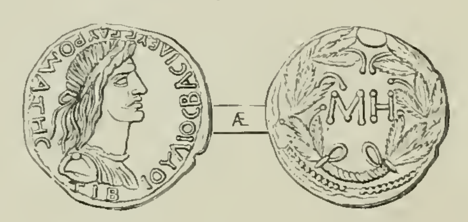
«Въ отвѣтъ на это царь Скиѳовъ Иданѳирсъ возразилъ: «вотъ я каковъ, Персъ. Никогда прежде я не убѣгалъ изъ страха ни отъ кого, не убѣгаю и отъ тебя, и теперь я не сдѣлалъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что обыкновенно дѣлаю въ мирное время. Почему я не тороплюсь сразиться съ тобою, объясню тебѣ это. У насъ нѣтъ городовъ, нѣтъ засаженныхъ деревьями полей, намъ нечего опасаться, что они будутъ покорены или опустошены, нечего поэтому и торопиться вступать съ вами въ бой. Еслибы вамъ крайне необходимо было ускорить сраженіе, то вотъ: есть у насъ гробницы предковъ; розыщите ихъ, попробуйте разрушить — тогда узнаете, станемъ-ли мы сражаться съ вами изъ-за этихъ гробницъ, или нѣтъ. Раньше мы не сразимся, разъ это для насъ не выгодно. Относительно боя, впрочемъ, довольно. Владыками моими я почитаю только Зевса, моего предка, и Гестію, царицу Скиѳовъ. Вмѣсто земли и воды я пошлю тебѣ такіе дары, какіе приличны тебѣ, а за то, что ты называешь себя моимъ владыкой, я расплачусь съ тобою».

«Таковъ былъ отвѣтъ, сообщенный глашатаемъ Дарію, и скиѳскіе цари пришли въ негодованіе, когда съ ними заговорили о порабощеніи. Ту часть Скиѳовъ съ Савроматами, которою командовалъ Скопасисъ, они отправили къ Іонянамъ, сторожившимъ мостъ на Истрѣ, съ порученіемъ войти съ ними въ переговоры.

Другіе, оставшіеся на мѣстѣ Скиѳы рѣшили не водить болѣе Персовъ, но нападать на нихъ всякій разъ, какъ только тѣ заняты будутъ добываніемъ продовольствія. Такъ Скиѳы впредь и поступали, подстерегая, когда воины Дарія выходили за провіантомъ. Что касается конницы, то скиѳская всегда обращала въ бѣгство персидскую; персидскіе всадники бѣжали до тѣхъ поръ, пока не достигали пѣхоты, которая и подкрѣпляла ихъ; догнавши конницу, Скиѳы поворачивали вспять изъ страха передъ персидской пѣхотой. Подобныя нападенія Скиѳы совершали и по ночамъ».

«Покажется очень страннымъ, если я скажу, что помогало Персамъ и вмѣстѣ препятствовало нападеніямъ Скиѳовъ, именно: крикъ ословъ и видъ муловъ. Дѣло въ томъ, что въ скиѳской землѣ не водятся ни ослы, ни мулы, о чемъ сказано мною выше (IV, 28); въ цѣлой Скиѳіи, вслѣдствіе холода, нѣтъ вовсе ни ословъ, ни муловъ. Громкимъ ревомъ ослы разстраивали ряды скиѳской конницы; при всякомъ нападеніи на Персовъ, когда скиѳскіе лошади слышали крикъ муловъ, онѣ пугались и, встревоженныя, обращались вспять, навостряя уши, такъ какъ никогда раньше не слышали такихъ звуковъ и ничего подобнаго не видали. Впрочемъ, обстоятельство это лишь короткое время помогало Персамъ».

«Какъ только Скиѳы замѣчали движеніе въ персидскомъ станѣ, они употребляли слѣдующую хитрость для того, чтобы подольше удержать ихъ въ Скиѳіи и заставить все это время терпѣть нужду во всемъ: нѣсколько разъ они покидали часть своего скота вмѣстѣ съ пастухами, а сами медленно переходили на другой пунктъ; тогда Персы дѣлали набѣгъ, скотъ уводили съ собою и ликовали по случаю каждой добычи».

19. Мѣдная монета Савромата I, 94 — 124 по Р. Х.

«Случалось это много разъ, пока наконецъ Дарій не оказался въ затруднительномъ положеніи. Замѣтили это скиѳскіе цари и отправили къ Дарію глашатая съ подарками, состоявшими изъ птицы, мыши, лягушки и пяти стрѣлъ. Персы спрашивали посланца о значеніи подарковъ, но тотъ отвѣчалъ, что ему приказано только вручить дары и немедленно возвращаться, ничего болѣе; при этомъ онъ предлагалъ самимъ Персамъ, если они догадливы, уяснить себѣ значеніе полученныхъ въ даръ предметовъ».

«Персы стали послѣ этого совѣщаться. По мнѣнію Дарія, Скиѳы отдавались ему сами съ землей и водой; заключалъ онъ такъ на томъ основаніи, что мышь водится въ землѣ и питается тѣмъ-же плодомъ земнымъ, что и человѣкъ, лягушка живетъ въ водѣ, птица наибольше походитъ на лошадь, а подъ видомъ стрѣлъ Скиѳы передавали-де свою военную храбрость. Таково было толкованіе Дарія; но ему противорѣчило объясненіе Гобріи, одного изъ семи Персовъ, низвергнувшихъ мага; смыслъ даровъ онъ толковалъ такъ: «если вы, Персы, не улетите какъ птицы въ небеса, или подобно мышамъ не скроетесь въ землю, или подобно лягушкамъ не ускачете въ озера, то не вернетесь назадъ и падете подъ ударами этихъ стрѣлъ».

«Такъ разгадывали Персы смыслъ даровъ. Между тѣмъ, одна часть Скиѳовъ, та, которая первоначально должна была стоять на стражѣ у озера Меотиды, а впослѣдствіи получила приказаніе отправиться для переговоровъ съ Іонянами, прибыла къ мосту и заявила слѣдующее: «мы принесли свободу, Іоняне, если вамъ угодно выслушать насъ. Мы слышали, что Дарій повелѣлъ вамъ сторожить мостъ только въ продолженіе шестидесяти дней и разрѣшилъ возвратиться на родину, если по прошествіи этого времени онъ не явится обратно. Поступите же такимъ образомъ, и вы не провинитесь ни передъ нимъ, ни передъ нами: подождите здѣсь назначенное вамъ число дней, а затѣмъ возвращайтесь на родину». Іоняне дали обѣщаніе сдѣлать это, и Скиѳы поспѣшно возвратились въ свою землю».

«Между тѣмъ, по отправленіи подарковъ Персамъ, оставшіеся въ своей землѣ Скиѳы, пѣшіе и конные, выстроились противъ Дарія для боя; вдругъ черезъ ряды ихъ проскакалъ заяцъ; всѣ Скиѳы замѣтили его и бросились за нимъ въ погоню. Когда въ станѣ Скиѳовъ раздались шумъ и крики, Дарій спросилъ о причинѣ такой тревоги среди непріятелей и, услыхавши, что они гонятся за зайцемъ, обратился къ постояннымъ собесѣдникамъ своимъ съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «люди эти глядятъ на насъ съ большимъ пренебреженіемъ, и теперь для меня очевидно, что Гобрія вѣрно истолковалъ смыслъ ихъ подарковъ. Положеніе дѣла представляется для меня теперь такимъ-же, какъ и для него, а потому слѣдуетъ хорошо обдумать, какимъ бы образомъ обезпечить наше возвращеніе» «Бѣдность этого народа, царь», отвѣчалъ Гобрія, «была мнѣ извѣстна достаточно еще раньше, по слухамъ; теперь на мѣстѣ я убѣдился въ томъ вполнѣ, когда вижу, какъ они издѣваются надъ нами. Вотъ почему, я полагаю, слѣдуетъ поступить намъ такъ: какъ скоро наступитъ ночь, зажечь по обыкновенію огни, обмануть тѣхъ изъ нашихъ воиновъ, которые наименѣе способны къ перенесенію лишеній, и привязавши всѣхъ ословъ, уходить назадъ, пока Скиѳы не пришли еще на Истръ съ цѣлью разрушить мостъ, а Іоняне не приняли гибельнаго для насъ рѣшенія». Таковъ былъ совѣтъ Гобріи».

20. Золотая бляшка изъ Куль-Обскаго кургана съ изображеніемъ Скиѳа, метающаго дротикъ въ зайца.

«При наступленіи ночи Дарій сталъ приводить этотъ совѣтъ въ исполненіе. Онъ оставилъ на мѣстѣ въ лагерѣ слабыхъ солдатъ, гибель которыхъ была для него наименѣе чувствительна, и велѣлъ тамъ-же привязать всѣхъ ословъ. Итакъ, люди были покинуты по причинѣ ихъ слабости, а ослы привязаны для того, чтобы ревѣть. Между тѣмъ, Дарій дѣлалъ видъ, будто собирается съ отборной частью войска напасть на Скиѳовъ, и оставленные воины обязаны въ это время охранять лагерь. Дарій уговаривалъ оставленныхъ воиновъ стеречь лагерь, велѣлъ зажечь огни и немедленно двинулся къ Истру. По уходѣ войска, ослы ревѣли громче обыкновеннаго, Скиѳы слышали ословъ и были вполнѣ увѣрены, что Персы остаются на своихъ мѣстахъ».

«На слѣдующій день покинутые Персы, увидя, что они отданы въ жертву Даріемъ, простирали руки къ Скиѳамъ и обращались къ нимъ съ рѣчами, соотвѣтствующими ихъ положенію. Услышавши это, Скиѳы поспѣшно собрались вмѣстѣ, и два упомянутыхъ нами отряда, и тотъ третій, съ которымъ соединились Савроматы, Будины, Гелоны, и пустились вмѣстѣ въ погоню за Персами прямо къ Истру. Тогда какъ персидское войско состояло большею частью изъ пѣхоты и не знало дорогъ, которыя къ тому-же не были наѣзжены, у Скиѳовъ была конница, и они знали кратчайшіе пути; поэтому Персы и Скиѳы миновали другъ друга, но Скиѳы достигли моста гораздо раньше Персовъ. Узнавши, что Персы еще не пришли, Скиѳы обратились къ Іонянамъ, находившимся на корабляхъ, съ такою рѣчью: «назначенное вамъ число дней, Іоняне, прошло, и вы поступаете неблагоразумно, оставаясь еще здѣсь. Если раньше вы оставались тутъ изъ страха, то теперь снимите мостъ, возвращайтесь поскорѣе на родину и наслаждайтесь свободой, за которую благодарите боговъ и Скиѳовъ. Вашего прежняго владыку мы сокрушимъ такъ, что ни на кого больше онъ не пойдетъ войною». Для отвѣта на это предложеніе Іоняне устроили совѣтъ»......

«Когда было принято мнѣніе Гистіэя, Тираны порѣшили дополнить его слѣдующими дѣйствіями и рѣчами: разрушить часть моста со стороны Скиѳовъ лишь на протяженіи выстрѣла изъ лука для того, чтобы казалось, будто они кое-что сдѣлали, тогда какъ на самомъ дѣлѣ не сдѣлано было ничего, а также для того, чтобы Скиѳы не вздумали прибѣгнуть къ силѣ и не возымѣли бы охоты перейти по мосту на ту сторону Истра, рѣшили также сказать Скиѳамъ, пока будетъ сниматься обращенная къ Скиѳіи часть моста, что они сдѣлаютъ все, чего желаютъ Скиѳы. Вотъ каково было добавочное рѣшеніе Іонянъ. Тогда Гистіэй отъ имени всѣхъ сказалъ Скиѳамъ: «вы, Скиѳы, подаете намъ благой совѣтъ и явились во-время, и если отъ васъ мы получаемъ полезныя указанія, то и съ нашей стороны вы найдете готовность служить вамъ. Какъ видите, мы снимаемъ мостъ и прилагаемъ всѣ старанія къ тому, чтобы стать свободными. Пока мы разрушаемъ мостъ, вамъ слѣдуетъ розыскивать Персовъ и, нашедши, отмстить имъ, какъ они того заслуживаютъ, и за насъ, и за себя».

«Скиѳы повѣрили, что Іоняне говорятъ правду, и повернули назадъ для розысканія Персовъ, но совсѣмъ не напали на ихъ дорогу. Виноваты въ томъ были сами Скиѳы, потому что они истребили на этомъ пути пастбища для лошадей и засыпали колодцы; не сдѣлай они этого, они бы легко отыскали Персовъ, еслибы пожелали; теперь оказалось, что они потерпѣли неудачу именно отъ той мѣры, какую находили наиболѣе для себя полезной. Дѣло въ томъ, что Скиѳы искали враговъ въ той части своей земли, гдѣ имѣли пастбища для лошадей и воду, будучи увѣрены, что и враги отступаютъ по тѣмъ-же дорогамъ. Однако Персы шли обратно по проложеннымъ раньше слѣдамъ, и только такимъ образомъ добрались до переправы. Пришедши туда ночью и увидѣвши, что мостъ снятъ, они испытали сильную тревогу при мысли, что покинуты Іонянами».

«Въ свитѣ Дарія былъ Египтянинъ, обладавшій громовымъ голосомъ; онъ-то по приказанію Дарія сталъ на берегу Истра и позвалъ Гистіэя изъ Милета. По

первому зову Гистіэй услышалъ его, доставилъ всѣ корабли для переправы Даріева войска и снова навелъ мостъ. Такъ спасены были Персы».

«Тѣмъ временемъ Скиѳы искали Персовъ, но не нашли ихъ. Поэтому такъ оцѣниваютъ они Іонянъ: если Іоняне свободны, то они самые жалкіе трусы; но если смотрѣть на нихъ, какъ на рабовъ, они самые преданные и постоянные рабы. Вотъ, какъ у Скиѳовъ говорятъ объ Іонянахъ». (Геродотъ, IV, 83, 85, 86, 102, 118, — 136, 139 — 142).

Нѣсколько времени спустя послѣ похода Дарія, «раздраженные Даріемъ Скиѳы-кочевники собрались вмѣстѣ и дошли до (Ѳракійскаго) Херсонеса». О другой попыткѣ Скиѳовъ отмстить Персамъ Геродотъ разсказываетъ (VI, 84): «Послѣ того, какъ Дарій вторгся въ ихъ страну, Скиѳы-кочевники, по словамъ Спартанцевъ, вздумали отмстить имъ и съ этой цѣлью обратились чрезъ пословъ въ Спарту искать союза на томъ условіи, что сами Скиѳы сдѣлаютъ попытку вторгнуться въ Мидію вдоль рѣки Фазиса, а Спартанцевъ обязывали выступить изъ Эфеса, двинуться въ глубь материка и затѣмъ сойтись въ одномъ мѣстѣ со Скиѳами. Разсказываютъ, что, когда ради этого Скиѳы явились въ Спарту, Клеоменъ слишкомъ часто находился въ ихъ обществѣ и отъ нихъ научился пить цѣльное вино; по этой причинѣ, полагаютъ Спартанцы, онъ и сошелъ съ ума. Отсюда, какъ они сами говорятъ, произошло выраженіе: «наливай по скиѳски», если кто желаетъ выпить болѣе цѣльнаго вина».

Страбонъ ограничиваетъ весь походъ Дарія Гетской пустынею, между Дунаемъ и Днѣстромъ, луговою, но безводною, гдѣ персидскія войска погибали отъ жажды.

Разсказъ Геродота о походѣ отличается явнымъ преувеличеніемъ: въ 30 дней Дарій съ огромнымъ войскомъ не могъ дойти до Танаиса, тѣмъ болѣе до Оара (одной изъ рѣкъ, впадающихъ въ Азовское море). Напротивъ, самое растяженіе похода до глубины Скиѳіи могло быть вызвано желаніемъ со стороны Геродота связать разсказъ со свѣдѣніями о всѣхъ ему извѣстныхъ, хотя бы по именамъ, племенахъ Восточной Европы, которыя въ дѣйствительности никакого отношенія къ походу Дарія не имѣли. Поэтому и собраніе царей этихъ племенъ на совѣщаніе «въ виду наступленія большаго войска» (подобно совѣщанію Киммеріянъ предъ нашествіемъ Скиѳовъ), нужно отнести къ измышленію самого Геродота или его источника, — вѣроятно, устнаго разсказа. Построеніе Даріемъ на самомъ отдаленномъ краю Скиѳіи (подъ Кавказомъ или за Волгой) укрѣпленій также едва-ли можетъ быть допустимо.

21. Мѣдная монета Котиса II, 124 — 132 г. по Р. Х. На лицевой сторонѣ — погрудное изображеніе царя, на об. — скачущій сарматскій всадникъ (можетъ быть, самъ царь).

Укрѣпленія эти могли быть тѣми-же курганами или валами, которыми и въ геродотовское время уже усѣяны были степи (напр. могила Киммеріянъ IV, 11); происхожденіе ихъ Греки или варвары могли приписывать Дарію, какъ и понынѣ, въ Кіевской губерніи приписываютъ устройство валовъ и самыхъ кургановъ военнымъ цѣлямъ и разнымъ лицамъ и историческимъ, и миѳическимъ, напр. Стефану Баторію, какому-то «царю Василю», Траяну, Змію и т. п.

Въ разсказѣ о символическихъ дарахъ Скиѳовъ число стрѣлъ — пять объясняется числомъ пальцевъ на рукѣ, направленной на врага.

Мышь, присланная Скиѳами (быть можетъ также сурокъ, сусликъ или иной грызунъ, называвшійся по гречески общимъ именемъ мыши) должна была въ народномъ разсказѣ отвѣчать идеѣ неуязвимости кочеваго племени, легко укрывающагося отъ преслѣдованій, какъ лягушка — ихъ непроходимымъ болотамъ, а птица — ихъ вольности.

Экспедиція Дарія способствовала расширенію знакомства Грековъ со Скиѳами: Греки, ходившіе съ Даріемъ за Дунай, сами видѣли Скиѳію, съ другой стороны сами Скиѳы вошли въ сношенія съ Греками. Послѣдовавшее вскорѣ послѣ скиѳскаго похода подавленіе іонійскаго возстанія вызвало усиленный приливъ Грековъ въ колоніи и въ томъ числѣ, конечно, и въ греческіе города сѣвернаго побережья Чернаго моря.

Геродотъ составилъ о Скиѳіи, по поводу похода, подробное описаніе самой страны, жителей ея и ихъ нравовъ.

Не касаясь вопроса о значеніи имени Скиѳовъ, Геродотъ приводитъ три разсказа о ихъ происхожденіи: два миѳическихъ и одинъ историческій.

Первый изъ миѳовъ Геродотъ приписываетъ самимъ Скиѳамъ (IV, 5—7): «По словамъ самихъ Скиѳовъ, они—юнѣйшій изъ всѣхъ народовъ, и о своемъ происхожденіи разсказываютъ такъ: первымъ человѣкомъ въ этой странѣ, тогда еще пустынной, былъ Таргитай; родителями Таргитая они называютъ, чему я не вѣрю, Зевса и дочь рѣки Борисѳена. Такое происхожденіе приписывается Таргитаю. У него было три сына: Липоксаисъ, Арпоксаисъ и самый младшій Колаксаисъ. При жизни ихъ, упали съ неба на скиѳскую землю золотые предметы: плугъ, ярмо, сѣкира и чаша. Первымъ увидѣлъ эти предметы самый старшій изъ братьевъ; онъ приблизился къ нимъ съ цѣлью взять, но при его приближеніи золото воспламенилось, и онъ отступилъ назадъ. Засимъ подошелъ средній братъ, но съ золотомъ повторилось то-же самое. Такимъ образомъ, золото горѣніемъ своимъ не допустило къ себѣ двухъ братьевъ; съ приближеніемъ третьяго, младшаго брата золото потухло, и онъ отнесъ его къ себѣ въ домъ. Поэтому старшіе братья согласились уступить наимладшему все царство».

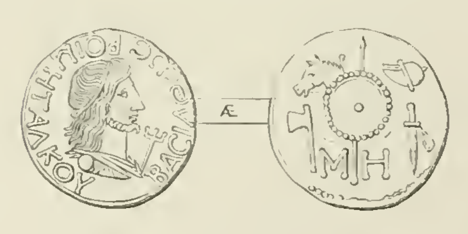
«Отъ Липоксаиса, разсказываютъ дальше, произошли тѣ изъ Скиѳовъ, которые носятъ названіе рода Авхатовъ, отъ средняго, Арпоксаиса, произошли Скиѳы, именуемые Катіарами и Трапіями, а отъ наимладшаго, царя, тѣ, что называются Паралатами. Общее названіе всѣхъ Скиѳовъ, по имени царя ихъ, Сколоты; Скиѳами назвали ихъ Эллины».

«Такъ разсказываютъ Скиѳы о своемъ происхожденіи, полагая, что отъ начала ихъ существованія или отъ перваго царя Таргитая до похода Дарія прошло, круглымъ счетомъ, никакъ не больше тысячи лѣтъ. Упомянутое выше священное золото цари оберегаютъ весьма ревниво и ежегодно благоговѣйно чтутъ его обильными жертвоприношеніями. Если человѣкъ, оберегающій золото, во время празднества подъ открытымъ небомъ заснетъ, то, по словамъ Скиѳовъ, онъ не проживетъ уже года, поэтому получаетъ въ подарокъ столько земли, сколько можетъ объѣхать верхомъ на лошади въ одинъ день. Такъ какъ страна была обширна,

то Колаксаисъ раздѣлилъ ее для сыновей своихъ на три царства, причемъ въ одномъ изъ нихъ, обширнѣйшемъ, и сохраняется золото. Говорятъ также, что въ странахъ, лежащихъ выше къ сѣверу отъ верхнихъ обитателей этой страны, нельзя ни смотрѣть вдаль, ни пройти вслѣдствіе того, что тамъ разсыпаны перья; и въ самомъ дѣлѣ, перьями наполнены тамъ земля и воздухъ; они-то и мѣшаютъ зрѣнію».

Вопреки увѣренію Геродота, что Скиѳы сами считаютъ себя юнѣйшимъ народомъ, Трогъ Помпей, писатель I вѣка до Р. Х., пользовавшійся относительно Скиѳовъ, кромѣ Геродота, какими-то несохранившимися писателями, говоритъ (Iustinus II, 1): «Скиѳскій народъ всегда считался древнѣйшимъ, хотя долго былъ споръ о древности рода между Скиѳами и Египтянами». Геродотъ, какъ извѣстно, разсказывалъ (II, 2) преданіе, слышанное имъ въ Египтѣ, о томъ опытѣ царя Псамметиха надъ двумя дѣтьми, оставленными безъ обученія языку, въ результатѣ котораго оказалось будто-бы, что древнѣйшій народъ на землѣ суть Фригійцы. Вѣроятно, Помпей воспользовался варіантомъ того-же разсказа.

Отецъ перваго человѣка Таргитая — Зевсъ назывался, по словамъ Геродота, у Скиѳовъ (IV, 59) *Папаемъ*, т. е. какъ понимали слово это Греки, отцомъ, дочь же рѣки Борисѳена напоминаетъ музу этого имени, дочь Аполлона, упоминаемую еще древними эпиками. Съ именемъ Таргитая сходно имя дочери вождя Яксаматовъ (одного изъ Меотійскихъ племенъ), упоминаемой въ одномъ изъ разсказовъ Поліэна (VIII, 55), Тиргатао. Число сыновей его — обычное число въ генеалогическихъ сказаніяхъ различныхъ народовъ. Сказаніе объ орудіяхъ, упавшихъ съ неба, находитъ себѣ много аналогичныхъ преданій у другихъ народовъ. Всѣ эти сказанія основаны на общемъ всѣмъ людямъ стремленіи освятить какимъ-либо образомъ начало своихъ главныхъ культурныхъ занятій. Эта мысль видна и въ отвѣтѣ Скиѳовъ Александру Македонскому, у Курція (VII, 8. 8): «Намъ даны были дары, если ты хочешь знать скиѳскій народъ, — ярмо для воловъ, плугъ, копье, стрѣла и чаша. Ихъ употребляемъ мы съ друзьями и противъ враговъ. Мы даемъ друзьямъ плоды, добытые работой воловъ, изъ чаши вмѣстѣ съ ними совершаемъ возліяніе богамъ, враговъ поражаемъ вблизи копьемъ, вдали стрѣлою».

22. Мѣдная монета Римиталка, 132 — 154 г. по Р. Х.

Разсказъ о томъ, что золото пылало, напоминаетъ и русскія повѣрья о кладахъ, обращающихся въ горячіе уголья. Имена Авхатовъ, Катіаровъ, Трапіевъ и Паралатовъ указываютъ, кажется, на древность преданія, такъ какъ въ описаніи самимъ Геродотомъ Скиѳіи и сосѣднихъ азіатскихъ и европейскихъ земель, ни одно изъ племенъ, или вѣрнѣе родовъ этихъ уже не упоминается.

Плиній (IV, 26; VI, 7) знаетъ уже Авхетовъ, Атарнеевъ, Асампатовъ на Кавказѣ. Туземное имя Скиѳовъ — Сколоты, приводимое Геродотомъ въ связь съ именемъ Колаксаиса, ни у кого кромѣ Геродота не упоминается.

Способъ награжденія землею напоминаетъ легендарные разсказы о дѣлежѣ

земли у Турокъ и дѣйствительные обычаи Калмыковъ отводить участки земли въ такомъ количествѣ, сколько человѣкъ можетъ обойти въ день.

Разсказъ о перьяхъ объясненъ Геродотомъ совершенно вѣрно ниже въ главѣ 31: «Что касается перьевъ, которыми, по словамъ скиѳовъ, наполненъ воздухъ, и благодаря которымъ нельзя ни видѣть дальше по материку, ни пройти, то вотъ мое мнѣніе о нихъ: выше занимающей насъ страны идетъ постоянно снѣгъ, лѣтомъ впрочемъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, меньше, нежели зимою. Всякій, видѣвшій вблизи, какъ идетъ сильный снѣгъ, понимаетъ меня, потому что снѣгъ похожъ на перья. Такая-то зима и дѣлаетъ необитаемыми сѣверныя части этого материка. Итакъ, по моему мнѣнію, скиѳы и сосѣди ихъ называютъ снѣгъ перьями, по сходству ихъ со снѣгомъ. Свѣдѣнія эти касаются отдаленнѣйшихъ мѣстностей».

Скиѳская легенда имѣетъ отношеніе и къ Скиѳамъ-кочевникамъ («Царскимъ») владыкамъ, и къ Скиѳамъ земледѣльцамъ: упоминаніе золотаго плуга указываетъ на вѣру въ божественное происхожденіе земледѣлія, которымъ Царскіе Скиѳы не занимались.

Указаніе легенды на награжденіе землею свидѣтельствуетъ о смѣшанномъ, полукочевомъ, полуосѣдломъ бытѣ Скиѳовъ.

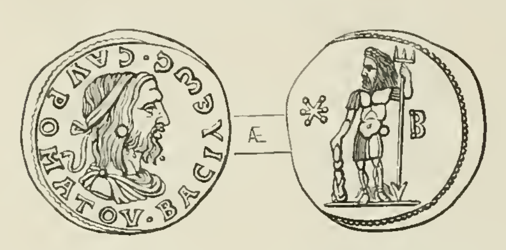
Второй миѳическій разсказъ о происхожденіи Скиѳовъ и двухъ сосѣднихъ народовъ носитъ всѣ слѣды искуственной выдумки Греками.

«Таковъ разсказъ Скиѳовъ о нихъ самихъ и о странѣ, надъ ними лежащей, а живущія на Понтѣ Эллины повѣтствуютъ о томъ-же такъ: гоня передъ собою быковъ Геріона, Гераклъ прибылъ въ ту самую страну, тогда еще не населенную, которую теперь занимаютъ Скиѳы. Геріона Эллины помѣщаютъ по ту сторону Средиземнаго моря, именно на островѣ Ериѳеѣ, что подлѣ Гадейръ, по ту сторону Геракловыхъ Столбовъ на Океанѣ. Хотя они и говорятъ, что Океанъ, начиная съ востока, обтекаетъ кругомъ всю землю, но доказать этого не могутъ. Когда Гераклъ пришелъ оттуда въ страну, именуемую теперь Скиѳіей, то, защищаясь отъ непогоды и мороза, закутался въ львиную шкуру и такъ заснулъ; въ это время какимъ-то чудомъ исчезли изъ подъ повозки его лошади».

«Проснувшись, Гераклъ пустился въ поиски, обошелъ всю страну, пока не прибылъ въ землю, называемую Гилеей. Тамъ въ пещерѣ, разсказываютъ дальше, нашелъ онъ смѣшанной породы существо, на половину дѣвушку — на половину змѣю, такъ что верхняя часть тѣла отъ сидѣнія представляла женщину, а нижняя змѣю. Изумленный видомъ такого существа, Гераклъ спросилъ, не видѣло-ли оно блуждающихъ лошадей. Дѣвушка отвѣчала, что лошади у нея, и что она возвратитъ ихъ не прежде, какъ Гераклъ сообщится съ нею; за такую плату Гераклъ согласился имѣть съ нею сообщеніе. Однако дѣвушка медлила возвратомъ лошадей, желая, чтобы Гераклъ былъ съ нею въ связи возможно дольше; онъ же хотѣлъ получить своихъ лошадей и удалиться обратно. Наконецъ она возвратила Гераклу лошадей съ такими словами; «когда лошади твои пришли сюда, я сберегла ихъ, и ты наградилъ меня за это: отъ тебя я имѣю трехъ сыновей. Когда они выростутъ, скажи, что мнѣ дѣлать съ ними: поселить-ли ихъ здѣсь,— страною этой владѣю я одна,— или отослать къ тебѣ»? Съ такимъ вопросомъ обратилась она къ Гераклу, а онъ въ отвѣтъ ей сказалъ: «когда дѣти твои возмужаютъ, поступи лучше всего такъ: посмотри, который изъ нихъ натянетъ этотъ лукъ

такъ, какъ я его натягиваю, и по моему опояшется этимъ поясомъ, тому и предоставь твою землю для жительства; напротивъ вышли отсюда того изъ нихъ, который не сможетъ выполнить предложенной задачи. Такимъ способомъ дѣйствій ты и сама будешь довольна, и исполнишь мое желаніе».

«При этомъ Гераклъ натянулъ одинъ изъ луковъ,—до тѣхъ поръ онъ носилъ два,—и показалъ способъ опоясыванія, а засимъ передалъ дѣвушкѣ-змѣѣ и лукъ, и поясъ, послѣдній съ золотою чашей на концѣ пряжки; послѣ этого онъ ушелъ. Когда родившіеся у нея сыновья возмужали, она прежде всего дала имъ имена, одному Агаѳирса, другому, слѣдовавшему за нимъ, Гелона, третьему, младшему, Скиѳа; потомъ, памятуя совѣтъ Геракла, поступила согласно его указанію. Двое изъ ея сыновей, Агаѳирсъ и Гелонъ, оказались неспособными разрѣшить предложенную задачу и потому были изгнаны родительницей изъ этой страны; напротивъ самый младшій, Скиѳъ остался здѣсь, потому что задачу выполнилъ. Отъ Скиѳа, Гераклова сына, произошли всегдашніе цари скиѳовъ, а въ воспоминаніе геракловой чаши скиѳы до сихъ поръ носятъ чаши на поясахъ. Это только и было устроено матерью для Скиѳа. Таковъ разсказъ Эллиновъ, живущихъ у Понта». (Гер. IV, 8 — 10).

23. Мѣдная монета Савромата II, 175 — 211 г. по Р. Х. На лиц. ст. — погрудное изображеніе царя, на об.— его-же изображеніе во весь ростъ съ аттрибутами Геракла и Посидона.

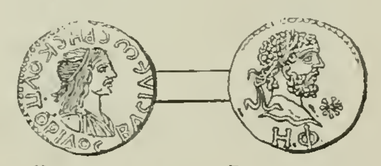
Разсказъ Діодора сообщаетъ о выходѣ Скиѳовъ изъ Азіи: «Сперва жили они на рѣкѣ Араксѣ въ маломъ числѣ и въ презрѣніи, ради своей неизвѣстности. Когда же у нихъ сталъ править одинъ царь, любившій войну и свѣдущій въ военномъ дѣлѣ, они покорили всю страну: гористую вплоть до Кавказа, низменную до Океана и болота Меотиды и остальную землю до рѣки Танаиса. Позже, какъ баснословятъ Скиѳы, родилась у нихъ изъ земли дѣва, имѣвшая до пояса тѣло женщины, а ниже змѣи. Зевсъ, сойдясь съ нею, родилъ сына по имени Скиѳа. Такъ какъ онъ сталъ славнѣе бывшихъ прежде него, то народъ назвался по нему Скиѳами. Въ числѣ потомковъ этого царя было два брата, выдававшихся своею доблестью, одного звали Паломъ, другаго Напомъ. Послѣ того какъ они совершили славныя дѣянія и раздѣлили царство, одни изъ Скиѳовъ стали называться Палами, а другіе Напами».

Имена этихъ племенъ можно видѣть въ измѣненной формѣ у Плинія, который при перечисленіи скиѳскихъ племенъ Азіи упоминаетъ какихъ-то Піаловъ и говоритъ: «здѣсь, говорятъ, погибли Напеи и Апелеи (VI, 19)», а при перечисленіи пріазовскихъ племенъ, упоминаетъ Напитовъ (VI, 7) и, сказавъ о переселеніи Скиѳовъ, Авхетовъ и др., прибавляетъ: «ими поголовно истреблены Танаиты и Инапеи (VI, 7). Кромѣ того, Птолемей (IV, 16. 4) среди племенъ Серики (Китая) упоминаетъ Піаловъ, Страбонъ между Дономъ и Волгой — Набіановъ (XI, 5. 8) и Амміанъ Марцеллинъ поселяетъ на Таврическомъ полуостровѣ Напеевъ среди Синховъ и Аринховъ (XXII, 8. 33). Имя напы, напь (отсюда — напьда) на

церковнославянскомъ языкѣ имѣло значеніе вспомогательнаго отряда или военныхъ наемниковъ.

Легенда о лукѣ можетъ указывать на испытаніе особеннымъ скиѳскимъ способомъ натягиванія лука, о чемъ говорилъ еще Платонъ (Законы 794): «обычай Скиѳовъ — не только отдалять отъ себя лукъ, держа его лѣвой рукой, и притягивать къ себѣ стрѣлу правой рукой, но одинаково пользоваться обѣими руками для того и другаго», а схоліи къ Иліадѣ (кн. IX, 325) говорятъ, что Критяне тянутъ тетиву къ груди, а натянутый (лукъ) дѣлается круглымъ, тогда какъ Скиѳы тянутъ (тетиву) не къ груди, а къ плечу». Гераклъ стрѣлялъ изъ лука по-скиѳски, какъ утверждаетъ Ѳеокритъ (XIII, 56): «взявъ по-меотійски прекрасно согнутый лукъ», на что схоліастъ замѣчаетъ: «Гераклъ пользовался скиѳскими луками, наученный (стрѣльбѣ изъ нихъ) какимъ-то скиѳомъ Тевтаромъ, какъ разсказываютъ Геродотъ и Каллимахъ (III в. до Р. Х.)». Что касается золотыхъ чашъ, носимыхъ у пояса, то доселѣ раскопки не дали ни одного подобнаго предмета.

«Подобно другимъ варварамъ, скиѳы ревниво избѣгаютъ заимствованія чужеземныхъ учрежденій, какъ отъ остальныхъ скиѳскихъ народовъ, такъ въ особенности отъ Эллиновъ; доказали это примѣры Анахарсиса и потомъ Скилы. Прежде объ Анахарсисѣ, который посѣтилъ многія страны, стяжалъ себѣ славу великаго мудреца и потомъ вернулся въ землю скиѳовъ; на этомъ пути черезъ Геллеспонтъ онъ присталъ къ Кизику и увидѣлъ тамъ устроенный кизикіянами чрезвычайно торжественный праздникъ въ честь Матери боговъ. При этомъ Анахарсисъ далъ обѣтъ Матери: если возвратится здравымъ и благополучнымъ на родину, совершить такое-же празднество, какое онъ видѣлъ у кизикіянъ, и установить всенощное бдѣніе. По возвращеніи въ Скиѳію, онъ удалился въ такъ называемую Гилею, что подлѣ Ахиллова Бѣга, изобилующую всевозможнымъ лѣсомъ; укрывшись сюда, онъ увѣшалъ себя изображеніями богини и устроилъ въ честь ея полное празднество съ литаврами въ рукахъ. Кто-то изъ скиѳовъ замѣтилъ Анахарсиса за этимъ празднествомъ и донесъ царю Савлію; тотъ самъ явился на мѣсто дѣйствія и, увидѣвши, что Анахарсисъ совершаетъ это празднество, умертвилъ его стрѣлою изъ лука. Если теперь спросить кого-нибудь изъ скиѳовъ объ Анахарсисѣ, онъ отвѣчаетъ, что не знаетъ его, и это потому, что Анахарсисъ путешествовалъ въ Элладу и позаимствовалъ чужеземные нравы. Отъ Тимны, довѣреннаго Аріапиѳа, я слышалъ, что Анахарсисъ былъ дядя по отцу скиѳскаго царя Иданѳирса, сынъ Гнура, внукъ Лика и правнукъ Спаргапиѳа. Если Анахарсисъ былъ дѣйствительно такого происхожденія, то значитъ онъ умеръ отъ руки брата, такъ какъ Иданѳирсъ былъ сынъ Савлія, а Савлій былъ убійцею Анахарсиса».

24. Электровая монета Рискупориса III, 211 — 228 г. по Р. Х. На лиц. ст. — изображеніе царя, на об. — Римскаго Императора Каракаллы.

«Впрочемъ, я слышалъ еще и другой разсказъ, сообщаемый пелопоннесцами, именно, что Анахарсисъ отправился къ Эллинамъ по приказанію скиѳскаго царя и учился у нихъ, а по возвращеніи на родину будто-бы объявилъ отправившему его царю, что всѣ Эллины, за исключеніемъ лакедемонянъ, трудомъ добываютъ

себѣ всякія знанія, однако съ одними только лакедемонянами можно вести мудрыя бесѣды. Но разсказъ этотъ суетное измышленіе самихъ Эллиновъ; во всякомъ случаѣ, Анахарсисъ погибъ такъ, какъ о томъ сообщено выше». (Гер. IV, 76—77).

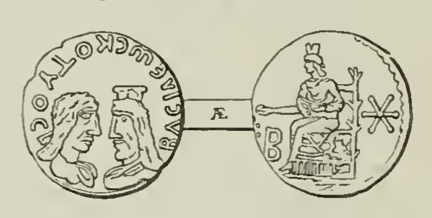
Посѣщеніе Анахарсисомъ Аѳинъ относятъ ко временамъ Солона, т. е. между 600 — 560 гг. до Р. Х. Слѣдовательно прадѣдъ его — Спаргапиѳъ жилъ, считая по 3 поколѣнія на столѣтіе, около 700 г. до Р. Х.

«Такъ кончилъ жизнь Анахарсисъ за то, что заимствовалъ чужое и сносился съ Эллинами, а много лѣтъ спустя послѣ этого подобная участь постигла сына Аріапиѳа, Скилу. У царя Скиѳовъ Аріапиѳа, кромѣ другихъ дѣтей, былъ сынъ Скила; онъ родился отъ женщины истрянки, а не отъ туземки. Сама мать обучила его эллинскому языку и письму. Съ теченіемъ времени Аріапиѳъ умеръ, — онъ палъ жертвою коварства Спаргапиѳа, царя агаѳирсовъ, послѣ чего царскую власть наслѣдовалъ Скила, получившій также и жену покойнаго царя; имя ея было Опоя. Опоя эта была скиѳянка; отъ нея у Аріапиѳа былъ сынъ Орикъ. Царствуя надъ Скиѳами, Скила вовсе не любилъ скиѳскаго образа жизни, потому что, вслѣдствіе полученнаго имъ воспитанія, питалъ гораздо большую склонность къ эллинскимъ нравамъ, и поэтому поступалъ такимъ образомъ: всякій разъ, когда съ скиѳскимъ войскомъ являлся въ городъ борисѳенитовъ, — эти борисѳениты сами себя называютъ милетянами, — Скила оставлялъ свое войско въ предмѣстьѣ, а самъ входилъ въ городъ, приказывалъ запирать за собою ворота, снималъ съ себя скиѳское платье и одѣвался въ эллинское; въ такомъ видѣ онъ ходилъ по рынку безъ тѣлохранителей и безъ всякой свиты; у городскихъ воротъ стояла стража, для того, чтобы кто-либо изъ скиѳовъ не увидѣлъ его въ такомъ платьѣ; онъ вообще жилъ по-эллински, между прочимъ по эллинскому способу совершалъ жертвоприношеніе богамъ. Спустя мѣсяцъ или больше онъ снова облачался въ свое скиѳское платье и удалялся изъ города. Продѣлывалъ онъ это часто; сверхъ того построилъ себѣ домъ въ Борисѳенесѣ и въ него ввелъ жену туземку».

«Скилѣ суждено было погибнуть, и гибель постигла его по слѣдующему случаю: онъ возъимѣлъ сильное желаніе быть посвященъ въ таинства Вакхическаго Діониса, и вотъ, въ то время, когда онъ готовился принять посвященіе, случилось замѣчательнѣйшее чудесное знаменіе. Въ городѣ борисѳенитовъ, о чемъ я упомянулъ немного выше, Скила имѣлъ обширный пышный домъ, вокругъ котораго стояли сфинксы и грифы изъ бѣлаго мрамора; въ этотъ-то домъ божество метнуло огненную стрѣлу, такъ что онъ весь сгорѣлъ. Скила, однако, не смутился этимъ и принялъ посвященіе. Съ своей стороны, Скиѳы осуждаютъ эллиновъ за ихъ вакхическія празднества, замѣчая, что не подобаетъ выдумывать себѣ такое божество, которое повергало бы людей въ изступленіе. Когда Скила посвятилъ себя служенію Вакху, кто-то изъ борисѳенитовъ обратился къ Скиѳамъ съ слѣдующимъ насмѣшливымъ замѣчаніемъ: «вы смѣетесь надъ нами, Скиѳы, за то, что мы устраиваемъ вакханаліи и что божество вселяется въ насъ, а вотъ теперь тоже самое божество вселилось въ вашего царя: онъ совершаетъ вакханаліи, и божество повергаетъ его въ изступленіе. Если не вѣрите, ступайте за мною, я покажу вамъ». Скиѳскіе старшины послѣдовали за борисѳенитомъ, который

взвелъ ихъ тайкомъ на башню и тамъ посадилъ. Скила появился вмѣстѣ съ праздничной толпой и совершалъ вакханаліи; при видѣ этого, скиѳы сильно вознегодовали и, сошедши съ башни, разсказали видѣнное всему воинству».

«Когда послѣ этого Скила возвратился на родину, Скиѳы поставили надъ собою царемъ брата его, Октамасаду, сына Тереевой дочери, и взбунтовались противъ Скилы. Узнавши о томъ, что готовится ему и изъ-за чего, онъ бѣжалъ во Ѳракію; Октамасада получилъ объ этомъ извѣстіе и собирался идти войною на Ѳракію. Когда затѣмъ онъ появился на Истрѣ, противъ него выступили ѳракіяне; бой долженъ былъ тотчасъ начаться, но Ситалка отправилъ къ Октамасадѣ глашатая съ слѣдующимъ предложеніемъ: «къ чему намъ испытывать другъ друга? Ты — сынъ сестры моей и въ своей власти держишь моего брата. Возврати мнѣ его, а я тебѣ выдамъ твоего Скилу. Ни ты, ни я не станемъ подвергать наши войска опасности». Вотъ что Ситалка сказалъ черезъ глашатая; дѣйствительно, бѣжавшій отъ него братъ скрывался у Октамасады. Октамасада принялъ предложеніе и за выданнаго племянника по матери получилъ отъ Ситалки брата Скилу. Послѣ этого Ситалка съ братомъ удалился, а Октамасада велѣлъ тутъ же отрубить голову Скилѣ. Столь ревниво оберегаютъ скиѳы свои учрежденія и такъ караютъ виновныхъ въ ихъ нарушеніи и въ заимствованіи чужихъ обычаевъ». (Гер. IV, 78 — 80).

25. Мѣдная монета Котиса III, 228 — 234 г. по Р. Х. На лиц. ст. — изображеніе царя и женскаго божества, вѣроятно «Небесной Афродиты»; на об. — изображеніе той-же богини.

Событія, разсказанныя здѣсь Геродотомъ, надо отнести къ началу второй половины V вѣка до Р. Х.

«Численности скиѳовъ я не имѣлъ возможности узнать достовѣрно, но слышалъ объ этомъ два различныхъ мнѣнія: одно — что ихъ очень много, и другое — что собственно Скиѳовъ мало. Однако вотъ, что мнѣ показали: между рѣками Борисѳеномъ и Гипанисомъ находится область по имени Ексампай. Относительно ея немного раньше я упоминалъ, что тамъ находится горькій источникъ, и что вытекающая изъ него вода дѣлаетъ воду Гипаниса негодной для питья (IV, 52); въ этой-то области стоитъ мѣдный сосудъ, по величинѣ въ шесть разъ превосходящій ту чашу, что находится у входа въ Понтъ, на Ѳракійскомъ Босфорѣ, и что была поставлена сыномъ Клеомброта Павзаніемъ. Для невидавшихъ ея сообщу слѣдующее: мѣдный сосудъ у Скиѳовъ свободно вмѣщаетъ въ себѣ шестьсотъ амфоръ, а толщина его шесть пальцевъ. По словамъ туземцевъ, сосудъ сдѣланъ изъ наконечниковъ стрѣлъ, а произошло это будто-бы такъ: однажды царь ихъ, по имени Аріанта, пожелалъ опредѣлить численность Скиѳовъ и приказалъ, чтобы всѣ Скиѳы доставили ему по одному наконечнику отъ стрѣлы; кто не доставитъ, будетъ казненъ смертью. Наконечниковъ стрѣлъ снесено было очень много, и царь рѣшилъ соорудить изъ нихъ памятникъ. Такимъ образомъ, сосудъ этотъ сдѣланъ, по приказанію царя, изъ наконечниковъ стрѣлъ и поставленъ въ Ексампаѣ. Вотъ, что разсказывали мнѣ о численности Скиѳовъ». (Гер. IV, 81).

Таковы немногочисленныя свѣдѣнія Геродота по исторіи Скиѳовъ; гораздо

*

полнѣе его собственныя наблюденія и разсказы свѣдущихъ людей — греческихъ торговцевъ, ѣздившихъ вглубь Скиѳіи.

«За Таврикою, выше Тавровъ и на побережьѣ восточнаго моря, живутъ уже Скиѳы, занимая земли на западномъ берегу Киммерійскаго Босфора и Меотидскаго озера вверхъ до рѣки Танаиса, которая вливается въ уголъ этого озера. Отъ Истра внутрь материка Скиѳы граничатъ прежде всего съ Агаѳирсами, потомъ съ Неврами, далѣе на востокъ съ Андрофагами, наконецъ съ Меланхленами».

«Скиѳія представляетъ собою четыреугольникъ, двѣ стороны котораго доходятъ до моря, причемъ линія, идущая внутрь материка, такой-же длины, какъ и та, что тянется вдоль моря. Такъ, отъ Истра до Борисѳена десять дней пути и столько-же отъ Борисѳена до Меотиды; съ другой стороны отъ моря, внутрь страны до Меланхленовъ, что живутъ надъ Скиѳами, двадцать дней пути; дневной путь я опредѣляю въ двѣсти стадій. Такимъ образомъ, Скиѳія въ поперечникѣ имѣетъ четыре тысячи стадій; такой-же длины и тѣ прямыя стороны ея, что идутъ внутрь материка. Таковъ объемъ этой страны». (Гер. IV, 100 — 101).

Что касается физическаго вида Скиѳіи, то ее прекрасно описываетъ Гиппократъ: «Такъ называемая скиѳская пустыня — страна ровная, луговая и возвышенная и достаточно снабженная водою, такъ какъ въ ней есть большія рѣки которыя отводятъ воду съ равнинъ»... (de aer. 25).

Всѣ большія рѣки Скиѳіи перечисляетъ Геродотъ (IV, 47, 51 — 58):

«Впрочемъ, такому положенію Скиѳовъ благопріятствуетъ самая земля и помогаютъ рѣки, именно: земля у нихъ ровная, изобилуетъ травою и хорошо орошена; число протекающихъ черезъ Скиѳію рѣкъ развѣ немного только меньше числа каналовъ въ Эгиптѣ. Однако, изъ числа рѣкъ я назову только болѣе значительныя и судоходныя для тѣхъ судовъ, которыя идутъ отъ моря. Истръ имѣетъ пять устьевъ, за нимъ слѣдуютъ Тира, Гипанисъ, Борисѳенъ, Пантикапъ, Гипакирисъ, Герръ и Танаисъ. Текутъ они такъ»:

«Истръ одна изъ рѣкъ Скиѳіи; за нею слѣдуетъ Тира, текущая съ сѣвера и берущая свое начало изъ большаго озера, которое служитъ границею между Скиѳіей и Невридой. У устья Тиры живутъ Эллины, которые называются Тиритами».

«Третья рѣка, начинающаяся въ скиѳской землѣ, Гипанисъ, вытекаетъ также изъ большаго озера, вокругъ котораго находятъ себѣ пастбище дикія бѣлыя лошади, и озеро это справедливо именуется матерью Гипаниса. По выходѣ изъ этого озера, рѣка Гипанисъ на протяженіи пяти дней плаванія мелка и имѣетъ сладкую воду; начиная отъ этого пункта до моря, на протяженіи четырехъ дней плаванія, вода въ Гипанисѣ чрезвычайно горька отъ горькаго ручья, который вливается въ него; источникъ этотъ такъ горекъ, что при всей незначительности своей онъ дѣлаетъ горькимъ Гипанисъ, рѣку, съ которой лишь немногія могутъ сравняться по протяженію. Ручей этотъ протекаетъ на границѣ Скиѳовъ-пахарей и Алазоновъ. Имя ручья равно какъ и той мѣстности, откуда онъ вытекаетъ, поскиѳски Ексампай, а по-эллински Священные Пути. Тира и Гипанисъ сближаются своими излучинами подлѣ земли Алазоновъ; дальше обѣ рѣки дѣлаютъ новые повороты, и раздѣляющее ихъ пространство становится все шире».

«Четвертая рѣка Борисѳенъ — изъ скиѳскихъ рѣкъ послѣ Истра наибольшая

и, по нашему мнѣнію, самая богатая полезными предметами не только между скиѳскими рѣками, но между всѣми вообще, кромѣ, впрочемъ, египетскаго Нила; съ этимъ послѣднимъ не можетъ идти въ сравненіе никакая другая рѣка. Но изъ прочихъ рѣкъ Борисѳенъ наиболѣе прибыленъ: онъ доставляетъ прекраснѣйшія и роскошнѣйшія пастбища для скота, превосходнѣйшую рыбу въ большомъ изобиліи, вода его на вкусъ очень пріятна, чиста, тогда какъ рядомъ съ нимъ текущія рѣки имѣютъ мутную воду; вдоль его тянутся превосходныя пахатныя поля или растетъ очень высокая трава въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не засѣвается хлѣбъ; у устья рѣки сама собою собирается соль въ огромномъ количествѣ; въ Борисѳенѣ водятся огромныя рыбы безъ позвоночнаго столба, называемыя антакаями и идущія на соленіе, и многое другое, достойное вниманія. До мѣстности Герровъ, куда сорокъ дней плаванія, Борисѳенъ течетъ, какъ извѣстно, съ сѣвера; страны, черезъ которыя онъ протекаетъ выше этого пункта, никому невѣдомы; несомнѣнно только, что до области Скиѳовъ-земледѣльцевъ онъ протекаетъ черезъ пустыню, а Скиѳы эти живутъ вдоль его на десять дней плаванія. Не только я, но, кажется, и никто изъ Эллиновъ, не можетъ опредѣлить истоковъ только Борисѳена да Нила. Вблизи моря сливается съ нимъ Гипанисъ и впадаетъ въ общее съ нимъ озеро. Лежащая между этими двумя рѣками оконечность суши называется мысомъ Гипполая; на немъ находится святилище Деметры. По ту сторону святилища при Гипанисѣ живутъ Борисѳениты».

26. Монета Ининѳимея, 235 — 240 г. по Р. Х. На лиц. ст. — изображеніе царя, на об. — римскаго Императора Александра Севера.

«За этими слѣдуетъ пятая рѣка, по имени Пантикапъ, текущая также съ сѣвера и также изъ озера; пространство между нею и Борисѳеномъ занимаютъ Скиѳы земледѣльцы; она входитъ въ Гилею и, протекши черезъ нее, сливается съ Борисѳеномъ».

«Шестая рѣка, Гипакирисъ, начинается изъ озера, теченіемъ своимъ раздѣляетъ землю Скиѳовъ-кочевниковъ пополамъ, вливается въ море подлѣ города Каркинита, причемъ правою стороною ограничиваетъ Гилею и такъ называемый Ахилловъ Бѣгъ».

«Седьмая рѣка, Герръ, отдѣляется отъ Борисѳена въ томъ мѣстѣ, до котораго эта послѣдняя рѣка извѣстна. Онъ отдѣляется въ этой области и носитъ такое-же названіе, какъ и самая область, Герръ; на пути къ морю разграничиваетъ земли Скиѳовъ-кочевниковъ и царственныхъ; изливается Герръ въ Гипакирисъ».

«Восьмая рѣка, Танаисъ, течетъ сверху, изъ большаго озера и впадаетъ въ другое озеро, еще большее, именуемое Меотидою и отдѣляющее царственныхъ Скиѳовъ отъ Савроматовъ. Въ Танаисъ изливается рѣка по имени Гиргисъ».

«Вотъ тѣ значительныя рѣки, которыми орошается Скиѳія. Произрастающая тамъ трава увеличиваетъ количество желчи у животныхъ больше всякой иной травы, намъ извѣстной. Что это дѣйствительно такъ, въ томъ убѣдиться можно при вскрытіи животныхъ».

Всѣ эти топографическія указанія Геродота не могутъ, однако, быть переве-

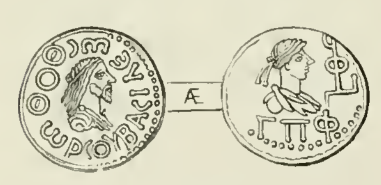
дены на современную карту; причина того, съ одной стороны, большія перемѣны, которыя могли произойти на поверхности земли въ продолженіи болѣе, чѣмъ двухъ тысячъ лѣтъ, особенно въ теченіи рѣкъ и, что всего важнѣе, неправильное представленіе о Скиѳіи самого Геродота. Для Геродота, южное прибрежье Скиѳіи совершенно прямо и обращено къ югу, Меотида направлена узкимъ концомъ своимъ къ сѣверу; въ томъ-же направленіи текутъ и всѣ рѣки; такимъ образомъ, западный берегъ Меотиды образуетъ восточную границу Скиѳіи, отсюда представленіе скиѳскаго четыреугольника.

Рѣка Тирасъ, глубокая и судоходная въ древности, рыбная и обильная пастбищами по берегамъ своимъ, уже у византійцевъ называлась Данастрисъ, т. е. Днѣстръ.

Горькій источникъ можно видѣть въ притокѣ Буга — древняго Гипаниса, носящемъ имя Мертвовода.

Въ разсказѣ Геродота о Борисѳенѣ (Днѣпрѣ) есть явный пропускъ: Геродотъ, а за нимъ и всѣ писатели вплоть до Константина Багрянороднаго, не упоминаютъ о порогахъ, сомнѣваться въ существованіи которыхъ съ древнѣйшихъ временъ невозможно.

Плиній, говоря о рыбахъ (IX, 17) замѣчаетъ: «и въ Борисѳенѣ, говорятъ, онѣ огромной величины, безъ костей въ хребтахъ и съ весьма сладкимъ мясомъ». Эти рыбы, вѣроятно, — осетры и бѣлуги. Діонъ Хрисостомъ въ своей Борисѳенской рѣчи упоминаетъ о соляныхъ промыслахъ на Днѣпровскихъ лиманахъ: «Здѣсь много соли и отсюда получаютъ покупкой соль большинство варваровъ, Скиѳовъ и Эллиновъ, живущихъ на Таврическомъ полуостровѣ».

27. Монета Ѳоѳорса, 279 — 309 г. по Р. Х.

Амміанъ Марцеллинъ такъ описываетъ Борисѳенъ (XXII, 8, 40): «Борисѳенъ, начинающійся изъ горъ Невровъ (у автора ошибочно Невріевъ), обильный первоначальными источниками и увеличенный впаденіемъ многихъ рѣкъ, вливается въ море клубящимися волнами; на его лѣсистыхъ берегахъ есть городъ Борисѳенъ и Кефалонесъ и жертвенники, посвященные Александру Великому и Кесарю-Августу».

Слѣдующія по перечисленію Геродота три рѣки: Пантикапъ, Гипакиръ и Герръ, не могутъ быть признаны ни за одну изъ нынѣшнихъ.

Восьмая великая рѣка Скиѳіи Танаисъ именуется у Геродота (IV, 45) мэотійскою рѣкою, вмѣстѣ съ Ликомъ, Оаромъ, Сиргисомъ. Послѣдняя рѣка тождественна съ Гиргисомъ, притокомъ Танаиса (вѣроятно, Донцемъ).

Страбонъ, опровергая Поливія, говорившаго, что Танаисъ течетъ съ Востока, замѣчаетъ: «Ложно, что Танаисъ течетъ съ востока; вѣдь всѣ знающіе (тѣ) мѣста, говорятъ, что онъ съ сѣвера течетъ въ Меотиду, такъ что устья и рѣки, и Меотиды, да и сама рѣка лежатъ, какъ извѣстно, на одномъ и томъ-же меридіанѣ». (II, 4, 5).

Нечего и говорить, что и Страбонъ ошибался, слѣдуя геродотовскому еще представленію о Меотидѣ и Танаисѣ, опровергая вѣрное, относительно нижняго теченія Танаиса, представленіе Поливія.

Самъ Страбонъ говоритъ о Танаисѣ слѣдующее: «Европу отъ Азіи отдѣляетъ Киммерійскій проливъ и рѣка Танаисъ, текущая прямо съ сѣвера въ Озеро (Меотійское) и его устье; имѣетъ онъ два устья въ озеро, отстоящія одно отъ другаго около 60 стадій; есть и городъ, одноименный рѣкѣ...» (VII, 4, 5)... Течетъ онъ съ сѣвера, но не прямо противъ Нила, какъ думаетъ большинство, а восточнѣе его и, подобно ему, имѣетъ невѣдомые истоки».

Помпоній Мела разсказываетъ, что «Танаисъ, низвергающійся съ Рифейской горы, до того стремительно мчится, что когда сосѣднія рѣки, Меотида и Босфоръ и часть Понта замерзнутъ вслѣдствіе зимней стужи, онъ одинъ, одинаково перенося и жаръ и зиму, всегда несется также быстро» (I, 116).

Діонисіево землеописаніе говоритъ: «посреди безпредѣльнаго лѣса впадаетъ въ уголъ Меотиды Танаисъ, отдѣляющій Европу отъ Азіи: къ западу — Европа, къ востоку — Азія. Истоки его рокочатъ далеко на Кавказскихъ горахъ. Огромный, быстро катится онъ постепенно по скиѳскимъ равнинамъ. Тамъ, когда сильно волнуетъ его Борей, увидишь ты замерзшій ледъ...» (ст. 659 — 666).

Арріанъ различаетъ Танаисъ среднеазіатскій и европейскій: «У этого Танаиса, который, по словамъ Аристобула, зовется у туземцевъ-варваровъ другимъ именемъ— Яксартомъ, истоки (текутъ) изъ горы Кавказа (Бактрійскаго), впадаетъ же и эта рѣка въ Гирканское море. Это могъ быть и другой Танаисъ, о которомъ говоритъ Геродотъ и т. д.». (Анав. III, 30. 7 — 8).

Древніе присоединили къ этимъ путаннымъ свѣдѣніямъ и рядъ сочиненныхъ басенъ о сынѣ Амазонки, утопившемся въ рѣкѣ, прозванной по его имени «Танаисомъ», о чудесномъ растеніи Галинѳа и травѣ Фрикеѣ, растущихъ на берегахъ рѣки.

Климатъ Скиѳіи Геродотомъ описывается кратко: для него, какъ и для большинства послѣдующихъ авторовъ, наибольшій интересъ представлялъ скиѳскій холодъ: «Вся осмотрѣнная нами страна — говоритъ онъ — отличается столь суровымъ климатомъ, что въ теченіе восьми мѣсяцевъ здѣсь стоитъ нестерпимый холодъ, а пролитая въ это время на землю вода не дѣлаетъ грязи, развѣ разведешь огонь. Замерзаетъ море и весь Киммерійскій Босфоръ, такъ что живущіе по сю сторону рва скиѳы толпами переходятъ по льду, переѣзжаютъ по немъ въ повозкахъ на другой берегъ къ Синдамъ. Такимъ образомъ, въ теченіе восьми мѣсяцевъ тамъ непрерывная зима, и въ остальные четыре мѣсяца стоятъ холода. Тамошняя зима отличается отъ зимы, какая бываетъ въ различныхъ иныхъ земляхъ, тѣмъ, что въ пору дождей идутъ лишь небольшіе дожди, между тѣмъ какъ лѣтомъ они не прекращаются; зимою не бываетъ тамъ грозъ, какъ бываютъ они во всякомъ другомъ мѣстѣ, за то лѣтомъ сильные грозы. Если случится гроза зимою, она возбуждаетъ изумленіе, какъ чудесное знаменіе. Равнымъ образомъ чудомъ почитается въ Скиѳіи землетрясеніе, будетъ-ли оно лѣтомъ, или зимою. Лошади легко переносятъ такую зиму, но мулы и ослы совсѣмъ не выносятъ ея, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ наоборотъ: на морозѣ лошади заболѣваютъ костоѣдой, а ослы и мулы переносятъ морозъ». (Гер. IV, 28). Ближе всѣхъ къ Геродоту по времени и интереснѣе по содержанію, свѣдѣнія о климатѣ Скиѳіи знаменитаго врача Гиппократа (приблизительно между 460 и 356 гг. до Р. Х.).

Скиѳія — говоритъ онъ — «лежитъ подъ самымъ сѣверомъ и подъ Рипейскими горами, откуда дуетъ Борей. Когда наконецъ солнце, вступивъ въ лѣтній періодъ, приближается, тогда становится тепло на непродолжительное время. Южныя вѣтра доходятъ (до Скиѳіи) только рѣдко и очень слабые. Но съ сѣвера постоянно дуютъ вѣтра холодные, вслѣдствіе снѣговъ и льда и частыхъ дождей...»

«Густой туманъ окутываетъ тамъ днемъ равнины, живутъ тамъ въ сырости, вдыхая сырой и густой туманъ... такъ что тамъ постоянно холодъ, лѣтняя же жара (всего) нѣсколько дней, да и то не сильная» и т. д. Конечно, описаніе это нѣсколько преувеличенно: лѣто, короткое на взглядъ Грековъ, было однакоже, жаркое, какъ говоритъ Аристотель: «На Понтѣ весьма сильны и морозы, и жары» (Probl. XXV, 6).

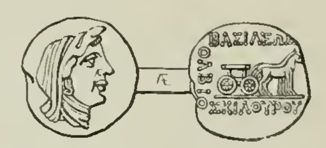
Діодоръ (III, 34), сравнивая климатъ земли Троглодитовъ (Эѳіопскихъ) съ климатомъ Скиѳіи, говоритъ о послѣднемъ слѣдующее: «.... вслѣдствіи чрезмѣрнаго мороза замерзаютъ тамъ величайшія рѣки, такъ что по льду переходятъ войска и нагруженныя телѣги; замерзаетъ и вино, и прочія жидкости такъ, что ихъ откалываютъ ножами, и, что того удивительнѣе, оконечности людей отпадаютъ, перетертыя одеждой, глаза помрачаются, и огонь не даетъ защиты, и бронзовыя статуи лопаются». Жалобами на суровый климатъ наполнены послѣднія произведенія Овидія (Ex Ponto, I, 3, 37): «Что хуже скиѳскаго мороза? Лежу я покинутый на пескахъ края земли, гдѣ земля засыпана постоянно снѣгомъ. Поля не родятъ здѣсь ни яблокъ, ни сладкихъ гроздей, не зеленѣютъ ивы на берегу, ни дубы на горѣ. Нельзя и море похвалить больше земли: постоянно подъ яростью вѣтровъ вздымаются волны, которыхъ не освѣщаетъ солнце». (I, 3, 50 — 54) «Лежитъ снѣгъ и не сгоняетъ его ни дождь, ни солнце, Борей дѣлаетъ его твердымъ и вѣчнымъ. Такъ что пока не сошелъ еще прежній, идетъ уже новый и во многихъ мѣстахъ остается двухлѣтній снѣгъ. Сила раздраженнаго Аквилона такова, что онъ равняетъ съ землею высокія башни и срываетъ кровли. Шубами и шароварами защищаются напрасно жители отъ холода, оставляя открытымъ изъ всего тѣла только лица. Часто встряхнутые волосы звенятъ отъ висящаго на нихъ льда и бѣлѣетъ борода, сѣдая отъ насѣвшаго инея. Безъ бочекъ стоятъ вина, сохранившія форму сосудовъ, пьютъ вино не черпая, а давая кусками» и т. д. (Trist. III, 10, 9—11, 14—25). «Гдѣ ходили плоты, ходятъ теперь на ногахъ, и волны, затвердѣвшія отъ стужи, ударяетъ конское копыто. И чрезъ новые мосты надъ текущими водами сарматскіе волы везутъ варварскія повозки». (31—35). Страбонъ также приводитъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о холодѣ, кромѣ указанныхъ Геродотомъ: «лошади малы, скотъ великъ, лопаются бронзовыя гидріи, а ихъ содержимое замерзаетъ...» «рыбы, замерзшія во льду, вырубаются такъ называемой гангамой...» «Говорятъ, что Неоптолемъ, полководецъ Митридата, на одной и той-же переправѣ разбилъ варваровъ лѣтомъ въ морскомъ сраженіи, а зимой — въ кавалерійскомъ. Говорятъ, что и виноградъ на Босфорѣ на зиму зарываютъ, насыпая поверхъ его много земли. Говорятъ же, что и жары бываютъ сильныя, или потому, что тѣла къ нимъ не привыкли, или потому, что тогда поля не обвѣваются вѣтрами, или потому, что густой воздухъ сильнѣе нагрѣвается». (VII, 3, 18).

Въ другомъ мѣстѣ Страбонъ подробнѣе говоритъ о лопнувшей гидріи: «Эратосѳенъ приводитъ и эпиграмму», вырѣзанную въ пантикапейскомъ храмѣ Асклепія на мѣдной гидріи, лопнувшей отъ холоду (II, 1. 16).

Изъ разсмотрѣнія разсказовъ древнихъ писателей о климатѣ Скиѳіи видно, что ихъ главнымъ образомъ интересовалъ скиѳскій морозъ и связанныя съ нимъ явленія, которыя они мало видали и плохо понимали, какъ напримѣръ Страбонъ, который зимнюю ловлю рыбы изъ подо-льда принялъ за вырубаніе ея изъ самой толщи льда.

Геродотъ начинаетъ описаніе свое прямо съ народовъ, жившихъ около Ольвіи, которую онъ, кажется, посѣтилъ лично.

«Отъ торговаго города борисѳенитовъ, составляющаго наиболѣе срединный пунктъ во всей приморской Скиѳіи, первыми живутъ Каллипиды, представляющіе собою эллино-скиѳовъ, выше ихъ живетъ другой народъ, именуемый Алазонами. Какъ эти послѣдніе, такъ и Каллипиды во всемъ ведутъ такой-же образъ жизни, какъ и Скиѳы, но хлѣбъ они сѣютъ и употребляютъ въ пищу, равно какъ лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо. Надъ Алазонами обитаютъ Скиѳы-пахари, сѣющіе хлѣбъ не для собственнаго употребленія въ пищу, но для продажи. Выше ихъ живутъ Невры. Къ сѣверу отъ Невровъ, насколько мы знаемъ, лежитъ пустыня. Народы эти живутъ вдоль рѣки Гипаниса къ западу отъ Борисѳена». (Герод. IV, 17).

28. Мѣдная монета царя Скилура, чеканенная въ Ольвіи. На лиц. ст.— изображеніе женскаго божества; на об.— Скиѳская повозка, запряженная парою лошадей. Эта сторона изготовлена въ стилѣ об. ст. арзакидскихъ монетъ того-же времени (I — II в. до Р. Х.).

Амміанъ въ числѣ ѳракійскихъ племенъ упоминаетъ какихъ-то Карповъ, «которыхъ Діоклетіанъ переселилъ съ ихъ старыхъ мѣстъ въ Паннонію». (XXVIII, 1. 5).

«Съ переходомъ черезъ Борисѳенъ вступаемъ въ ближайшую отъ моря землю, Гилею; выше ея живутъ Скиѳы земледѣльцы, которыхъ живущіе у рѣки Гипаниса Эллины называютъ Борисѳенитами; самихъ себя тамошніе Эллины называютъ Ольвіополитами. Слѣдовательно эти Скиѳы-земледѣльцы занимаютъ пространство къ востоку на три дня пути, простираясь до рѣки, именуемой Пантикапомъ, и на сѣверъ вверхъ по теченію Борисѳена на одиннадцать дней. Надъ ними простирается обширная пустыня. За пустыней обитаютъ Андрофаги, народъ особенный, вовсе не скиѳскій. Еще выше лежитъ настоящая пустыня: не живетъ тамъ, насколько мы знаемъ, ни одинъ народъ». (Геродотъ, IV, 18).

Гилеей (т. е. «лѣсной страной») называлась лѣвая сторона Днѣпра, заросшая въ тѣ времена лѣсомъ, какъ то видно изъ словъ и самого Геродота (см. IV, 76 и IV, 19) и другихъ писателей; такъ Помпоній Мела говоритъ «Герръ течетъ чрезъ землю Номадовъ. Далѣе лѣса, величайшіе въ этой странѣ» (II, 5).

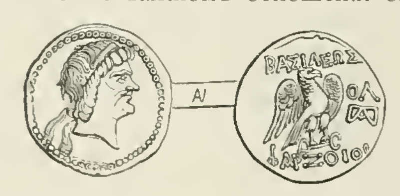
Валерій Флаккъ распространяется объ изобиліи и высотѣ деревьевъ Гилеи: «Нигдѣ лѣсъ не роститъ болѣе густыхъ и высокихъ деревъ: стрѣлы, потерявъ силу, падали назадъ прежде, чѣмъ достигали вершины деревьевъ». (Argon. VI, 76 сл.) Діонъ Хрисостомъ также сравниваетъ деревья Гилеи съ корабельными мачтами (Orat. 36. 2. ed. Reisk. p. 74).

«Къ востоку отъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ, по ту сторону рѣки Пантикапа обитаютъ Скиѳы-кочевники, не сѣющіе ничего и не пашущіе. Вся эта страна, за исключеніемъ Гилеи, безлѣсна. Кочевники занимаютъ область къ востоку на четырнадцать дней пути, простирающуюся до рѣки Герра».

«По ту сторону рѣки Герра находятся такъ называемыя царскія владѣнія и живутъ храбрѣйшіе и многочисленнѣйшіе Скиѳы, почитающіе прочихъ Скиѳовъ своими рабами. На югъ они простираются до Таврики, на востокъ до того рва, который выкопали потомки слѣпыхъ, и до торжища на Меотидскомъ озерѣ, называющагося Кремнами; владѣнія ихъ частью доходятъ и до рѣки Танаиса. Земли, лежащія къ сѣверу отъ царственныхъ Скиѳовъ, заняты Меланхленами, народомъ особымъ, не скиѳскимъ. Выше Меланхленовъ, насколько намъ извѣстно, лежатъ озера и безлюдная пустыня». (Геродотъ, IV, 19, 20).

Точное опредѣленіе мѣстожительства Скиѳовъ царскихъ невозможно по неопредѣленности положенія рѣкъ Пантикапа и Герра. Ровъ, вырытый дѣтьми слѣпыхъ — тотъ самый, который вырыли дѣти скиѳскихъ женъ и рабовъ, во время пребыванія Скиѳовъ въ Азіи. По словамъ Геродота, Скиѳы ослѣпляли своихъ рабовъ (IV, 2). Кочевые Скиѳы интересовали Грековъ главнымъ образомъ своимъ образомъ жизни, своими обычаями, столь разнившимися отъ греческихъ, и разсказы Геродота о скиѳскихъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ относятся, вѣроятно, исключительно къ кочевникамъ; жизнь земледѣльца представляла для него мало интереснаго, да и сами земледѣльцы, по присущей имъ неподвижности, имѣли, кромѣ Эллино-Скиѳовъ, гораздо меньше сношеній съ Греками, чѣмъ богатые, подвижные кочевники.

«У Понта Евксинскаго, куда Дарій рѣшилъ выступить въ походъ, живутъ народы, за исключеніемъ скиѳскаго, болѣе грубые, нежели обитатели какой-либо иной страны. Такъ, изъ народовъ, живущихъ по сю сторону Понта, равно какъ и изъ отдѣльныхъ тамошнихъ людей, мы не знаемъ ни одного, выдающагося по уму, кромѣ народа скиѳскаго и Скиѳа Анахарсиса. Впрочемъ и скиѳскій народъ оказывается мудрѣе всѣхъ, намъ извѣстныхъ, въ одномъ только отношеніи, для людей, правда, наиболѣе важномъ; за все прочее я не могу хвалить его. Въ этомъ наиболѣе важномъ отношеніи они устроиваются такъ, что никакой врагъ, вторгшійся въ ихъ страну, не можетъ уже спастись оттуда бѣгствомъ, не можетъ и настигнуть ихъ, если только они сами не пожелаютъ быть открытыми, потому что Скиѳы не имѣютъ ни городовъ, ни укрѣпленій, но передвигаютъ свои жилища съ собою, и всѣ они — конные стрѣлки изъ луковъ; пропитаніе себѣ Скиѳы добываютъ не земледѣліемъ, а скотоводствомъ, и жилища свои устроиваютъ на повозкахъ. Какъ же имъ не быть непобѣдимыми и неприступными?» (Геродотъ IV, 46).

29. Золотая монета царя Фарзоя, чеканенная въ Ольвіи; на лиц. ст. — портретное изображеніе царя, на об. — орелъ и надпись.

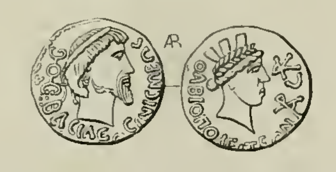
Весьма любопытное объясненіе происхожденія кочевой жизни даетъ Арріанъ (у Евстаѳія къ Діонис. къ 666). «Скиѳы питались нѣкогда хлѣбомъ и пахали землю, жили въ домахъ и имѣли города, когда же потерпѣли пораженіе отъ

Өракійцевъ, то измѣнили свои прежніе обычаи и поклялись сильными клятвами никогда впредь не строить домовъ, не бороздить земли плугомъ, не строить городовъ, не пріобрѣтать богатствъ, но сдѣлать жилищами повозки, пищей—звѣриное мясо, питьемъ же и ѣдою — молоко, владѣть только скотомъ, который долженъ слѣдовать за ними при переходѣ изъ одной земли въ другую. И такимъ образомъ стать изъ земледѣльцевъ Номадами».

По скиөскому быту наиболѣе подробны и близки по времени къ Геродоту свѣдѣнія Гиппократа (de aerib. 25 сл.). Скиөы называются Номадами, такъ какъ у нихъ нѣтъ домовъ и живутъ они въ повозкахъ. Повозки бываютъ самыя малыя о четырехъ колесахъ, другія шестиколесныя, обтянуты войлокомъ; устраиваются и кибитки на подобіе домовъ, двойныя и тройныя, и служатъ защитой отъ дождя, отъ снѣга и отъ вѣтровъ. Возятъ кибитки по двѣ или по три пары безрогихъ воловъ (безрогихъ — вслѣдствіе холода). Въ этихъ повозкахъ живутъ женщины съ дѣтьми, а сами мужчины всегда верхомъ. Слѣдомъ идутъ стада мелкаго скота, волы и лошади. На одномъ и томъ-же мѣстѣ остаются Скиөы пока хватаетъ корма скоту и на это время не переходятъ уже въ другое мѣсто. Они питаются жаренымъ мясомъ, пьютъ кобылье молоко и ѣдятъ сыръ, сдѣланный изъ него,— пользуясь постоянно одной и той-же пищей и одной одеждой зимой и лѣтомъ.

Повозки дали поводъ къ нарицательнымъ именамъ скиөскихъ племенъ Гамаксобіевъ, Гамаксойковъ и т. п., которыхъ позднѣйшіе писатели, какъ Плиній (IV, 25) Мела (II, 2), Страбонъ (II. 5. 26. VIII, 37) и др. помѣщали въ Скиөіи. Такія нарицательныя имена вполнѣ понятны: различныя племена кочевниковъ были, какъ по образу жизни, такъ и по внѣшней обстановкѣ ея, весьма между собою схожи. Страбонъ, говоря о Роксоланахъ, прибавляетъ: «Таковы-же и большинство остальныхъ племенъ. Шатры Номадовъ установлены на повозкахъ, въ которыхъ они живутъ. Вокругъ шатровъ стада, молокомъ, сыромъ и мясомъ которыхъ они питаются. Они слѣдуютъ за стадами, постоянно мѣняя мѣста, имѣющія траву; зимой—въ болотахъ вокругъ Меотиды, лѣтомъ же и на равнинахъ» (VII, 3. 17).

Вообще бытъ кочевыхъ народовъ Скиөіи во многомъ сходенъ съ бытомъ современныхъ кочевниковъ Азіи и юго-восточной Европы, но это сходство, обусловливаемое только бытомъ, не указываетъ племеннаго сходства. Скиөы не были Монголами, но разъ снявшись съ плодоносныхъ равнинъ Средней Азіи и перейдя къ кочевому быту, они должны были слиться съ туранскими племенами — исконными кочевниками, и приспособиться къ этому быту на долгое время, лишь благодаря присутствію среди себя туранцевъ.

30. Серебряная монета царя Иниcмея: на лиц. ст. — портретное изображеніе царя, на об. — голова женскаго божества.

Описаніе скиөскихъ обычаевъ Геродотъ начинаетъ съ религіи и ея обрядовъ:

«. . . . Изъ божествъ чтутъ Скиөы только слѣдующихъ: Гестію выше всѣхъ прочихъ божествъ, потомъ Зевса и Землю, причемъ Землю представляютъ себѣ супругою Зевса, далѣе Аполлона, Афродиту Уранію, Геракла и Арея. Эти божества почитаются у всѣхъ Скиөовъ, а такъ называемые царственные Скиөы приносятъ жертвы еще и Посей-

дону. По-скиѳски Гестія называется Табити, Зевсъ Папаемъ, послѣднее по моему мнѣнію совершенно правильно; Земля называется Апи, Аполлонъ Гойтосиромъ, Афродита Уранія — Аргимпасою, Посейдонъ Ѳагимасадомъ. Скиѳы не имѣютъ обыкновенія ставить божествамъ кумиры и сооружать храмы; за исключеніемъ Арея; сооруженія въ честь этого божества у нихъ въ обыкновеніи». (Геродотъ, IV, 59).

На особенное почитаніе Табити указываютъ слова Иданѳирса въ отвѣтѣ его Дарію: «владыками моими я почитаю только Зевса, моего предка и *Гестію*, царицу Скиѳовъ» (IV, 127). Имя Табита можно сблизить съ санкритскимъ корнемъ, имѣющимъ значеніе свѣта и огня.

Нимфодоръ (въ 9 отрывкѣ) положительно указываетъ на такое-же почитаніе огня у Савроматовъ, какъ у древнихъ Персовъ; между тѣмъ въ устахъ Грека (Ксенофонтъ, Киропедія I, 6. 1), Персы молятся «отеческой Гестіи и отеческому Зевсу и прочимъ богамъ».

31. Золотая бляшка изъ Чертомлыцкаго кургана.

На изображаемой здѣсь (рис. 31) бляшкѣ изъ Чертомлыцкаго кургана можно видѣть изображеніе этой богини. На этихъ бляшкахъ (ихъ найдено въ курганѣ 55 штукъ) представлена сидящая женская фигура съ сложенными на животѣ руками, держащими сосудъ, на подобіе каменныхъ бабъ; направо отъ нея стоящій варваръ, на лѣво алтарь огня. Грубая работа этой бляшки напоминаетъ пантикапейскія варварскія терракотты съ изображеніемъ такъ называемой Астарты. Зевсъ назывался Папаемъ («отцомъ») въ Виѳиніи и Фригіи, и этотъ эпитетъ былъ въ употребленіи по всему сѣверному берегу Чернаго моря и въ Малой Азіи.

Подъ Аполлономъ Геродотъ разумѣлъ, вѣроятно, бога Солнца. Греческая надпись, найденная въ Римѣ на Эсквилинскомъ холмѣ называетъ Аполлона Ойтоскира Миѳрою, именемъ персидскаго божества солнца. О почитаніи солнца у Массагетовъ говоритъ Геродотъ (I, 216).

Подъ именемъ Афродиты Небесной разумѣли, вѣроятно, луну. Скиѳское божество, соотвѣтствующее греческой богинѣ этого имени было, вѣроятно, однимъ изъ безчисленныхъ видовъ азіатской богини Астарты и другихъ ея видовъ и именъ. Скиѳское имя передается разно: Артимпаса, Арипаса, Аргимпаса. Имя это встрѣчается и въ двухъ надписяхъ Тускулана: «Богинѣ Артимпасѣ» и «Зевсу отеческому и Артимпасѣ».

Въ общемъ религія Скиѳовъ была почитаніемъ силъ природы, имена боговъ, приводимыя Греками, указываютъ на родство культовъ съ религіями Малой Азіи, а выше указанныя римскія надписи временъ религіознаго синкретизма — на азіатское происхожденіе культовъ: къ имени Аполлона-Ойтоскира прибавлено азіатское имя Миѳры, а вольноотпущенники, посвятители приношеній Аргимпасѣ, своими собственными именами (Полемонъ), позволяютъ заключать о малоазійскомъ происхожденіи ихъ.

Сарматскіе культы, господствовавшіе въ босфорскомъ царствѣ, узнаются пока

лишь по монетнымъ эмблемамъ, бляшкамъ скиѳскихъ могилъ и издѣліямъ позднѣйшаго періода Пантикапеи. Имя неизвѣстнаго (родоваго или племеннаго) «бога Уатафарна» выложено сканью (перегородочками, поставленными на ребро) на золотомъ амулетѣ въ видѣ бусы на цѣпочкѣ, найденномъ на Кубани (рис. 33).

32. Золотой медальонъ, украшенный каменьями, съ изображеніемъ Афродиты Небесной, неизвѣстной находки на Кубани.

«Способъ жертвоприношенія у всѣхъ Скиѳовъ для всѣхъ божествъ одинъ и тотъ-же и состоитъ въ слѣдующемъ: ставится жертвенное животное съ связанными передними ногами; позади его стоитъ жертвоприноситель, который тянетъ къ себѣ конецъ веревки и такимъ образомъ опрокидываетъ животное на землю. Пока животное падаетъ, жертвоприноситель взываетъ къ тому божеству, въ честь котораго совершается жертва; затѣмъ быстро накидываетъ петлю на шею животнаго, поворачиваетъ кругомъ вложенную въ петлю палку и удавливаетъ жертву; огонь при этомъ не возжигается, не бываетъ ни предварительныхъ дѣйствій, ни возліяній; удавивши жертву и снявши съ нея кожу, жертвоприноситель приступаетъ къ варкѣ».

33. Амулетъ съ именемъ «Бога Уатафарна».

«Такъ какъ скиѳская земля совсѣмъ безлѣсна, то Скиѳами придуманъ слѣдующій способъ варенія мяса: жертвенное животное обдираютъ, очищаютъ мясо отъ костей и бросаютъ его въ котлы туземнаго производства, если таковые находятся подъ рукою: эти послѣдніе скорѣе всего походятъ на лесбійскія чаши, только немного больше ихъ; затѣмъ зажигаютъ кости животныхъ и на нихъ варятъ мясо. Если котла не окажется, то все мясо сбрасывается въ желудки самихъ животныхъ, подливаютъ туда воды и подъ ними кости зажигаютъ. Кости горятъ отлично, а очищенное отъ костей мясо легко помѣщается въ желудкахъ. Такимъ образомъ, быкъ и всякое другое жертвенное животное сожигаютъ себя сами; когда мясо сварено, жертвоприноситель бросаетъ передъ собою посвященные божеству куски мяса и внутренностей. Въ жертву приносятся всякія домашнія животныя, преимущественно лошади. Таковы существующіе у Скиѳовъ способы жертвоприношенія. Свиней они не приносятъ въ жертву вовсе и вообще не имѣютъ обыкновенія держать свиней въ своей странѣ». (Герод. IV, 60, 61, 63).

Способъ жертвоприношенія безъ крови, удушеніемъ жертвы, имѣетъ сходство

съ обычаями нѣкоторыхъ алтайскихъ племенъ, которые ломаютъ жертвенному животному спину и затѣмъ, содравъ шкуру, набиваютъ ее и выставляютъ на особомъ высокомъ сооруженіи изъ бревенъ, что напоминаетъ скиѳскій обычай выставлять на жердяхъ чучелы коней вокругъ могилы царя.

Приношеніе въ жертву преимущественно лошадей напоминаетъ Массагетское жертвованіе ихъ солнцу (Герод. I, 216). Храмовъ богамъ Скиѳы не воздвигали. «Только относительно Арея существуетъ иной, слѣдующій порядокъ: въ каждомъ скиѳскомъ царствѣ ставятся по околоткамъ святилища Арея, такимъ образомъ: складывается куча хворосту длиною стадіи въ три и столько-же шириною, высота кургана меньше; наверху сдѣлана четыреугольная площадка, три стороны которой отвѣсны, а къ четвертой есть доступъ. Ежегодно свозится полтораста возовъ хворосту, потому что отъ непогоды кучи постоянно осѣдаютъ. На каждой такой насыпи водружается желѣзный старинный мечъ, который и составляетъ кумиръ Арея. Этому-то мечу ежегодно приносятся въ жертву рогатый скотъ и лошади, какъ и прочимъ божествамъ, а сверхъ того совершается еще слѣдующее: въ честь его умерщвляется каждый сотый мужчина изъ всего числа взятыхъ въ плѣнъ враговъ, и умерщвляется не такъ, какъ скотъ, но инымъ способомъ: сдѣлавши предварительно возліяніе на головы людей, ихъ рѣжутъ надъ сосудомъ, потомъ кровь убитыхъ относятъ на кучу хворосту и льютъ ее на мечь. Только кровь относится наверхъ; внизу у святилища всѣмъ убитымъ людямъ отсѣкаютъ правыя плечи вмѣстѣ съ руками и бросаютъ въ воздухъ; покончивъ съ принесеніемъ въ жертву остальныхъ животныхъ, удаляются. Руки оставляются тамъ, гдѣ упали, а трупы лежатъ отдѣльно». (Геродотъ I, 216).

Околодки, вѣроятно, были мѣста кочевокъ одного племени, имѣвшаго свой религіозный центръ, съ фетишемъ въ видѣ меча, который Греки считали, по вполнѣ понятному разсужденію, кумиромъ бога войны — Арея. Сооруженіе, на которомъ ставились эти мечи, по словамъ Геродота, было весьма значительно. Центромъ этихъ сооруженій могла быть насыпь, хворостъ же, положенный стѣнами, служилъ лишь для поддержанія крутыхъ стѣнъ насыпи, подобно тому, какъ въ такъ называемыхъ «скиѳскихъ» курганахъ болѣе крутая, обыкновенно сѣверная сторона, подпирается иногда каменнымъ фундаментомъ. Подобное устройство насыпей наблюдается въ «городищахъ» Россіи и «палафиттахъ» Сѣверной Италіи. Общій видъ этого сооруженія, судя по описанію Геродота, могъ походить отчасти на храмовыя зданія Месопотаміи, также имѣвшія иногда отлогій входъ съ одной стороны и отвѣсныя остальныя 3 стѣны. На вершинѣ холма ставилась старая желѣзная «акинака»; именемъ этимъ назывался персидскій мечъ, носимый съ правой стороны, прямой и недлинный.

Позднѣйшіе писатели приписываютъ тотъ-же самый обычай почитанія бога войны подъ видомъ меча разнымъ племенамъ.

Въ отрывкѣ Гигесія (писателя неизвѣстнаго времени) говорится, что «изъ Скиѳовъ почитаютъ мечъ — Савроматы».

Амміанъ Марцеллинъ, говоря объ Аланахъ, замѣчаетъ: «у нихъ не видно ни храмовъ, ни святилищъ, нельзя даже нигдѣ увидать хижины, крытой соломой (или тростникомъ); но обнаженный мечъ втыкается по варварскому обычаю въ

землю и его чтутъ какъ Марса, владыку окрестныхъ странъ» (XXXI, 2. 23). Любопытно, что одинъ изъ мечей найденъ былъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ, воткнутымъ въ стѣну надъ могилою.

Разсказавъ о религіозныхъ обычаяхъ Скиѳовъ, Геродотъ переходитъ къ ихъ военнымъ обычаямъ.

«Военные обычаи ихъ таковы: Скиѳъ пьетъ кровь перваго убитаго имъ врага, а головы всѣхъ враговъ, убитыхъ въ сраженіи, относятся къ царю, потому что только подъ условіемъ доставленія головы непріятеля Скиѳъ получаетъ долю добычи, въ противномъ случаѣ — не получаетъ ничего. Съ головы онъ снимаетъ кожу слѣдующимъ образомъ: кругомъ головы около ушей дѣлаетъ надрѣзъ, потомъ беретъ голову въ руки и вытряхиваетъ изъ кожи, засимъ соскабливаетъ съ нея бычачьимъ ребромъ мясо и выдѣлываетъ кожу въ рукахъ, дѣлая ее такимъ образомъ мягкою, затѣмъ употребляетъ какъ утиральникъ, привѣшиваетъ ее къ узделкѣ той лошади, на которой ѣздитъ самъ, и гордится этимъ. Скиѳъ, располагающій наибольшимъ числомъ такихъ утиральниковъ изъ кожъ непріятелей, почитается доблестнѣйшимъ человѣкомъ. Многіе Скиѳы приготовляютъ себѣ изъ содранныхъ кожъ плащи, въ которые и одѣваются; для этого кожи сшиваются вмѣстѣ, какъ козьи шкурки. Съ другой стороны, многіе изъ нихъ снимаютъ кожу до самыхъ ногтей съ правыхъ рукъ убитыхъ враговъ и приготовляютъ изъ этихъ кожъ футляры для колчановъ. Человѣческая кожа дѣйствительно толста и блестяща, блескомъ и бѣлизною превосходитъ почти всѣ другія кожи. Наконецъ, многіе Скиѳы снимаютъ кожу со всего трупа, напяливаютъ ее на палки и возятъ съ собою на лошадяхъ. Таковы у нихъ военные обычаи».

«Съ головами враговъ, не всѣхъ впрочемъ, но ненавистнѣйшихъ, Скиѳы обращаются такъ: они отпиливаютъ ту часть головы, что пониже бровей, и потомъ вычищаютъ черепъ изнутри; если Скиѳъ — человѣкъ бѣдный, онъ только обтягиваетъ черепъ снаружи сырой бычачьей кожей и въ такомъ видѣ пользуется имъ; если онъ богатъ, то, обтянувши черепъ кожей, покрываетъ его внутри золотомъ и употребляетъ вмѣсто чаши. Поступаютъ такъ Скиѳы и съ тѣми родственниками, съ которыми входятъ въ распрю, если обвинитель передъ лицомъ царя одержитъ верхъ надъ обвиняемымъ. Когда являются въ гости лица, которымъ Скиѳъ желаетъ оказать вниманіе, онъ выставляетъ эти черепа, причемъ напоминаетъ, что это были его родственники, что они вступили — было съ нимъ въ борьбу, но онъ вышелъ изъ распри побѣдителемъ; разсказывается объ этомъ, какъ о геройскомъ подвигѣ».

«Ежегодно разъ въ году каждый начальникъ въ своемъ околоткѣ приготовляетъ чашу вина, изъ которой пьютъ тѣ лишь Скиѳы, которые умертвили враговъ; напротивъ тѣ изъ Скиѳовъ, за которыми нѣтъ такихъ подвиговъ, не вкушаютъ этого вина и, какъ обезчещенные, садятся въ сторонѣ; это самый тяжкій позоръ для нихъ. Напротивъ, если кто изъ Скиѳовъ убилъ очень много враговъ, тотъ получаетъ двѣ чаши и пьетъ вино изъ обѣихъ разомъ». (Герод. IV, 64—66).

Варварскій обычай скальпированія и употребленія человѣческой кожи на одежды, попоны, полотенца упоминается, видимо, со словъ Геродота у многихъ писателей, по привычкѣ къ риторскимъ оборотамъ. Отсюда всѣ пресловутые раз-

сказы о чашахъ изъ человѣческихъ череповъ, обязанные своимъ возникновеніемъ частнымъ случаямъ аффектаціи и варварскаго хвастовства, отсюда разныя басни о выставкѣ череповъ на пирахъ, питьѣ изъ крови и пр. Вотъ что говоритъ о племени Карманіи у Персидскаго Залива Страбонъ (XV, 2, 14): «по недостатку лошадей, большинство изъ нихъ пользуются ослами, даже для войны. Они приносятъ осла въ жертву Арею, котораго чтутъ какъ единственнаго изъ боговъ, и весьма воинственны. Никто не вступаетъ въ бракъ, прежде чѣмъ не принесетъ къ царю отрубленную голову врага; черепъ царь оставляетъ во дворцѣ, языкъ же, слегка надрѣзавъ и смѣшавъ съ мукой, отвѣдываетъ самъ и даетъ домашнимъ».

Далѣе Геродотъ описываетъ способы гаданія и клятвы.

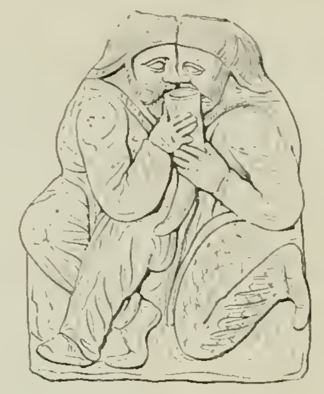
«Гадателей у Скиѳовъ много, и гадаютъ они по многочисленнымъ ивовымъ прутьямъ слѣдующимъ образомъ: приносятъ съ собою большіе пучки прутьевъ, кладутъ ихъ на землю и располагаютъ врозь, потомъ, перекладывая одинъ прутикъ за другимъ, они прорицаютъ; пока изреченія произносятся, гадатели снова собираютъ прутья въ пучки и снова кладутъ одинъ прутъ за другимъ. Это — исконный способъ гаданія у Скиѳовъ. По словамъ Енареевъ, женоподобныхъ мужчинъ, искусство гаданія даровано имъ Афродитою. Для гаданія они употребляютъ нижнюю липовую кожицу, которую дѣлятъ на три полоски, переплетаютъ эти полоски между пальцами, потомъ расплетаютъ ихъ и въ это время произносятъ изреченія».

«Въ случаѣ болѣзни, скиѳскій царь приглашаетъ трехъ наиболѣе знаменитыхъ гадателей, которые производятъ гаданіе упомянутымъ выше способомъ. При этомъ наичаще они объявляютъ, что такой-то или иной изъ народа, называя его по имени, ложно клялся божествами царскаго очага; а у Скиѳовъ существуетъ обычай — давать торжественнѣйшую клятву во имя царскихъ домашнихъ божествъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они желаютъ произнести священнѣйшую клятву. Человѣка, обвиняемаго въ клятвопреступленіи, тотчасъ схватываютъ и доставляютъ на судъ; засимъ гадатели уличаютъ его въ томъ, что онъ, по свидѣтельству гаданія, виновенъ въ клятвопреступленіи противъ божествъ царскаго очага, и что вслѣдствіе этого и болѣетъ царь. Обвиняемый возражаетъ, настойчиво увѣряя, что онъ не нарушилъ клятвы. Если обвиняемый отрицаетъ вину, царь призываетъ другихъ гадателей, числомъ вдвое больше противъ прежняго. Если и эти гадатели, на основаніи своего искусства, обвиняютъ подсудимаго въ клятвопреступленіи, ему немедленно отсѣкаютъ голову, а имущество его достается на долю первыхъ гадателей. Но еслибы вторые гадатели оправдали подсудимаго, въ такомъ случаѣ призываются новые и опять новые гадатели. Если большинство гадателей оправдываетъ подсудимаго, то постановляется, что первые гадатели должны погибнуть сами».

«Казнятъ ихъ такимъ образомъ: повозку наполняютъ хворостомъ и запрягаютъ въ нее быковъ; сковываютъ гадателямъ ноги, а руки связываютъ на спинѣ, затыкаютъ рты и въ такомъ видѣ кладутъ гадателей въ середину хвороста, потомъ зажигаютъ хворостъ, пугаютъ быковъ и гонятъ. Множество быковъ гибнетъ въ пламени вмѣстѣ съ гадателями, другіе быки хотя и опаляются, спасаются бѣгствомъ, когда сгоритъ дышло. Этимъ способомъ сожигаютъ гадателей и за разныя

другія провинности, причемъ они обзываются лживыми гадателями. Царь не оставляетъ въ живыхъ и дѣтей казненныхъ гадателей; все мужское поколѣніе ихъ онъ велитъ казнить, а женскаго не трогаетъ».

«Если Скиѳы заключаютъ съ кѣмъ-либо клятвенный договоръ, то поступаютъ при этомъ такъ: въ большую глиняную чашу наливается вино, къ нему примѣшивается кровь договаривающихся, причемъ послѣднимъ дѣлаютъ уколы шиломъ или небольшіе разрѣзы ножомъ на тѣлѣ, потомъ погружаютъ въ чашу мечъ, стрѣлы, сѣкиру и метательное копье. По совершеніи этого они долго молятся, засимъ пьютъ смѣсь какъ сами договаривающіеся, такъ и знатнѣйшіе изъ присутствующихъ». (Герод. IV, 67 — 70).

34. Золотая рельефная бляха со втулкою изъ Куль-Обскаго кургана.

Способъ гаданія на палкахъ, по словамъ Динона (фрагм. 3), принадлежитъ магамъ — индійскимъ предсказателямъ и Скиѳамъ.

По словамъ Страбона, маги при совершеніи жертвоприношеній волъ «раскладываютъ куски мяса на миртѣ и лаврѣ, прикасаясь тонкими жезлами (прутьями) и произносятъ заклинанія, дѣлая возліянія изъ масла, смѣшаннаго съ молокомъ и медомъ на землю. Заклинанія дѣлаютъ долго, держа связки тонкихъ тамарисковыхъ прутьевъ». (XV, 3. 14). Повидимому, изображеніе этого мага — Скиѳа можно видѣть на золотой пластинкѣ, найденной въ кладѣ на берегахъ Аму-Дарьи (рис. 35).

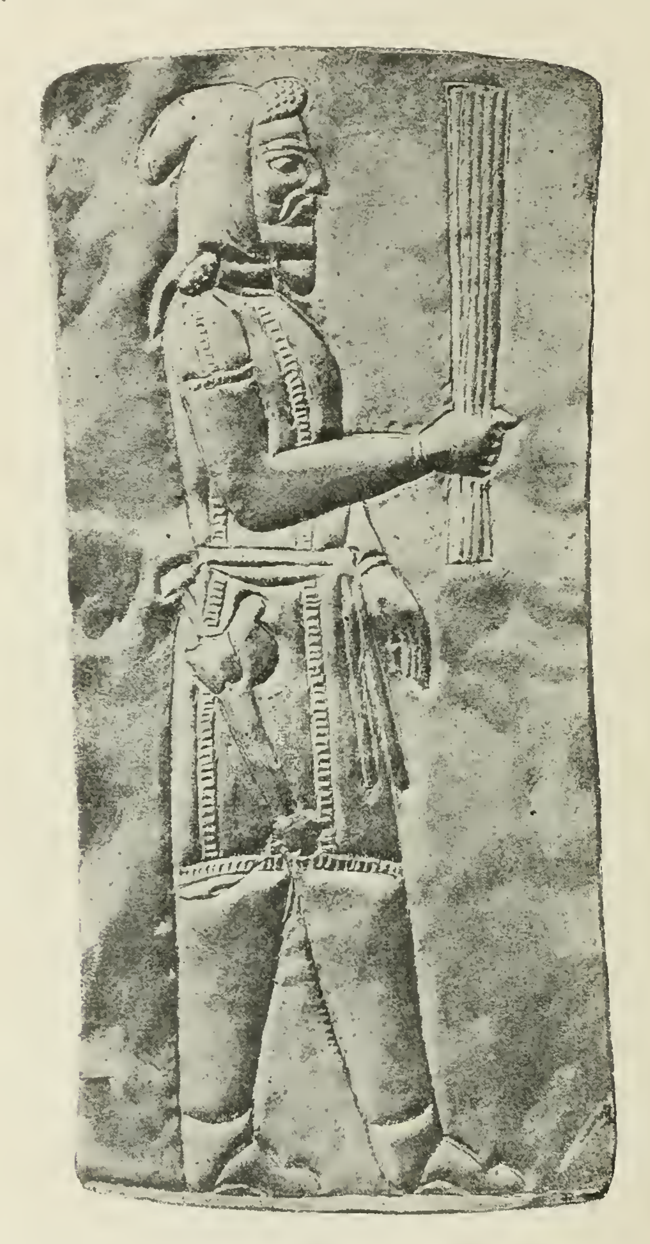
Аммiанъ Марцеллинъ, говоря объ Аланахъ, замѣчаетъ: «будущее предсказываютъ они удивительнымъ образомъ. Связавъ прямые ивовые прутья, они съ тайными заклинаніями, въ опредѣленное время раздѣляютъ ихъ и ясно узнаютъ, что предвѣщается». (XXXI, 2. 24).

Заключеніе Скиѳами братанства или братскаго союза, когда клянущіеся пьютъ кровь другъ друга, сходно съ обычаями разнородныхъ племенъ. Самъ Геродотъ описываетъ подобные обычаи у Лидянъ и Мидянъ (I, 74). Тацитъ говоритъ, что «у царей верхней Азіи есть обычай, по которому всякій разъ, какъ они сходятся для заключенія союза, они переплетаются правыми руками, связываютъ вмѣстѣ большіе пальцы и стягиваютъ узломъ; затѣмъ, какъ только кровь подтечетъ къ оконечностямъ, легкимъ уколомъ они вызываютъ кровь и лижутъ ее другъ у друга. Такой союзный договоръ считается имѣющимъ таинственную силу, такъ какъ освященъ взаимною кровью». (Annal. XII, 47). На золотой бляшкѣ изъ Куль-Оба изображены два варвара, пьющіе изъ одного рога, переплетясь руками (см. рис. 34); очевидно, сцена эта изображаетъ обрядъ побратанства, скрѣпленный попойкою.

Свой разсказъ о скиѳскихъ обычаяхъ Геродотъ кончаетъ описаніемъ скиѳскихъ похоронъ и связанныхъ съ ними очистительныхъ обрядовъ.

«Гробницы царей находятся въ Геррахъ, до которыхъ Борисѳенъ судоходенъ. Послѣ смерти царя, тамъ тотчасъ выкапывается большая четыреугольная яма; по

изготовленіи ея принимаются за покойника и покрываютъ его тѣло воскомъ, предварительно разрѣзавъ ему животъ, который вычищаютъ и наполняютъ толче-

35. Золотая пластинка, найденная въ кладѣ на Аму-Дарьѣ.

нымъ куперомъ, ладономъ, сѣменами сельдерея и аниса, потомъ сшиваютъ и везутъ въ повозкѣ къ другому народу. Тотъ народъ, къ которому привозятъ покойника, дѣлаетъ то-же самое, что и Царственные Скиѳы, именно: и тамъ люди

отрѣзываютъ себѣ часть уха, стригутъ кругомъ волосы, дѣлаютъ себѣ на рукахъ порѣзы, распарапываютъ лобъ и носъ, а лѣвую руку прокалываютъ стрѣлами. Отсюда перевозятъ трупъ царя къ другому подвластному имъ народу, между тѣмъ какъ тотъ народъ, къ которому они приходили раньше, слѣдуетъ за покойникомъ. Объѣхавши такимъ образомъ всѣ народы, Царскіе Скиѳы являются въ землю отдаленнѣйшаго подчиненнаго имъ народа — Герровъ, гдѣ находится и кладбище. Здѣсь трупъ хоронятъ въ могилѣ на соломенной подстилкѣ, по обѣимъ сторонамъ трупа вбиваютъ копья, сверху кладутъ брусья и все покрываютъ рогожей. Въ остальной обширной части могилы хоронятъ одну изъ его наложницъ, предварительно задушивши ее, а также виночерпія, повара, конюха, приближеннаго слугу, вѣстовщика, наконецъ лошадей, первенцовъ всякаго другаго скота и золотыя чаши,— серебра и мѣди цари Скиѳовъ совсѣмъ не употребляютъ; послѣ этого всѣ вмѣстѣ устраиваютъ большую земляную насыпь, прилагая особенное стараніе къ тому, чтобы она вышла какъ можно больше».

«По прошествіи года Скиѳы опять совершаютъ слѣдующее: изъ оставшихся слугъ выбираютъ пятьдесятъ человѣкъ, угодныхъ царю; это — природные Скиѳы, такъ какъ царю, согласно его волѣ, служатъ только такіе люди; купленныхъ за деньги слугъ у него не бываетъ; выбираютъ также пятьдесятъ наилучшихъ лошадей; тѣхъ и другихъ удавливаютъ, вынимаютъ изъ нихъ внутренности, очищаютъ животъ и, наполнивши его отрубями, зашиваютъ; потомъ укрѣпляютъ на двухъ столбахъ половину колеса такъ, чтобы ободъ его былъ обращенъ внизъ, другую половину устанавливаютъ на двухъ другихъ столбахъ; тѣмъ-же способомъ сколачивается вообще много станковъ; послѣ этого вбиваютъ въ лошадей, въ длину ихъ, толстые колья, проходящіе до самой шеи, и въ такомъ видѣ поднимаютъ лошадей на колесныя ободья, причемъ на переднихъ полукругахъ помѣщаются плечи лошадей, а на заднихъ держатся туловища у самыхъ бедеръ, такъ что обѣ пары ногъ свѣшиваются внизъ, не доставая до земли; наконецъ накидываютъ на лошадей уздечки и удила, тянутъ ихъ впередъ и прикрѣпляютъ къ колышкамъ. Кромѣ того, удавливаютъ пятьдесятъ юношей и по одному сажаютъ на лошадей слѣдующимъ образомъ: въ трупъ каждаго юноши загоняется вдоль спиннаго хребта прямой колъ, доходящій до шеи; нижній, выступающій конецъ его вбивается въ пробуравленную дыру другаго кола, того, что проходитъ черезъ лошадь; поставивши такихъ всадниковъ вокругъ могилы, Скиѳы расходятся. Такъ хоронятъ они царей».

36. Золотой перстень работы Аѳинада, изъ женской гробницы на Митридатовой горѣ.

37. Серебряная монета, чеканенная въ Тарсѣ сатрапомъ Дарія, Датамесомъ (сыномъ карійца Камиссареса и скиѳянки), V в. до Р. Х. На лиц. ст. — изображеніе сатрапа, весьма схожее съ изображенною на перстнѣ Аѳинада фигурою.

«Что касается прочихъ Скиѳовъ, то въ случаѣ смерти кого-нибудь изъ нихъ

*

ближайшіе родственники кладутъ покойника на повозку и везутъ къ его друзьямъ. Каждый изъ нихъ устраиваетъ для спутниковъ покойника обильный пиръ, причемъ отъ всѣхъ угощеній удѣляется часть и покойнику. Частныхъ лицъ возятъ такимъ образомъ въ теченіи сорока дней, а потомъ хоронятъ. Послѣ похоронъ Скиѳы очищаютъ себя слѣдующимъ образомъ: умащаютъ, а потомъ обмываютъ себѣ волосы; для очищенія тѣла ставятъ три шеста, наклонныхъ одинъ къ другому, натягиваютъ на нихъ войлоки, плотно между собою связанные; посреди шатра ставится ванна, въ которую бросаютъ раскаленные до красна камни».

«Въ Скиѳіи произрастаетъ конопля, очень похожая на ленъ, только гораздо толще и выше его. Она тамъ засѣвается, но растетъ также и въ дикомъ состояніи; Ѳракіяне приготовляютъ себѣ изъ нея платье, до такой степени похожее на льняное, что человѣкъ, недостаточно опытный, не сможетъ узнать, сдѣлано-ли платье изъ конопли, или изъ льна; а кто никогда не видѣлъ конопляной матеріи, тотъ приметъ такое платье за льняное».

«Съ сѣменами конопли въ рукахъ Скиѳы входятъ подъ войлоки шатра и тамъ бросаютъ сѣмена на раскаленные камни; отъ этого поднимаются такой дымъ и паръ, что никакая эллинская баня не превзойдетъ въ этомъ отношеніи скиѳской. Скиѳы наслаждаются такой баней и вопятъ отъ удовольствія. Это замѣняетъ для нихъ купанье; дѣйствительно, они вовсе не обмываютъ себѣ тѣла водою. Впрочемъ, скиѳскія женщины подливаютъ воды къ перетираемымъ на твердомъ камнѣ кусочкамъ кипариса, кедра и ладана и вымазываютъ себѣ все тѣло и лицо получаемою такимъ образомъ густою массой, что придаетъ тѣлу пріятный запахъ: когда на слѣдующій день мазь отнимутъ, тѣло ихъ становится чистымъ и глянцевитымъ». (Герод. IV, 71—75).

38. Золотая пластинка, съ изображеніемъ пляшущихъ женщинъ изъ Куль-Оба.

Мѣстонахожденіе области Герровъ можно полагать около пороговъ въ Екатеринославской губерніи. Такъ называемые «скиѳскіе» курганы находятся и въ Кіевской и въ Екатеринославской губерніяхъ, но ни одинъ изъ изслѣдованныхъ понынѣ не можетъ быть отнесенъ ко временамъ Геродота. Образцомъ позднѣйшей скиѳской могилы царскаго чина можно считать Чертомлыцкій курганъ съ его центральнымъ погребеніемъ, четырьмя боковыми могилами и конскими, равно «Семь братьевъ» на рѣкѣ Кубани.

Замѣчаніе объ отсутствіи у Скиѳовъ серебра и мѣди невѣрно, но археологія подтверждаетъ нынѣ блестящимъ образомъ свѣдѣніе о массѣ золотыхъ и бронзовыхъ издѣлій (Гер. I, 215), обращавшихся у Массагетовъ. Скиѳскія Древности Европейской Россіи являются не болѣе, какъ тѣнью богатствъ, сосредоточившихся нѣкогда за Аральскимъ моремъ.

Очистительные обряды послѣ похоронъ, описываемые Геродотомъ съ явнымъ недоумѣніемъ, сводятся къ простой банѣ.

Все описаніе бани, удивлявшей Геродота, напоминаетъ разсказъ о русской банѣ, влагаемый легендой въ началѣ нашей лѣтописи въ уста апостола Андрея, который разсказывалъ въ Римѣ о русской банѣ, и «ти слышаще дивляхуся», какъ дивились, вѣроятно, и читатели Геродота.

Наружность Скиѳовъ кратко очерчена Гиппократомъ, который ставитъ ее въ зависимость отъ климата: (Hippocrates, de aer. 26): «Скиѳія питаетъ мало животныхъ, да и тѣ малаго размѣра, такъ какъ лежитъ подъ самымъ сѣверомъ и Рипейскими горами, откуда дуетъ борей. Когда солнце вступаетъ въ лѣтній періодъ, бываетъ наконецъ не надолго тепло, но не слишкомъ. Вѣтры, дующіе изъ теплыхъ странъ, не достигаютъ Скиѳіи или бываютъ рѣдко и слабые; постоянно дуютъ съ сѣвера вѣтры холодные отъ снѣга и льдовъ и частыхъ дождей,— постоянныхъ на горахъ, которыя остаются поэтому необитаемы. Равнины окутываетъ днемъ густой туманъ, и въ этой сырости живутъ люди. Равнины высоки и обнажены и не окружены горами, но поднимаются къ сѣверу. Поэтому и животныя родятся небольшія, но такія, которыя могутъ прятаться подъ землею, такъ какъ имъ мѣшаетъ холодъ и нагота земли, и нѣтъ ни тепла, ни защиты. Перемѣны погоды въ году не велики и не рѣзки, но однообразны и мало разнятся, потому и (Скиѳы) по наружности подобны другъ другу; живутъ они, питаясь постоянно одною пищею и нося одну одежду и зимой, и лѣтомъ, вдыхая сырой и густой воздухъ (или туманъ), употребляя воду (добытую) изъ снѣга и льда; они не склонны къ работѣ, и ихъ духъ и тѣло не выносятъ усталости, не будучи пріучены къ тому самыми перемѣнами погоды. Фигуры ихъ толсты, мясисты, не членораздѣльны, слабы и вялы, и животы у нихъ слабѣе, чѣмъ у всѣхъ (прочихъ людей); вѣдь нельзя животъ сдѣлать сухимъ (т. е. здоровымъ) въ такой странѣ и (среди такой) природы и климатическихъ условій. При своей жирной и безбородой наружности, Скиѳы всѣ на одно лицо. Вся масса Скиѳовъ, сколько ни есть ихъ — кочевниковъ, прижигаютъ себѣ плечи, руки и кисти рукъ, груди, бедра и чресла, не ради чего-либо иного, какъ ради слабости и вялости. Ибо не могутъ они ни натягивать лука, ни копья метнуть отъ слабости и вялости плечъ. Когда же они прижгутъ тѣло, большая часть сырости выходитъ изъ него, и оно становится энергичнѣе, лучше питается и болѣе сочленено. Они бываютъ кривоногими и толстыми, прежде всего потому, что они не пеленаютъ дѣтей, какъ въ Египтѣ; они не приняли этого обычая ради ѣзды верхомъ, чтобы хорошо сидѣть на конѣ. Мальчики, покуда они не могутъ ѣздить верхомъ, большую часть времени проводятъ въ повозкѣ и мало ходятъ, вслѣдствіе переселеній и кочеванія. Народъ скиѳскій отъ холода русый, такъ какъ солнце его не печетъ. Бѣлое тѣло обжигается морозомъ и «краснѣетъ».

39. Золотая статуэтка всадника изъ клада на Аму-Дарьѣ.

Далѣе знаменитый врачъ подробно разсуждаетъ о маломъ числѣ рожденій у

Скиѳовъ и объясняетъ его отчасти анатомически, отчасти слѣдствіями верховой ѣзды.

У писателей позднѣйшихъ имя Скиѳовъ замѣняетъ уже иногда, по старой памяти, Савроматовъ, которые въ IV — III вѣкахъ до Р. Х. распространились по всей Скиѳіи.

Уже Гелланикъ (V вѣка до Р. Х.) называлъ Меотовъ, жившихъ по ту сторону Азовскаго моря, Скиѳами. Немногія греческія извѣстія о походахъ Александра Македонскаго за Дунай, говорятъ еще о Скиѳахъ, но и писатели и даже надписи называютъ варваровъ, современныхъ Митридату Великому, также Скиѳами, хотя эти племена, по всему вѣроятію, принадлежали уже къ Сарматамъ. И вообще у греческихъ писателей до самыхъ позднихъ временъ общимъ именемъ для всѣхъ обитателей южной Россіи было «Скиѳы», у римскихъ же «Сарматы».

Указать съ точностью время занятія скиѳскихъ областей Сарматами тѣмъ болѣе трудно, что мы не знаемъ даже навѣрно, была-ли достаточная этнографическая разница между этими племенами. Принадлежность Сарматовъ къ племенамъ арійскимъ не можетъ подлежать болѣе сомнѣнію, тогда какъ вопросъ о національности Скиѳовъ,— именно Скиѳовъ-кочевниковъ и земледѣльцевъ, которыхъ Геродотъ выдѣляетъ изъ прочихъ племенъ Россіи,— остается до-селѣ не рѣшеннымъ. Нѣкоторая арійская примѣсь и въ этихъ Скиѳахъ несомнѣнна, на нее указываютъ собственныя имена, сходныя или созвучныя съ сарматскими, указываетъ и геродотовскій разсказъ о происхожденіи Сарматовъ отъ Скиѳовъ.

Во II вѣкѣ по Р. Х., когда за геродотовской Скиѳіей утвердилось имя Сарматіи, Скиѳіей Птолемей называлъ Сибирь и Среднюю Азію до Индіи и

40. Керченскій глиняный сосудъ съ фигурою юнаго варвара изъ Павловскаго кургана.

Китая, что не мѣшало, конечно, византійскимъ писателямъ величать Скиѳами и Гунновъ, и Готовъ, и Славянъ.

Насколько опредѣленно понималъ Геродотъ Скиѳію, показываютъ слова его: «за Танаисомъ нѣтъ болѣе Скиѳіи» (IV, 21).

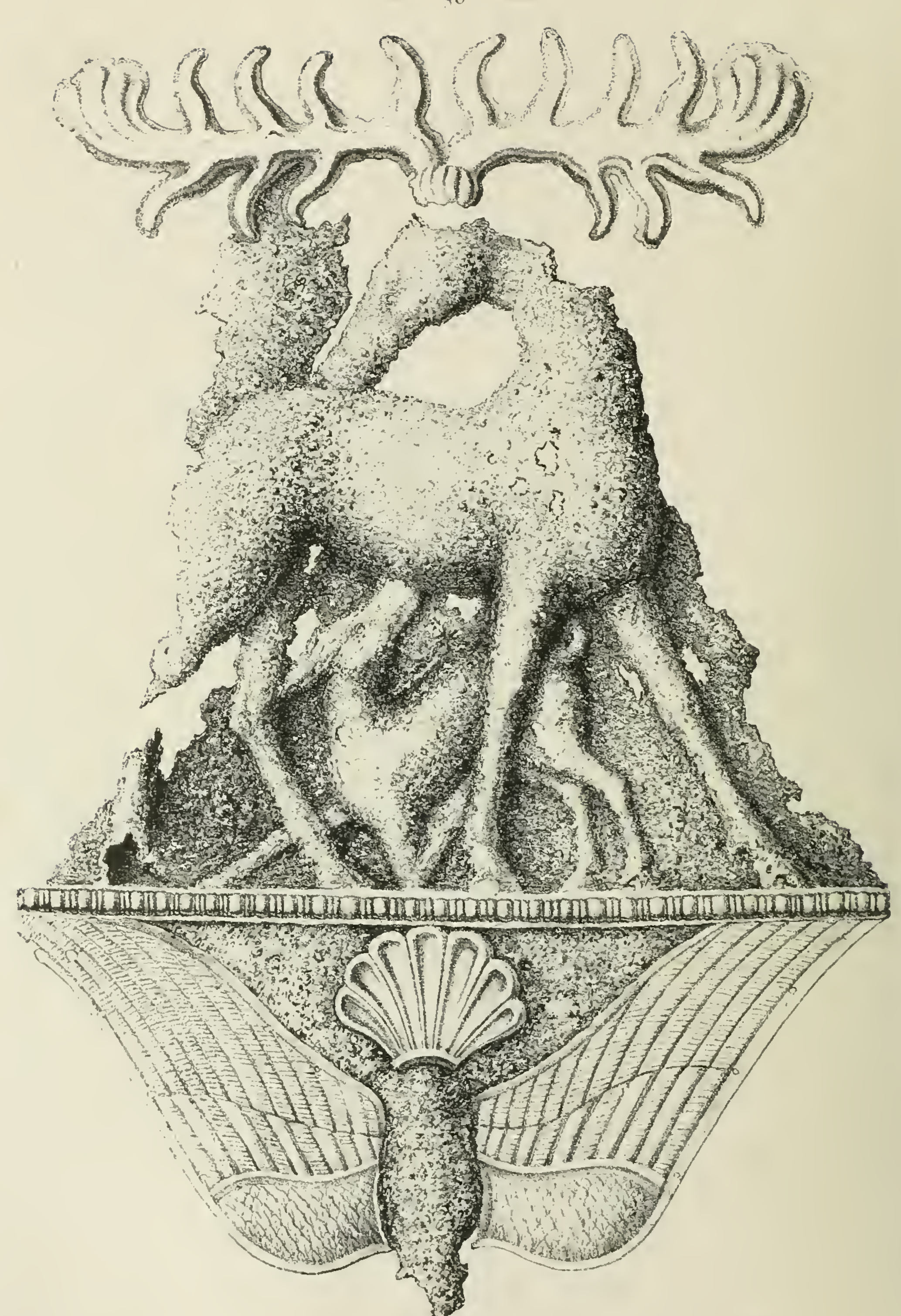
Эти нескиѳскія, задонскія земли Геродотъ описываетъ такъ:

«По ту сторону Танаиса нѣтъ болѣе Скиѳіи; первая изъ тамошнихъ областей принадлежитъ Савроматамъ, которые занимаютъ пространство въ пятнадцать дней пути, начиная отъ угла Меотидскаго озера по направленію къ сѣверу. Вся эта страна лишена дикихъ и садовыхъ деревьевъ. Надъ ними живутъ Будины, занимающіе второй участокъ земли, весь покрытый густымъ разнороднымъ лѣсомъ».

«Выше Будиновъ, къ сѣверу отъ нихъ, лежитъ прежде всего пустыня на протяженіи семи дней пути, а за пустыней, больше въ восточномъ направленіи, живутъ Ѳиссагеты, народъ особый и многолюдный; средства къ жизни добываютъ они охотой. Въ смежности съ ними, въ тѣхъ-же самыхъ мѣстахъ, живетъ народъ, носящій названіе Іирковъ, живущій также охотой. Іиркъ охотится слѣдующимъ способомъ: охотникъ взлѣзаетъ на дерево и тамъ устраиваетъ засаду, а деревьями изобилуетъ вся страна ихъ; у каждаго охотника имѣются наготовѣ лошадь и собака; лошадь низкаго роста и потому пріучена лежать брюхомъ на землѣ. Завидѣвши съ дерева дичь, охотникъ стрѣляетъ по ней изъ лука, потомъ садится на лошадь и пускается въ погоню за добычей, собака неотступно слѣдуетъ за нимъ. Надъ этими народами по направленію къ востоку живутъ другіе Скиѳы, прибывшіе въ эту мѣстность по отдѣленіи отъ царственныхъ Скиѳовъ».

«До владѣнія этихъ Скиѳовъ вся пройденная нами страна представляетъ равнину съ глубокимъ черноземомъ, начиная же отсюда земля камениста и неровна. Если пройти значительную часть и этой неровной страны, то встрѣтимся съ обитателями подножья высокихъ горъ; говорятъ, что всѣ они, какъ мужчины, такъ и женщины, плѣшивы отъ рожденія, плосконосы и съ большими челюстями, рѣчь у нихъ особая; одѣваются по-скиѳски, а питаются плодами деревьевъ. Дерево, плодами котораго они питаются, носитъ названіе понтика; оно такой-же почти величины, какъ и фиговое дерево. Плодъ его, похожій на бобы, содержитъ въ серединѣ зерно. Когда плоды созрѣваютъ, ихъ процѣживаютъ черезъ платокъ, и изъ нихъ вытекаетъ густой черный сокъ; добываемая жидкость называется асхи. Сокъ этотъ лижутъ или, смѣшавши съ молокомъ, пьютъ, а изъ гущи сока приготовляютъ лепешки и ѣдятъ ихъ. Скота у нихъ мало, потому что тамошнія пастбища скудны. Каждый изъ нихъ поселяется подъ деревомъ, которое на зиму прикрывается толстымъ бѣлымъ войлокомъ, а на лѣто оставляется открытымъ. Никто изъ людей не обижаетъ ихъ, потому что они считаются священными; нѣтъ у нихъ никакого вооруженія. Далѣе, они улаживаютъ раздоры въ средѣ окрестныхъ народовъ, а убѣжавшій къ нимъ изгнанникъ защищенъ отъ какой-бы то ни было обиды. Названіе этого народа Аргиппеи».

«Страна до этихъ плѣшивыхъ и народы, по сю сторону ея живущіе, хорошо извѣстны. Къ нимъ ходятъ нѣкоторые Скиѳы, отъ коихъ, равно какъ отъ Эллиновъ изъ торжища Борисѳена и прочихъ торжищъ на Понтѣ, можно легко

41. Серебряная пластина изъ Семибратняго кургана, служившая, вѣроятно, нагруднымъ украшеніемъ панцыря и изображающая оленицу, кормящую олененка; внизу — летящая птица.

добыть свѣдѣнія. Кто изъ Скиѳовъ посѣщаетъ ихъ, тотъ пользуется для своихъ дѣловыхъ сношеній семью переводчиками и семью языками».

«Итакъ, до плѣшивыхъ страна извѣстна, а о народахъ, живущихъ выше ихъ, никто не можетъ сказать съ достовѣрностью ничего, такъ какъ они отдѣлены высокими недоступными горами, и никто не переходилъ черезъ нихъ. По разсказамъ этихъ плѣшивыхъ, для меня невѣроятнымъ, на горахъ живутъ люди съ козлиными ногами, а дальше за этими людьми живетъ другой народъ, который спитъ въ теченіе шести мѣсяцевъ. Я совсѣмъ этому не вѣрю. Напротивъ, въ точности извѣстно, что земля къ востоку отъ плѣшивыхъ населена Исседонами, тогда какъ ничего неизвѣстно о земляхъ къ сѣверу отъ плѣшивыхъ и отъ Исседоновъ, развѣ только то, что сами они говорятъ объ этихъ земляхъ». (Герод. VI, 21 — 25).

Въ этихъ главахъ Геродотъ, видимо, описываетъ мѣстности на востокъ отъ Дона, по Волгѣ до Уральскихъ горъ включительно и степи прикаспійскія. Изъ племенъ, близкихъ къ Сарматамъ или даже имъ родственныхъ, упоминаются Ѳиссагеты, вѣтвь обширнаго племени Гетовъ, (имя которыхъ даетъ обобщеніе цѣлаго ряда названій).

Ѳиссаматы въ III вѣкѣ до Р. Х. жили уже близъ Ольвіи. Отъ этихъ племенъ разсказъ отдѣляетъ племена звѣроловові и горцевъ, живущихъ въ первобытномъ состояніи, повидимому, туранскаго происхожденія.

Подъ именемъ «понтика» разумѣются, вѣроятно, вишни, которыя Башкиры, Калмыки, Казаки и Осетины выжимаютъ, смѣшиваютъ съ молокомъ, а изъ выжимокъ дѣлаютъ пастилу; имя же сока «асхи» можно сблизить съ татарскимъ словомъ «атши»-кислота, осетинскимъ «ахсиръ»-молоко съ вишневымъ сокомъ.

Путешествія Грековъ въ земли за Волгою ко временамъ Страбона почти прекратились; кочевья запирали пути и переправы, а главнымъ образомъ, измѣнились и торговые пути въ Азію, во времена Римлянъ шедшіе, черезъ Кавказъ и по берегу Персидскаго залива, въ Индію.

Между Дономъ и Кавказомъ, южнѣе жили во времена Геродота Синды, выше ихъ Меоты — собирательное имя множества племенъ (Дандары, Тореаты, Агры, Обидіакены, Досхи, Аспургіане), занимавшихся земледѣліемъ, по словамъ Страбона, но воинственныхъ, какъ кочевники. Одни изъ племенъ союзили съ Танаидою, другія съ Пантикапеею.

Помпоній Мела придаетъ черты Сарматовъ всѣмъ племенамъ, жившимъ по берегу Азовскаго моря: «у нихъ женщины занимаются тѣмъ-же, чѣмъ и мужчины и не чужды даже войны. Мужчины служатъ въ пѣхотѣ и сражаются стрѣлами; жены выѣзжаютъ въ битву на коняхъ и не сражаются мечами, но поймавъ арканомъ, умерщвляютъ враговъ. Онѣ вступаютъ въ бракъ, но у нихъ правило для выхода замужъ не по возрасту, а для тѣхъ лишь, которыя убили врага, иначе онѣ остаются въ дѣвкахъ». (I, 114).

«Жители Меотиды Гинекократумены («женовластные») владѣютъ царствомъ Амазонокъ, полями годными для пастбищъ а въ остальной части сухими и обнаженными» (I, 116).

Ближайшіе сосѣди Меотовъ, Синды имѣли высокую культуру, много городовъ:

Фанагорія, Кепы, Гавань Синдовъ и Патунтъ. Они были земледѣльцы и рыболовы и, если вѣрить разсказу Николая Дамасскаго (фрагм. 121), клали въ могилу умершаго «столько штукъ рыбы, сколько онъ убилъ враговъ». Изъ находокъ южно-русскихъ и береговъ Аму-Дарьи, а также изъ клада Феттерсфельда въ окрестн. Губенъ обращаютъ на себя вниманіе три рыбы изъ золота, послѣдняя, покрытая изображеніями дельфиновъ.

Но первенствующимъ племенемъ между Дономъ и Кавказомъ были во времена Геродота Савроматы. «О Савроматахъ разсказываютъ слѣдующее: когда въ сраженіи Эллиновъ съ Амазонками (Амазонки у Скиѳовъ называются «Ойорпата», что въ переводѣ на эллинскій языкъ значитъ «мужеубійцы», именно: «ойоръ» значитъ мужъ, а «пата» убивать) на рѣкѣ Ѳермодонтѣ Эллины одержали верхъ, они на трехъ судахъ отплыли оттуда обратно вмѣстѣ со всѣми, захваченными въ плѣнъ Амазонками; однако въ открытомъ морѣ Амазонки напали на мужчинъ и перебили ихъ; судовъ они не знали, не умѣли обращаться ни съ мачтами, ни съ парусами, ни съ веслами, а потому, перебивши мужчинъ, понеслись по волнамъ за вѣтромъ и прибыли къ Кремнамъ на Меотидскомъ озерѣ,— Кремны лежатъ въ землѣ свободныхъ Скиѳовъ. Здѣсь Амазонки сошли съ судовъ и пѣшкомъ дошли до обитаемой мѣстности; завладѣли первымъ попавшимся стадомъ лошадей, сѣли на нихъ верхомъ и занялись грабежемъ Скиѳскихъ владѣній». (Герод. IV, 110). Кончилось дѣло тѣмъ, что «Скиѳы и Амазонки соединили свои лагери и стали жить вмѣстѣ...»

42. Изображеніе Сармата на обломкѣ ритона изъ Кубанской области.

«Савроматы говорятъ языкомъ скиѳскимъ, но съ давняго времени искаженнымъ, такъ какъ Амазонки недостаточно усвоили себѣ скиѳскій языкъ. Относительно брака соблюдается у нихъ слѣдующее правило: ни одна дѣвушка не выходитъ замужъ прежде, чѣмъ не убьетъ врага; нѣкоторыя женщины доживаютъ у нихъ до старости и умираютъ дѣвушками, потому что не въ состояніи были выполнить такого требованія». (Герод. IV, 117).

По Діодору, Савроматы были колоніею, выведенною скиѳскими царями изъ Мидіи на Танаисъ. «Много лѣтъ спустя, усилившись, они опустошили большую часть Скиѳіи и обратили въ пустыню ихъ страну, убивая всѣхъ покоренныхъ» (II, 43). Затѣмъ, воцарились у нихъ женщины.

Разсказы о воинственныхъ сарматскихъ женщинахъ, постоянно смѣшиваемыхъ съ Амазонками, повторялись безчисленное число разъ позднѣйшими писателями, очевидно, безъ всякаго реальнаго основанія, такъ какъ если бы дѣйствительно Сарматами правили женщины, то объ этомъ не преминули бы сказать писатели, лично ихъ видѣвшіе, напр. Овидій и Страбонъ. Разсказывали басни и иного рода, напр. Николай Дамасскій увѣрялъ, что «Савроматы наѣдаются черезъ три дня, во всемъ подчиняются женщинамъ — какъ госпожамъ и т. д.» (фрагм. 122).

Языкъ ихъ, какъ видно и изъ вышеприведенныхъ словъ Геродота, отличался отъ скиѳскаго; правда, въ собственныхъ именахъ разница эта не очень рѣзка, что объясняется, какъ было сказано выше, арійскимъ вліяніемъ среди самихъ Скиѳовъ, отличался онъ и отъ языка (ѳракійскаго?) Гетовъ, какъ видно изъ словъ Овидія «научился я говорить по-гетски и по-сарматски» (ex Ponto III, 2. 40). Образцами языка этого служитъ множество варварскихъ именъ въ греческихъ надписяхъ Танаиды, Босфора и Ольвіи, носящихъ явно арійскій характеръ. Есть два важныхъ указанія на родство Сарматовъ съ народами Азіи: Помпоній Мела говоритъ, что Сарматы «народъ весьма близкій къ Парѳянамъ и по наружности, и по вооруженію, но суровѣе ихъ по нравамъ, какъ и по климату, занимаемой ими страны», (III, 34), а Тацитъ въ своемъ трактатѣ о Германіи (XVII) дѣлаетъ замѣчаніе, что Сарматы и Парѳяне носили широкія одежды.

Имя Сарматовъ (обычная форма во времена Римлянъ) могло произойти отъ персидскихъ словъ сар — царь, начальникъ и мада — женщина, женскаго пола, и тогда соотвѣтствовать греческому переводу — гинекократумены («управляемые женщинами»).

Краткія извѣстія о Сарматахъ позволяютъ прослѣдить движеніе ихъ изъ-за Дона на западъ: при Геродотѣ они жили за Дономъ, при Гиппократѣ уже «вокругъ Меотиды въ Европѣ»; т. е. по сю сторону Танаиса.

Овидій говоритъ уже о Сарматахъ на Дунаѣ, Діонъ Хрисостомъ о Сарматской крѣпости Алекторѣ на рѣкѣ Бугѣ, надписи Ольвіи римскаго періода упоминаютъ о царяхъ Сарматовъ.

Въ описаніяхъ быта Сарматовъ древніе писатели повторяютъ обыкновенно разсказы о бытѣ Скиѳовъ, прибавляя нѣсколько сказокъ и весьма мало новыхъ наблюденій.

Такъ, писатели утверждаютъ, что Сарматы вели кочевой образъ жизни: Страбонъ, что «большая часть (племенъ Южной Россіи) — кочевники, немногіе же занимаются и земледѣліемъ» (VII, 3. 17). Мела утверждаетъ, что они «не живутъ въ городахъ и на одних ъ мѣстахъ... (но) обитаютъ въ ставкахъ, возя съ собою вещи и богатства» (III, 34). Лишь случайныя указанія другихъ, а иногда тѣхъ-же авторовъ показываютъ, что у сарматскихъ племенъ существовали и мѣста постояннаго жилья: разсказы Страбона и надпись Діофанта упоминаютъ скиѳскіе города Каркинитъ, Хабонъ, Неаполь. На мѣстѣ Неаполя (близь Симферополя) найденъ былъ обломокъ надписи царя Скилура на греческомъ языкѣ. Но кромѣ этихъ городовъ тѣ-же кочевники сооружали на мѣстахъ, имѣвшихъ стратегическое значеніе, городки, какъ напр. Алекторъ, «принадлежащій, какъ говорятъ, супругѣ царя Савроматовъ», изъ котораго варвары тревожили Ольвію постоян-

ными набѣгами (Діонъ Хрисостомъ, 36 рѣчь). Сохранилось краткое описаніе такого варварскаго укрѣпленія; описывая войну Римлянъ съ Митридатомъ Боспорскимъ, Тацитъ говоритъ, что въ землѣ Сираковъ въ трехъ дняхъ пути отъ Танаиса былъ городъ Успе, «лежащій на возвышенномъ мѣстѣ и снабженный стѣнами и рвами, но стѣны построены не изъ камня, а изъ плетня и прутьевъ съ насыпанною въ срединѣ землею». (Ann. XII, 16). Таково единственное упоминаніе древнѣйшаго «городища» въ Южной Россіи.

Довольно значительное число городовъ внутри Сарматіи перечисляетъ Птолемей. (II в. по Р. X.).

Повозки, въ которыхъ кочевали сарматскія племена знаетъ Овидій: «сарматскіе волы влекутъ варварскія повозки» (Trist. III, 10. 33), «погонщикъ воловъ Савроматъ везетъ скрипучую повозку» (Trist. III, 12. 30); сохранилось изображеніе на Ольвійской монетѣ Скилура, представляющее 4-хъ-колесную телѣгу, запряженную парою лошадей (см. рис. 28). Иной видъ жилища переносная юрта, изображенная въ пантикапейской катакомбѣ, Антестерія, которую можно сравнить съ современными киргизскими юртами (см. рис. 45), хотя у тѣхъ крыша сведена полушаріемъ. (См. рис. 3).

43. Головка варвара изъ жженой глины, найденная въ Ольвіи.

Главное занятіе сарматскихъ племенъ составлялъ уходъ за стадами и конскими табунами. Племена занимались земледѣліемъ иногда сами, иногда сдавая свои земли въ аренду: о послѣднемъ обычаѣ говоритъ Страбонъ: обитатели Таврическаго полуострова «называются земледѣльцами въ отличіе отъ живущихъ выше кочевниковъ, питающихся мясомъ, какъ конскимъ, такъ и инымъ, конскимъ сыромъ, молокомъ и кумысомъ. Кочевники преданы скорѣе войнѣ, чѣмъ разбою, а воюютъ они изъ-за платы. Отдавая свою землю для обработки желающимъ, они довольствуются взиманіемъ опредѣленной умѣренной платы, не ради корысти, но для насущныхъ, необходимыхъ потребностей жизни. Если же имъ не платятъ, то они идутъ войной». (VII, 4. 6).

Клавдій (XIV, 18) называетъ Сарматовъ бѣлокурыми, но это замѣчаніе его могло касаться только одного племени изъ народцевъ, носившихъ общее имя Сарматовъ. Что Сарматы красили волоса, подобно Персамъ, подтверждается терракотовой головкой варвара, найденной въ Ольвіи, волоса и борода котораго окрашены въ рыжеватый цвѣтъ (см. рис. 43).

Овидій между признаками этой національности указываетъ, что у Сарматовъ «ни волоса, ни бороды не бываютъ подстрижены» (Trist. V, 7. 17—18).

По словамъ Плинія, «красятъ себѣ лица женщины разныхъ варварскихъ племенъ, мужчины же расписываютъ свои тѣла только у Даковъ и Сарматовъ (XXII, 2).

Во многихъ могилахъ Новороссіи, Крыма, особенно Тамани, береговъ Кубани обыкновенно находятъ куски краски, преимущественно красной, фіолетовой и др., что вполнѣ подтверждаетъ свидѣтельство Плинія; полное отсутствіе вещей въ этихъ могилахъ, кромѣ стрѣлъ, указываетъ на кочевниковъ и курганы эти принято называть «скиѳскими».

О сарматской одеждѣ упоминаетъ Овидій: «Отъ злаго мороза защищаются они шубами и шароварами». (Trist. II. 10. 19; V, 7. 49).

Діонъ Хрисостомъ, описывая жителей Ольвіи I вѣка по Р. Х., говоритъ, что они носили варварскую одежду, шаровары и прочее скиѳское убранство по большей части чернаго цвѣта, по примѣру одного скиѳскаго племени, которое получило отъ этого у Эллиновъ имя Меланхленовъ, а на плечи набрасывали небольшіе, тонкіе, черные плащи. Кафтаны, кожаные штаны, матерчатые шаровары и короткій плащъ составляютъ обычную одежду Скиѳовъ и Сарматовъ на памятникахъ искусства, представляющихъ реально эти народности. Иное дѣло рядъ условныхъ изображеній варвара въ греко-римскомъ искусствѣ, скомпанованныхъ по условному шаблону изображеній Перса, или Фригійца. Династическія и иныя связи босфорскаго царства съ Малой Азіею и Персіею способствовали утвержденію этого шаблона даже въ городахъ Южной Россіи, гдѣ могли хорошо знать скиѳскіе и сарматскіе обычаи.

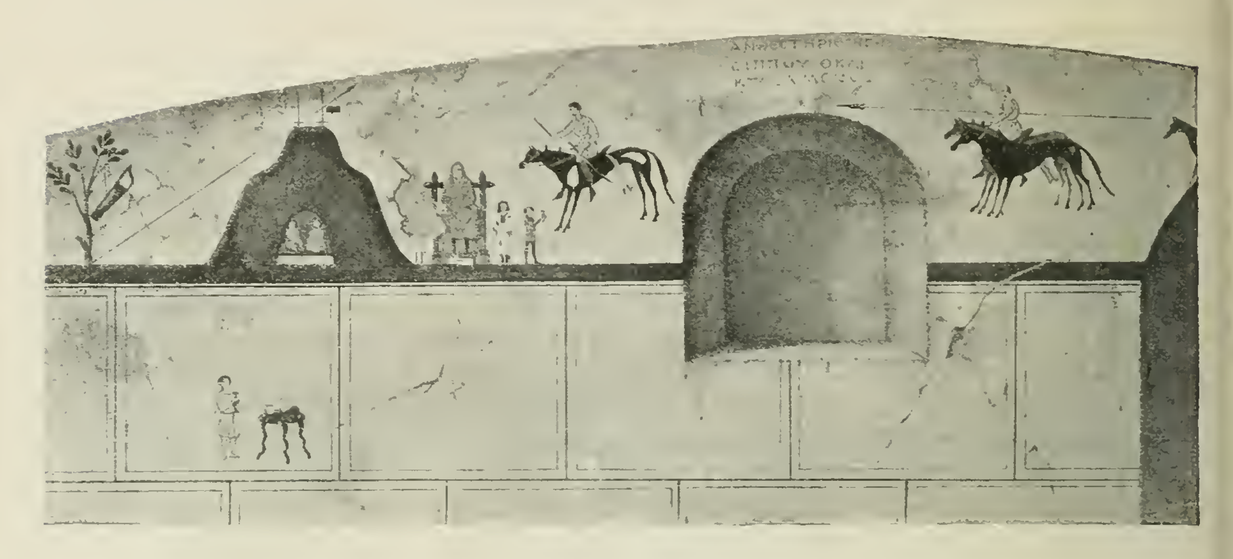

44. Золотая бляшка, изображающая Скиѳа съ чашею и коритомъ изъ Куль-Оба.

Важнѣйшимъ обстоятельствомъ, открываемымъ памятниками, является полное тождество изображеній Скиѳовъ и Сарматовъ. Если древности Чертомлыцкаго и Куль-Обскаго кургановъ не могутъ быть отнесены ко времени ранѣе начала III столѣтія, и тѣмъ не менѣе, должны быть сочтены памятниками скиѳскими, то ихъ тождество съ изображеніями босфорскихъ и прикубанскихъ Сарматовъ должно свидѣтельствовать въ пользу племеннаго тождества тѣхъ и другихъ.

Въ 1888 году открыты близь Крымской станицы въ курганѣ множество древностей среди склепа, украшеннаго фресками: два большихъ ритона изъ серебра съ разными изображеніями львовъ и растеній; серебряныя золоченыя пластины изящнаго, но позднегреческаго (III — II в. до Р. Х.) стиля, бляшки съ оттисками разныхъ пошибовъ, и чисто греческихъ, и варварскихъ грубыхъ шаблоновъ, ожерелье, гривна съ фигурнымъ изображеніемъ льва, терзающаго кабана, и длинная остроконечная золотая пластина отъ башлыка. На ней внизу представлена сарматская царица, въ такомъ именно башлыкѣ, пирующая среди своихъ людей. Варвары одѣты здѣсь, какъ на Чертомлыцкой вазѣ (см. ниже) Скиѳы, они подаютъ царицѣ ритонъ и чашу. Выше представленъ тріумфъ въ видѣ колесницы и Доброе Счастіе (Тихе). Подобная фигура, а равно и самая сцена сходны съ изображеніями на фрескахъ катакомбы Антестерія въ Керчи (см. рис. 45), изображающихъ бытъ Сарматовъ въ степи во II вѣкѣ по Р. Х., и группою на росписи катакомбы,

открытой въ Керчи въ 184. году Ашикомъ (см. вып. I, стр. 29). Интересная находка, мѣсто которой, къ сожалѣнію, точно неизвѣстно, представляется поломаннымъ серебрянымъ ритономъ, пріобрѣтеннымъ въ 1889 году въ Керчи для Императорскаго Эрмитажа; на обломкахъ этого ритона, оканчивавшагося передъ нею частью лошади, изображена битва варваровъ, сарматскихъ обитателей прикубанья съ Греками или другими варварами: нѣкоторые изъ нихъ, подобно малоазійскимъ Галатамъ, вышли въ битву нагими съ распущенными длинными волосами.

45. Разрѣзъ катакомбы Антестерія въ Керчи, съ фресковой живописью.

Простѣйшей одеждой варваровъ была кажется рубаха и штаны. Въ такомъ костюмѣ только съ большимъ колпакомъ (не то фригійскимъ колпакомъ, не то башлыкомъ) на головѣ изображенъ варваръ въ керченской терракотовой статуэткѣ (см. рис. 46).

Въ такихъ подпоясанныхъ рубахахъ являются и нѣкоторые изъ варваровъ на вазѣ Ксенофанта (см. вып. I, стр. 77); хотя многія детали ея рисунка условны, какъ напр. нарисованные на вазѣ Фригійцы, но главныя лѣпныя фигуры носятъ характеръ реальности. Изображеніе пляшущаго молодаго варвара, вылѣпленнаго на лицевой сторонѣ туалетнаго сосуда изъ Павловскаго кургана близъ Керчи, ограничиваетъ варварскую одежду передникомъ (см. рис. 40). Охотящійся туземецъ съ рогатиной на серебряной и забранной нѣкогда цвѣтнымъ стекломъ вазѣ, найденной въ Закавказьѣ одѣтъ въ мѣховую безрукавку — древнюю милоть, сшитую изъ двухъ шкуръ овечьихъ мѣхомъ внутрь, какъ и доселѣ носятъ Сванеты.

Чаще у Скиѳовъ и Сарматовъ верхнею одеждою служитъ мѣховой кафтанъ, полы котораго заходятъ одна за другую, съ косымъ воротомъ, перетянутый ременнымъ поясомъ.

Пріобрѣтенные въ 1889 году (графомъ А. А. Бобринскимъ для Императорскаго Эрмитажа) въ Керчи обломки серебрянаго ритона, видимо, происходятъ

изъ неизвѣстной курганной находки на Кавказѣ, въ Кубанской области, вмѣстѣ съ оловяннымъ ковшичкомъ, серебряной чашкою и такою-же ручкою отъ ковша съ головкою ягнятника. Всѣ вещи принадлежатъ хорошей римской эпохѣ и представляютъ близкое сходство по работѣ съ ритономъ кавказскаго происхожденія, въ видѣ головы бычка (вып. I, рис. 116). По верху ритона идущій фризъ представляетъ барельефы двухъ всадниковъ, и двухъ пѣшихъ бойцовъ; ниже изображены пѣшіе воины. Конецъ ритона имѣлъ форму передней части крылатаго коня, въ груди котораго отверстіе служило для питья; голова коня, съ прижатыми ушами, раздутыми ноздрями и короткою нижнею челюстью, одного стиля съ пегасомъ Чертомлыцкой вазы. Бойцы, кромѣ одного, представленнаго нагимъ и безбородымъ, даютъ полный сарматскій типъ: короткій, застегнутый фибулою на груди и развѣвающійся за плечами, плащъ; скиѳскій мѣховой кафтанъ, у одного пѣшаго воина въ видѣ куртки, испещренный стежкою, какъ на Чертомлыцкой вазѣ, но инаго рисунка; эта стежка украшаетъ здѣсь, кромѣ груди, плеча, руку выше локтя (подражая локтевымъ браслетамъ) и концы рукавовъ, также лампасы на кожаныхъ штанахъ. Голова варваровъ не покрыта и имѣетъ густые длинные волосы, со всѣми особенностями скиѳо-сарматской физіономіи, какъ мы видимъ ее во всѣхъ скиѳскихъ типахъ южно-русскихъ памятниковъ. По мѣсту находки и по времени изготовленія, этотъ серебряный ритонъ долженъ представлять Сарматовъ, обитавшихъ на сѣверномъ предгорьи Кавказа.

46. Статуэтка римской эпохи, найденная на горѣ Митридата въ Керчи.

Короткій казакинъ Сармата на упомянутомъ серебряномъ ритонѣ (рис. 42), показываетъ способъ размѣщенія металлическихъ бляшекъ, нашивавшихся на одежду. На многихъ изображеніяхъ варваровъ видимъ накинутые на плечи короткіе плащи, застегивавшіеся пряжкой или на груди, или на правомъ плечѣ. Штаны (бракки) были или широкіе, вродѣ шароваръ, или узкіе и кожаные,— что зависѣло отъ преобладанія модъ Востока, шедшихъ съ сѣвера или изъ Персіи. Узкіе кожаные штаны украшались нашивными золотыми бляшками.

Различіе въ формахъ башлыковъ зависѣло отъ матеріала: башлыки войлочные

изъ верблюжей шерсти, стоявшіе торчмя, какъ и мѣховые, были туземнымъ народнымъ уборомъ; кирбасіи или тіары были матерчатыми тюрбанами и завязывались сзади головы лентою съ драгоцѣнными камнями, какъ башлыкъ на золотомъ перстнѣ царя, работы Аѳинада (см. рис. 36).

Остроконечный колпакъ виденъ на терракоттѣ, изображающей педагога-варвара (см. рис. 47).

47. Статуэтка варвара-педагога изъ женской гробницы кургана «Большой Близницы».

Страбонъ описываетъ вооруженіе 50.000 Роксолановъ: «они имѣютъ шлемы изъ бычачьей кожи и панцыри; они носятъ плетеные щиты, ихъ оружіемъ служатъ копья, лукъ и мечъ. Таковы же и большинство остальныхъ племенъ».

Овидій замѣчаетъ: «Среди Гетовъ и Сарматовъ нѣтъ никого, кто не носилъ бы корита и лука и стрѣлъ, наводящихъ ужасъ змѣиною желчью...» Правая рука ихъ сильно наноситъ рану выхваченнымъ ножемъ, который всякій варваръ носитъ привязаннымъ на боку». (Trist. V, 7. 15—16, 19—20).

По словамъ Помпонія Мелы, Сарматы — «мужчины вступаютъ въ бой пѣшими и бьются стрѣлами; жены ихъ набрасываютъ на враговъ петли и умерщвляютъ, волоча (за собой)» (I, 114).

Касается военныхъ сарматскихъ обычаевъ и Тацитъ (Annal. VI, 35), говоря о вспомогательныхъ сарматскихъ войскахъ, призванныхъ на помощь въ Арменію Фарасманомъ, «князьки которыхъ, получивъ подарки отъ обѣихъ сторонъ, по обычаю своего народа, шли помогать и той и другой сторонѣ» и описываетъ участіе Сарматовъ въ битвѣ такимъ образомъ: «у Сарматовъ раздавался не одинъ голосъ вождя: у нихъ всѣ подстрекаютъ другъ дружку не допускать метанія стрѣлъ, говоря, что слѣдуетъ предупредить битву быстрымъ ударомъ и рукопашной схваткой... Сарматы, оставивъ лукъ, которымъ они хорошо дѣйствуютъ на короткомъ разстояніи, бросились впередъ съ длинными пиками и мечами...»

Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же авторъ описываетъ битву съ придунайскими Сарматами (Historiae, I, 79): «удивительно, какъ храбрость Сарматовъ находится какъ-бы внѣ ихъ самихъ. Никто не боится такъ пѣшей битвы, (какъ они), но когда они дѣлаютъ нападеніе эскадронами, едва-ли можетъ устоять какой-либо строй. Но въ тотъ день вслѣдствіе сырости и оттепели нельзя было (имъ) пользоваться ни копьями, ни мечами, которые у нихъ весьма длинны и которыми дѣйствуютъ они обѣими руками, вслѣдствіи того, что лошади скользили отъ тяжести панцырей. Панцыри у всѣхъ вождей и знатныхъ, усѣянныя пластинками желѣза или самой твердой кожей, сколь непроницаемы для ударовъ, столь-же неудобны для вставанья сбитыхъ (съ коней). Римскіе воины поражали безоружныхъ (такъ какъ у нихъ не въ обычаѣ защищаться щитомъ) Сарматовъ издали...»

Павзаній, описывая аѳинскій храмъ Асклепія, говоритъ: «тамъ много приношеній и въ числѣ ихъ сарматскій панцырь. Взглянувъ на него, всякій скажетъ, что варвары въ ремеслахъ искусны не менѣе Грековъ. Вѣдь у Савроматовъ ни въ землѣ ихъ желѣза не выкапывается, ни ввозится къ нимъ, такъ какъ они необщительны болѣе, чѣмъ всѣ варвары тѣхъ странъ. Вслѣдствіи этого недостатка, они выдумали насаживать на концы копій костяные наконечники вмѣсто желѣзныхъ. У нихъ луки и стрѣлы роговые и костяные наконечники на стрѣлахъ. Они накидываютъ на враговъ арканы и, повернувъ коней, сдергиваютъ попавшихся въ петлю. Панцыри же дѣлаютъ они такимъ образомъ: всякій держитъ (у нихъ) по многу лошадей, ибо земля у нихъ не раздѣлена на участки, и не занята ничѣмъ, кромѣ дикаго лѣса, такъ какъ они — кочевники; лошадями этими они пользуются не только для войны, но и приносятъ въ жертву туземнымъ богамъ и питаются ими. Собравъ (конскія) копыта, они чистятъ ихъ и разрѣзаютъ на подобіе змѣиной чешуи... или чешуекъ сосновой шишки... Провертѣвъ эти копыта и сшивъ ихъ конскими или бычачьими жилами, они получаютъ панцыри, неуступающіе греческимъ ни красотой, ни прочностью, такъ они (хорошо) выносятъ удары и издали, и вблизи» (Pausan. I, XXI, 5 — 6). Чешуйчатый костяной панцырь найденъ въ скиѳскомъ курганѣ въ Роменскомъ уѣздѣ.

48. Рѣзной камень съ изображеніемъ варвара.

Арріанъ въ своей «Тактикѣ» мимоходомъ упоминаетъ о военныхъ пріемахъ Сарматовъ: «Копьеносцы приблизились къ вражескимъ рядамъ и отбивались копьями или прогоняли врага при нападеніи пиками, какъ Аланы и Сарматы» (IV, 3) — «Римскіе всадники съ копьями сдѣлали нападеніе по-алански или по-сарматски» (IV, 7). Амміанъ Марцеллинъ, говоря о набѣгѣ въ 358 г. по Р. Х. Квадовъ и Сарматовъ, «сосѣдей согласныхъ и по образу жизни и по вооруженію», описываетъ ихъ вооруженіе такими словами: «у нихъ, опытныхъ болѣе въ разбойническихъ набѣгахъ, чѣмъ въ открытомъ бою, копья (пики) весьма длинны и панцыри изъ выскобленныхъ и выглаженныхъ пластинокъ рога, нашитыхъ на подобіе перьевъ на льняную одежду» (XVII, 12. 2). У одного изъ сарматскихъ племенъ, воевавшихъ съ Римлянами въ 359 году, по словамъ того-же автора, боевымъ крикомъ было восклицаніе: «мара! мара!» — что означало, вѣроятно, смерть,

но въ эту эпоху имя Сарматіи стало такимъ-же географическимъ терминомъ для Римлянъ, какъ имя Скиѳовъ для Грековъ.

Памятники военнаго быта Скиѳовъ и Сарматовъ весьма многочисленны, отъ безчисленнаго множества костяныхъ и бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ и кончая цѣлыми картинами (въ катакомбахъ) схватокъ между отрядами Босфорцевъ и толпами варваровъ.

49. Фреска катакомбы, открытой въ Керчи въ 1872 году.

Лукъ Скиѳовъ и Сарматовъ обращалъ на себя уже вниманіе древнихъ: его сравнивали съ буквою сигмою и даже очертаніемъ береговъ Чернаго моря. Подробнѣе описываетъ сарматскій лукъ Амміанъ Марцеллинъ: «Въ то время, какъ луки всѣхъ народовъ сгибаются изъ гнущихся древковъ, луки скиѳскіе или парѳянскіе, выгнутые съ обѣихъ сторонъ широкими и глубокими внутрь рогами, имѣютъ видъ луны во время ущерба, а средину ихъ раздѣляетъ прямой и круглый брусокъ». (XXII, 8. 37).

Копья были двухъ родовъ — метательныя въ сажень длины и длинныя пики. Изображенія дротиковъ видны у Куль-Обскаго охотника на зайца (рис. 20), у «отроковъ» катакомбы 1872 г., которые держатъ каждый по два копья (см. рис. 49), а пики — на фрескахъ, какъ этой, такъ и другихъ катакомбъ (см. рис. 50 и 51).

Мечи, находимые въ могилахъ — желѣзные, рукоятки мечей — грубой, варварской работы, тогда какъ ножны ихъ украшены иногда изящнѣйшими пластинками греческой работы: вѣроятно, клинки, а съ ними и рукояти привозились съ Востока. Мечи носились обыкновенно съ правой стороны, какъ носили ихъ и Персы (Герод. VII, 66). Кинжалы, желѣзные и бронзовые, находимы были и въ могилахъ. Тамъ-же весьма часто находятъ и желѣзные ножи съ кривымъ лезвіемъ и костяной ручкой, служившіе скорѣе для обихода, чѣмъ какъ оружіе.

Ни въ изображеніяхъ Сарматовъ, ни въ описаніяхъ не встрѣчается обоюдоострой сѣкиры, объ употребленіи которой Скиѳами свидѣтельствуютъ и древніе писатели, напр. Геродотъ (IV, 5 и 70), и изображенія ихъ на персидскихъ памятникахъ въ рукахъ Саковъ (см. рис. 9). Въ гробницахъ эти сѣкиры доселѣ не встрѣчены.

50. Фреска катакомбы, открытой въ Керчи въ 1872 году.

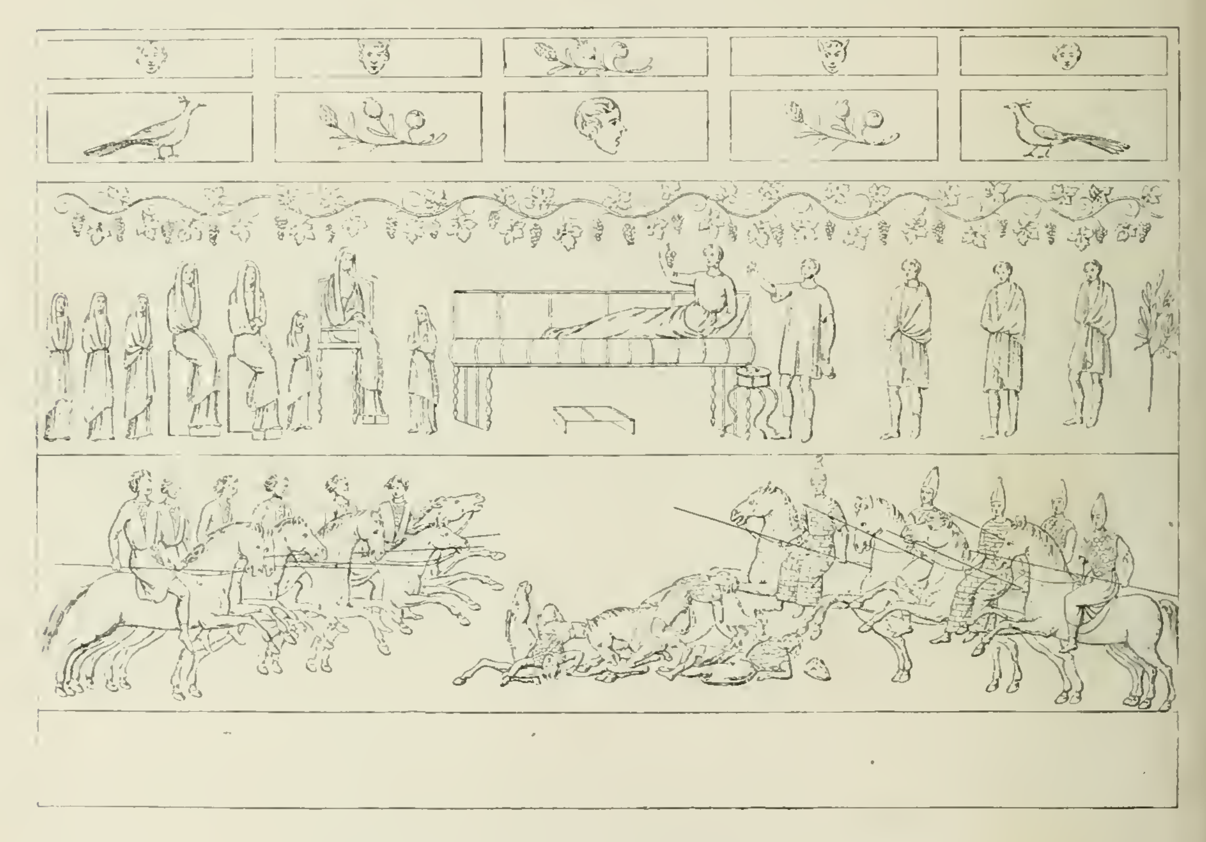
Оборонительнымъ вооруженіемъ Сарматовъ служили панцыри. Находки показываютъ, что чешуя панцыря бывала бронзовая и желѣзная, иногда обложенная листовымъ золотомъ, и нашивалась на холстъ или кожу. Сарматы заимствовали свой панцырь отъ народовъ живущихъ, за Кавказомъ. На изображеніяхъ Скиѳовъ въ Куль-Обѣ и Чертомлыкѣ панцырей не видно, хотя въ послѣднемъ курганѣ найдены были его чешуйки. Въ памятниках ъ позднѣйшихъ панцырь является обычнымъ вооруженіемъ. Панцырь съ рукавами изображенъ на побѣдоносномъ всадникѣ съ пикой во фрескахъ катакомбы, найденной въ Керчи въ 1873 году (см. рис. 35, I выпуска). По картинамъ въ катакомбѣ 1841 года видно, что такіе панцыри Босфорцы носили подъ рубахой, а варвары поверхъ ея или вмѣсто того цѣлые халаты съ короткими рукавами, ушитые большими четыреугольными пластинами; всадники, одѣтые въ такіе панцыри, не могли даже сидѣть верхомъ по-мужски и поэтому сидѣли на конѣ бокомъ (см. рис. 51).

Памятники доказываютъ существованіе щитовъ: въ Куль-Обской могилѣ золотая бляха, украшенная разными страшилищами (см. рис. 119 I выпуска гдѣ она названа, въ 1-мъ изданіи, поддономъ), служила украшеніемъ центральной части щита.

*

Круглые щиты на монетахъ позднихъ босфорскихъ царей представляютъ или заимствованіе римскихъ императорскихъ эмблемъ, или изображеніе инсигній — отличій, дарованныхъ босфорскимъ царямъ римскими императорами. Реальныя изображенія щитовъ встрѣчаются на надгробныхъ плитахъ, на терракоттахъ, на фрескахъ катакомбы 1872 года. Для защиты головы служили, судя по изображеніямъ, или металлическіе шишаки на подобіе круглой шапки, какъ на фрескѣ катакомбы 1873 г. (рис. 35, I вып.), или стеганныя шапки съ нашитыми металлическими пластинками (см. рис. 49 и 50 изъ катакомбы 1872 года).

Изображенія воинскихъ подвиговъ и битвъ Геродотовскихъ Скиѳовъ неизвѣстны. Военная жизнь Сарматовъ, служившихъ постоянно въ качествѣ конныхъ

51. Фреска катакомбы, открытой въ Керчи въ 1841 году.

наемниковъ, иллюстрируется множествомъ памятниковъ. Такъ, на серебряномъ ритонѣ, происходящемъ съ Кавказа, изображена цѣлая битва: видны здѣсь и пѣхотинцы, видны и всадники, бьются и нагіе варвары съ распущенными волосами; въ рукахъ Сармата представленъ и круглый римскій щитъ; варвары поражаютъ другъ друга и мечами, и короткими копьями въ родѣ рогатинъ. Другая замѣчательная сцена битвы Грековъ съ варварами украшаетъ пластину съ ноженъ одного изъ чертомлыцкихъ мечей (см. ниже). Есть изображенія отдѣльныхъ боевыхъ сценъ: на

монетахъ варваръ укрывается, опустившись на одно колѣно отъ непріятельскихъ стрѣлъ; всадникъ, схвативъ пику обѣими руками, пустилъ вскачь своего коня на непріятелей; стрѣлокъ, ставъ на одно колѣно, пускаетъ во враговъ свои мѣткія стрѣлы, у крѣпостной стѣны стоитъ на колѣняхъ связанный плѣнникъ, царь Рискупорисъ возвращается домой съ рогомъ въ рукахъ для благодарственнаго возліянія богамъ, вѣнчаемый богиней Побѣды, «сведя на толпы супостатовъ трофееносную Побѣду», какъ выразился одинъ Ольвійскій стихослагатель (см. рис. 52, I выпуска). Еще сложнѣе и важнѣе цѣлый рядъ изображеній боевыхъ сценъ, написанныхъ на стѣнахъ катакомбъ, гдѣ покоились, быть можетъ, павшіе въ этихъ схваткахъ; фрески представляютъ крупный историческій и археологическій интересъ. Вотъ отправляется воинъ на битву; его провожаетъ семья — жена, дѣти и рабы, подносятъ ему прощальный кубокъ вина; воинъ бьется съ варварами въ кавалерійской схваткѣ, мчатся другъ на друга противники, направивъ на врага длинные пики; иные пускаютъ на всемъ скаку стрѣлы, посрединѣ валяется уже груда убитыхъ и раненыхъ воиновъ и коней; ловкими ударами пикъ ломаютъ копья противниковъ, на плечахъ всадниковъ развѣваются отъ быстрой скачки цвѣтные плащи; во-второмъ ряду Босфорцевъ стоитъ и пѣхота съ оваль-

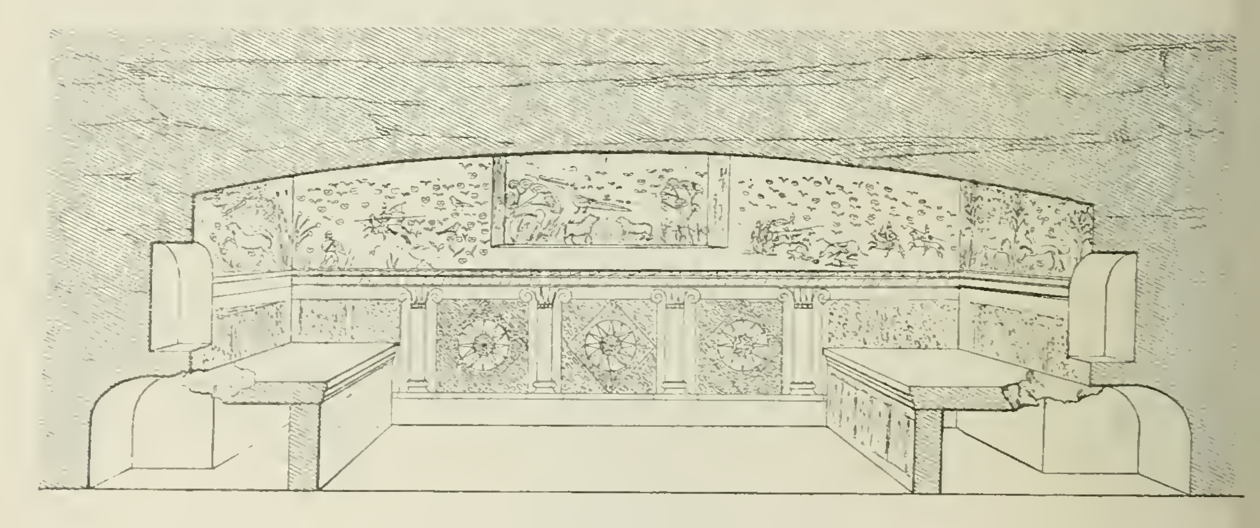

52. Фреска катакомбы, открытой въ Керчи, въ 1841 году.

ными щитами и четыреугольными, заимствованными у Римлянъ значками; вотъ мѣткій ударъ пики поражаетъ въ грудь воина и, безпомощно взмахнувъ руками и выпустивъ пику, валится онъ назадъ съ раненнаго также коня; тѣло его привозятъ домой, рыдаетъ у его одра жена, несутъ его рабы въ роскошномъ балдахинѣ, увитомъ гирляндами погребальныхъ растеній, въ головахъ стоитъ жена, въ ногахъ — вѣрный рабъ; похоронную процессію составляютъ толпы горожанъ и хоры трубачей; на могилѣ въ честь доблестно павшаго устраиваютъ гладіаторскія игры и иныя состязанія и наконецъ погребаютъ его въ катакомбѣ, стѣны

которой расписаны всѣми этими сценами. Здѣсь вся разсказанная исторія славной смерти погребеннаго, а въ роскошномъ саду, гдѣ будетъ пребывать душа покойнаго, носятся крылатые геніи и Гермесъ-психопомпъ сводитъ въ преисподнюю умершаго.

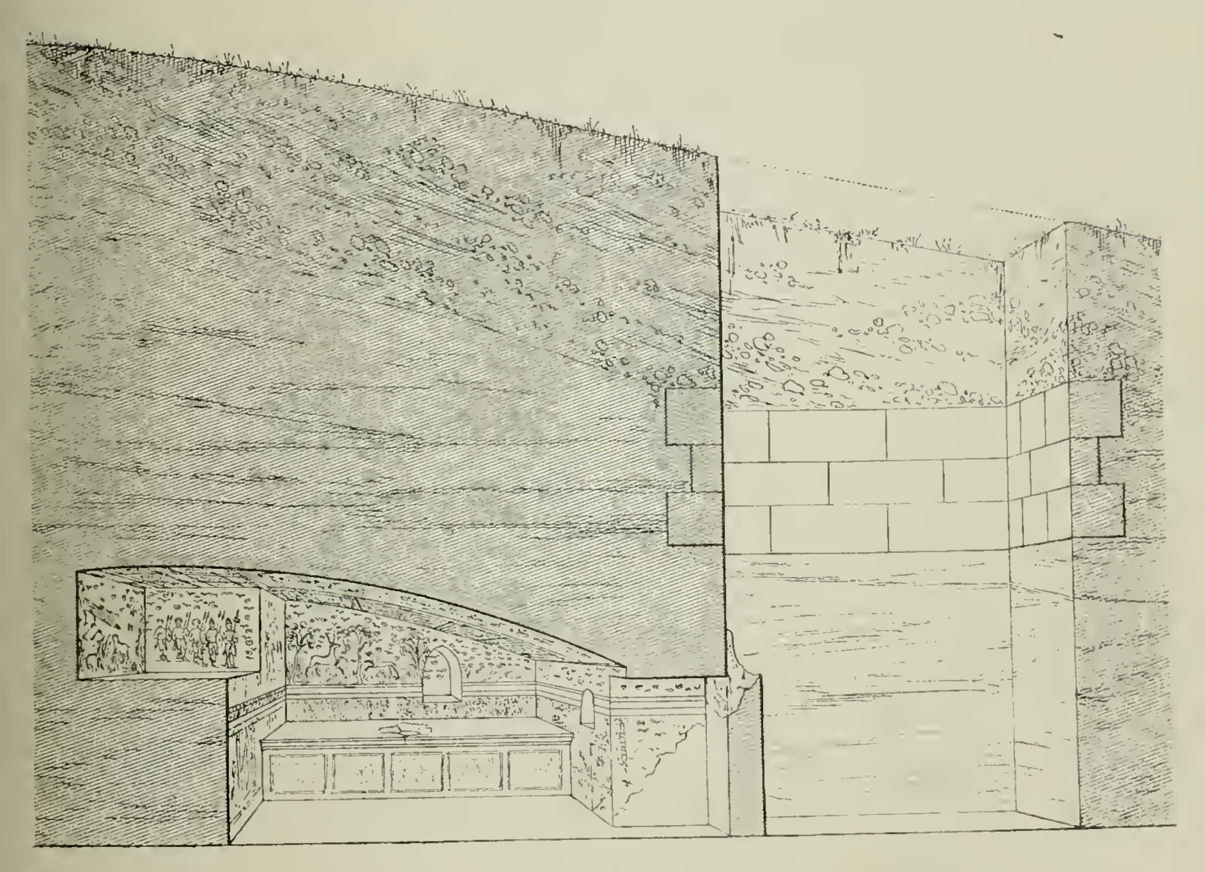
Поліэнъ, писатель II вѣка, разсказываетъ о военныхъ обычаяхъ сарматскихъ племенъ: (VII, 44) «Скиѳы, намѣреваясь сразиться съ Трибаллами, приказали земледѣльцамъ и табунщикамъ, когда узнаютъ, что бой съ непріятелемъ начатъ, явиться вдали, гоня табуны лошадей. Они явились. Трибаллы же, видя вдали огромное множество людей и коней и поднявшуюся пыль и крики, и думая, что къ Скиѳамъ идутъ союзники, въ страхѣ убѣжали». (VII, 46) «Тавры, скиѳское племя, собираясь вступить въ бой, перекапываютъ дорогу сзади себя и дѣлаютъ ее непроходимой, и такимъ образомъ сражаются, чтобы или побѣдить, или умереть, не имѣя отступленія». (VIII, 55) Тиргатая Меотійская вышла за Гекатея, царя Синтовъ, живущихъ нѣсколько выше Босфора. Этого Гекатея, лишеннаго власти, снова посадилъ Сатиръ, царь «Воспора», и далъ ему въ жены свою дочь, приказавъ умертвить первую жену. Онъ же, любя Меотянку, не рѣшался

53. Катакомба, открытая въ Керчи въ 1872 году.

убить ее, но, заперевъ въ крѣпкій сторожевой замокъ, велѣлъ содержать ее тамъ подъ стражей. Тиргатая же, обманувъ стражу, убѣжала. Когда Гекатей и Сатиръ съ большими стараніями искали ее, боясь какъ бы она не подняла на войну Меотовъ, и не могли съискать, она, идя чрезъ пустынныя и гористыя мѣстности и скрываясь днемъ въ лѣсахъ, ночью же продолжая путь, пришла наконецъ къ такъ называемымъ Иксоматамъ, гдѣ было царство ея родныхъ. Не заставъ отца въ живыхъ, она, выйдя замужъ за преемника его во власти, подняла Иксоматовъ на войну. И вела она много воинственныхъ народовъ, что вокругъ Меотиды; прежде всего напала на Гекатееву Синтику, потомъ опустошила царство Сатира, такъ что оба они послали пословъ съ просьбой о мирѣ

и дали заложникомъ Метродора, сына Сатира. Она согласилась на ихъ предложенія, но они, сговорившись, не соблюли клятвы; Сатиръ убѣдилъ двухъ своихъ приближенныхъ, перебѣжавъ къ ней, умертвить ее. Тѣ перебѣжали, и Сатиръ требовалъ ихъ выдачи; но она, соблюдая законы убѣжища, все отказывала. Выбравъ удобное время, перебѣжчики напали на нее: одинъ заговорилъ о важныхъ дѣлахъ, а другой обнажилъ уже мечь, но покушеніе ему не удалось: ударъ пришелся по поясу. Копьеносцы, сбѣжавшись, отвели обоихъ на пытку; и они сознались, что покушеніе подговорено царемъ. Тиргатая снова пошла войной,

54. Разрѣзъ Керченской катакомбы 1872 года.

убивъ заложника и наполнивъ страну ужасами грабежа и убійства, пока самъ Сатиръ не умеръ отъ печали, а Горгиппъ, сынъ его, наслѣдовавшій власть, не склонилъ ее къ прекращенію войны, явившись къ ней просителемъ и давъ ей огромные дары. (VII, 56) «Амага, жена *Мидосакка*, царя Сарматовъ, обитающихъ на берегахъ Понта, видя невоздержность мужа своего въ ѣдѣ и питьѣ, сама творила судъ, сама и разставляла сторожевые отряды, и отражала набѣги враговъ и сражалась въ союзѣ съ сосѣдними племенами. И слава ея была громка у всѣхъ Скиѳовъ, такъ что и Херсонесцы, обитающіе въ Таврикѣ, терпя бѣдствія

отъ царя сосѣднихъ Скиѳовъ, просили ея союза. Она сперва послала царю приказаніе не трогать Херсонесцевъ а когда Скиѳъ презрѣлъ ея волю, то, собравъ сто двадцать человѣкъ крѣпчайшихъ и душей и тѣломъ, давъ каждому по три лошади, проскакала въ одни сутки 1.200 стадій и, внезапно напавъ на царскій дворецъ, перебила всѣхъ привратниковъ. Скиѳы, встревоженные внезапнымъ набѣгомъ, думали, что пришло не столько, сколько они видятъ, а гораздо больше, и Амага, вторгнувшись съ тѣмъ отрядомъ, который былъ съ нею, во дворецъ, убила царя Скиѳовъ и бывшихъ при немъ родныхъ и друзей, а страну отдала Херсонесцамъ. Затѣмъ она вручила царскую власть сыну убитаго, наказавъ ему править справедливо и, памятуя смерть отца, не трогать сосѣднихъ Эллиновъ и варваровъ».

Разсказы Лукіана, влагаются въ уста Скиѳа Токсариса, который, вступивъ въ разговоръ съ Грекомъ о томъ, у кого вѣрнѣе дружба: у Грековъ, или у Скиѳовъ, приводитъ примѣры скиѳской дружбы: «поступаемъ мы — говорилъ Скиѳъ — такимъ образомъ: надрѣзавъ разомъ пальцы, мы накапаемъ кровь въ кубокъ, и погрузивъ концы мечей, пьемъ изъ него вмѣстѣ»... (37), ... «Клянусь тебѣ вѣтромъ и акинакой (мечемъ), что я не обманываю насчетъ скиѳской дружбы (38)». «На четвертый день дружбы Скиѳовъ Дандамида и Амизока, считая съ того дня, какъ они пили вмѣстѣ кровь другъ друга, пришли на нашу землю Савроматы, десять тысячъ всадниковъ, а пѣхотинцевъ, какъ говорили, втрое болѣе; такъ какъ мы нападенія ихъ не ожидали, то они, сдѣлавъ набѣгъ, обратили всѣхъ въ бѣгство, многихъ воиновъ перебили, нѣкоторыхъ увели живыми, кромѣ тѣхъ, которые успѣли переплыть на другую сторону рѣки, гдѣ была у насъ половина лагеря и часть повозокъ; а мы тогда разбили шатры по обѣ стороны Танаиса: не знаю, почему рѣшили такъ наши начальники кочевья. Итакъ, Сарматы живо угнали добычу, поставили въ одно мѣсто плѣнныхъ подъ стражу, разграбили шатры, захватили повозки, и все съ людьми... Амизокъ, уводимый въ плѣнъ... кликнулъ друга и напомнилъ ему кровь и кубокъ. Услышавъ это, Дандамидъ прямо помчался, на глазахъ у всѣхъ, ко врагамъ. Сарматы, поднявъ копья, двинулись на него, чтобы пронзить его, а онъ крикнулъ «зиринъ». Если кто произнесетъ это слово, то Сарматы его не убиваютъ, но принимаютъ, какъ явившагося для выкупа (плѣнныхъ). Когда привели его къ вождю, онъ попросилъ выдачи друга; тотъ потребовалъ выкупа, говоря, что не выпуститъ, не получивъ большаго выкупа. Дандамидъ сказалъ: «Что я имѣлъ, все расхищено вами, а что я, не имѣя ничего, могу дать въ выкупъ, охотно предоставлю вамъ; приказывай, чего бы не пожелалъ. Если же хочешь, то дѣлай со мной тоже, что съ моимъ другомъ». Савроматъ отвѣчалъ: «Мнѣ не надо всего тебя, да еще пришедшаго (со словомъ) «зиринъ». Уводи друга взамѣнъ одного изъ твоихъ членовъ». Дандамидъ спросилъ, что онъ хочетъ взять, а тотъ потребовалъ обоихъ глазъ и, онъ тотчасъ предоставилъ вырѣзать ихъ. Когда ихъ вырѣзали и Савроматы получили (такой) выкупъ, онъ, взявъ Амизока пошелъ назадъ, опираясь на него; и переплывъ вмѣстѣ рѣку, они спаслись къ намъ. Послѣ этого враги восхваляли Скиѳовъ и находили, что они еще не побѣждены, такъ какъ лучшаго нашего сокровища непріятели не унесли — хорошій умъ и вѣрность друзьямъ. И это самое

(событіе) не мало напугало Савроматовъ. Наступившею ночью, сжегши большую часть корма и повозокъ, они убѣжали. Амизокъ впослѣдствіи ослѣпилъ себя самъ. И жили оба въ великомъ почетѣ, содержимые скиѳской общиной». (39—41).

55. Керченская надгробная плита съ изображеніемъ Пантикапейскаго всадника.

Второй примѣръ: «нѣкто Арсакомъ влюбился въ Мазаю, дочь Левканора, царствовавшаго на Босфорѣ, когда ходилъ туда за данью, которую Босфорцы всегда платятъ намъ. А тогда просрочили они взносъ ея уже третій мѣсяцъ ... Онъ устроилъ уже дѣла съ данью, царь отдалъ ему деньги и уже угощалъ его, провожая (домой). А на Босфорѣ есть обычай свататься за обѣдомъ. И было на пиру много жениховъ, цари и царскіе дѣти, и между ними Тиграпатъ, князь Лазовъ, и Адирмахъ, владѣтель Махліены. Каждому жениху приходится объявить съ самаго начала, что пришелъ онъ свататься, затѣмъ спокойно пировать, возлежа вмѣстѣ съ другими; а когда пиръ окончится, то попросивъ фіалу, сдѣлать возліяніе на столъ и свататься къ дѣвушкѣ, выхваляя самого себя, чѣмъ кто можетъ, родомъ, богатствомъ или властью. Арсакомъ попросилъ фіалу, не сдѣлалъ возліянія — вѣдь у насъ не въ обычаѣ проливать вино и это считается высокомѣріемъ относительно Бога — но, выпивъ его залпомъ, сказалъ: «Царь, отдай за меня твою дочь, Мазаю; я достойнѣе ихъ всѣхъ по тому, чѣмъ владѣю». Когда Левканоръ, удивившись,— онъ зналъ бѣдность Арсакома и большинства Скиѳовъ — спросилъ: «Сколько же у тебя, Арсакомъ, скота или кибитокъ, вѣдь это — ваше богатство», тотъ отвѣтилъ: «Нѣтъ у меня ни кибитокъ, ни стадъ, но есть у меня два отличныхъ друга, какихъ нѣтъ ни у кого другаго изъ Скиѳовъ». Тогда онъ подвергся насмѣшкамъ и презрѣнію и сочли его пьянымъ; утромъ же Адирмахъ, получившій предпочтеніе, собирался увезти невѣсту на Меотиду къ Махліямъ. Арсакомъ, вернувшись домой, извѣстилъ друзей, что онъ обесчещенъ царемъ и осмѣянъ на пиру, какъ презрѣнный нищій. «Мнѣ предпочли Махлія, потому что у него десять золотыхъ чашъ и восемьдесятъ повозокъ о четырехъ скамьяхъ. Меня, богатаго вашею дружбою, царь осмѣялъ и презрѣлъ, какъ и васъ — мое богатство» — таковъ былъ смыслъ рѣчей Арсакома (44 — 6). Друзья рѣшили и отомстить царю, и похитить невѣсту: «Лонхатъ отправился на Босфоръ, Макентъ къ Махліямъ, оба на коняхъ, а Арсакомъ, оставаясь дома, собиралъ сверстниковъ и вооружалъ изъ своихъ домашнихъ отрядъ. Наконецъ онъ сѣлъ на шкуру. Обычай есть у насъ такой: когда кто обиженный желаетъ отомстить и видитъ, что ему одному не подъ силу, то, принеся въ жертву быка, рубитъ мясо на куски, варитъ; разостлавъ шкуру, садится на нее, заложивъ обѣ руки за спину, какъ если бы онѣ были у него скручены: такъ молятъ наши о помощи. Когда куски мяса разложены, домашніе и всякій, кто пожелаетъ, взявъ кусокъ, наступаетъ правой ногой на шкуру и обѣщаетъ силу, которую онъ доставитъ безвозмездно и на своихъ харчахъ — кто пятерыхъ всадниковъ, кто девять, кто и больше; одинъ гоплитовъ или пѣхотинцевъ, сколько въ состояніи, другой, самый бѣдный, самого себя. Иногда такъ собирается большое войско и такая рать прочнѣе держится и непреодолима для врага, такъ какъ она связана клятвой, ибо вступить на шкуру значитъ поклясться. Арсакомъ употребилъ этотъ способъ, и собралось у него около пятидесяти тысячъ всадниковъ и пѣхотинцевъ. Лонхатъ тогда явился на Босфоръ къ Левканору и сказалъ что онъ пришелъ отъ союза Скиѳовъ, частнымъ образомъ сообщить ему важныя дѣла. Тотъ приказалъ ему говорить. «Скиѳы, сказалъ Лонхатъ, требуютъ чтобы ваши пастухи не переходили на равнину, но пасли бы до каменистой мѣстности; что же касается разбоевъ, на

которые вы жалуетесь, Скиѳы говорятъ, что они дѣлаютъ нападенія не по рѣшенію союза, но грабятъ каждый частнымъ образомъ для наживы и потому кто изъ нихъ попадется, ты воленъ его наказывать». Отъ себя же Лонхатъ сообщилъ о готовящемся нападеніи Арсакома и обѣщалъ Левканору голову его, если царь согласится выдать за него вторую свою дочь. Царь уговорился съ нимъ и хотѣлъ поклясться, воздѣвши руки къ небу. «Не здѣсь, сказалъ Лонхатъ, чтобы кто нибудь не подглядѣлъ, въ чемъ мы клянемся; войдемъ въ этотъ храмъ Арея и поклянемся тамъ, затворивъ двери чтобы никто не слышалъ; если Арсакомъ узнаетъ объ этомъ, то я боюсь, какъ бы онъ, собравъ такое войско, не убилъ меня». «Войдемъ, сказалъ царь, а вы остановитесь подальше и никто не входите въ храмъ, пока я не позову». Когда они вошли, а копьеносцы остались наружи, Лонхатъ, выхватилъ мечъ (акинаку) и схвативъ другою рукой царя за горло, чтобы онъ не кричалъ, ударилъ его въ грудь и, отрубивъ ему голову, вышелъ, держа ее подъ плащемъ, самъ какъ будто переговариваясь съ царемъ и говоря, что онъ скоро вернется, какъ посланный. А дойдя до мѣста, гдѣ у него привязана была лошадь, ускакалъ въ Скиѳію. За нимъ не было погони, такъ какъ Босфорцы долгое время не знали происшедшаго, а когда узнали, у нихъ начались раздоры о царскомъ престолѣ». (46 — 51).

56. Серебряная монета изъ числа древнѣйшихъ, чеканеныхъ персидскими царями династіи Арсакидовъ. На обѣихъ сторонахъ представленъ основатель династіи, Арсакъ со скиѳской кирбасіею на головѣ: на об. ст. — Арсакъ представленъ въ позѣ Аполлона на монетахъ Селевкидовъ, но въ скиѳо-сарматскомъ одѣяніи.

«Макентъ, услыхавъ еще на дорогѣ о происшедшемъ на Босфорѣ, пришелъ къ Махліямъ и первый извѣстилъ ихъ объ убійствѣ царя: «Городъ зоветъ тебя, Адирмахъ, какъ зятя, на царство. Поѣзжай сейчасъ и захвати власть, пользуясь смутами, и невѣста пусть сзади ѣдетъ: ты вѣрнѣе привлечешь къ себѣ Босфорцевъ, когда они увидятъ дочь Левканора. Я вѣдь Аланъ и родственникъ по матери этой дѣвицѣ; Левканоръ взялъ Мастиру изъ нашего племени, и ея братья, живущіе въ Аланіи, приказали мнѣ скорѣе ѣхать на Босфоръ и не допускать, чтобы власть перешла къ Евбіоту, незаконному брату Левканора, расположенному къ Скиѳамъ и враждебному Аланамъ». Такъ говорилъ Макентъ, имѣвшій и одежду и языкъ, общія съ аланскими; Аланы только волосы носятъ не совсѣмъ такъ, какъ Скиѳы. Но Макентъ остригъ себѣ волосы настолько, насколько коротко стригутъ ихъ обыкновенно Аланы. Ему повѣрили, что онъ родственникъ Мастиры и Мазаи. «Я готовъ, сказалъ онъ, ѣхать съ тобой, Адирмахъ, на Босфоръ, если хочешь, но не лучше ли мнѣ остаться и привезти твою невѣсту». «Я предпочитаю, отвѣчалъ Адирмахъ, чтобы ты везъ Мазаю, какъ ея родственникъ: вѣдь если ты поѣдешь со мной на Босфоръ, то насъ будетъ больше (всего) однимъ всадникомъ; а если ты привезешь мнѣ жену, то будешь стоить многихъ ... Царь поѣхалъ на Босфоръ, поручивъ Макенту везти Мазаю ... Тотъ днемъ везъ ее въ повозкѣ, а когда настала ночь, посадилъ ее на коня,— а онъ позаботился, чтобы за ними слѣдовалъ только одинъ конный слуга; и вотъ, онъ вскочилъ на коня и погналъ не къ Меотидѣ, но въ глубь материка, имѣя вправо Митреискія горы и, давъ дѣвушкѣ по дорогѣ

отдохнуть, на третій день прискакалъ въ Скиѳію. Конь, добѣжавъ, палъ. Вручивъ Мазаю Арсакому, Макентъ исполнилъ свое обѣщаніе». (51, 52 и нач. 53).

«Адирмахъ не пошелъ на Босфоръ,— потому что тамъ воцарился уже Евбіотъ, вызванный изъ земли Савроматовъ, гдѣ онъ жилъ,— а вернулся къ себѣ и собравъ большое войско, вторгнулся въ Скиѳію черезъ горы. А немного спустя и Евбіотъ вторгнулся въ Скиѳію ведя Эллиновъ, Алановъ и Савроматовъ, по 2.000 тѣхъ и другихъ. Соединивъ свои войска, Евбіотъ и Адирмахъ имѣли всего 90.000 и изъ нихъ третью часть конныхъ стрѣлковъ. А мы — я тоже участвовалъ въ битвѣ, давъ на шкурѣ сто всадниковъ за свой счетъ,— ожидали нападенія, собравшись не менѣе 30.000 со всадниками. Вождемъ былъ Арсакомъ. И когда мы увидали ихъ наступленіе, вывели также войско съ своей стороны, пустивъ впередъ конницу. Битва долгое время была упорна, наши дѣла были плохи и наша фаланга была уже разорвана, а наконецъ и все скиѳское войско раздѣлено на двое, и часть его бѣжала, хотя и не была разбита; но бѣгство казалось отступленіемъ, потому что Аланы не рѣшились преслѣдовать; оставшаяся часть была вплотную окружена врагами и большинство изъ насъ стали уже бросать оружіе. Лонхатъ и Макентъ, дравшіеся въ первомъ ряду, были оба ранены. Тогда Арсакомъ, который раньше увлеченъ былъ бѣжавшими, вернулся и, вонзивъ шпоры въ коня, крикнулъ и понесся на враговъ съ поднятымъ мечемъ. Махліи не выдержали его натиска и, разступившись, дали ему дорогу. Онъ, соединившись съ друзьями и собравъ прочихъ, двинулъ ихъ на Адирмаха и разсѣкъ его ударомъ меча отъ шеи до пояса. Тогда побѣжало все войско Махліевъ, потомъ Аланы, за ними Эллины. Ночь положила конецъ дѣлу. На слѣдующій день парламентеры враговъ просили мира; Босфорцы, обѣщая платить двойную дань, Махліи — дать заложниковъ, Аланы, обѣщаясь подчинить намъ Синдіановъ, давно отложившихся. Мы согласились на эти условія. Слава прежде всѣхъ Арсакому и Лонхату. Насталъ общій миръ при ихъ управленіи. Вотъ, что рѣшаются дѣлать, Мнесиппъ, Скиѳы ради друзей». (54. 55).

Любимымъ мирнымъ занятіемъ Скиѳовъ и Сарматовъ, доставлявшимъ средства къ жизни, была охота. Обширныя степныя пространства на Сѣверъ и Востокъ отъ Меотиды, покрытыя травой, заросшія по балкамъ рощами, а въ низменностяхъ густымъ камышемъ, гдѣ устья Кубани и рѣкъ, впадающихъ въ Меотиду, и наконецъ дремучіе лѣса сѣвернаго и, особенно, восточнаго склона Кавказа — были богаты разнообразною дичью.

Геродотъ упоминаетъ табуны дикихъ коней, зайцевъ, бобровъ, выдръ, журавлей; Аристотель — волковъ, Вергилій — тигровъ (барсовъ?).

Страбонъ говоритъ: «что въ болотахъ тамъ охотятся на оленей и кабановъ, а въ равнинахъ на дикихъ ословъ (онагровъ) и газелей. Изъ четвероногихъ тамъ есть такъ называемый «колосъ» — среднее между оленемъ и бараномъ, бѣлый, бѣгомъ быстрѣе ихъ; когда онъ пьетъ, ноздрями тянетъ воду, можетъ долго жить въ безводной странѣ». (VII, 4. 8).

Помпоній Мела говоритъ, что Скиѳы, Антропофаги и Саги (на границѣ Азіи и Европы) раздѣлены страною, необитаемой вслѣдствіе множества (дикихъ) звѣрей». (3. 60).

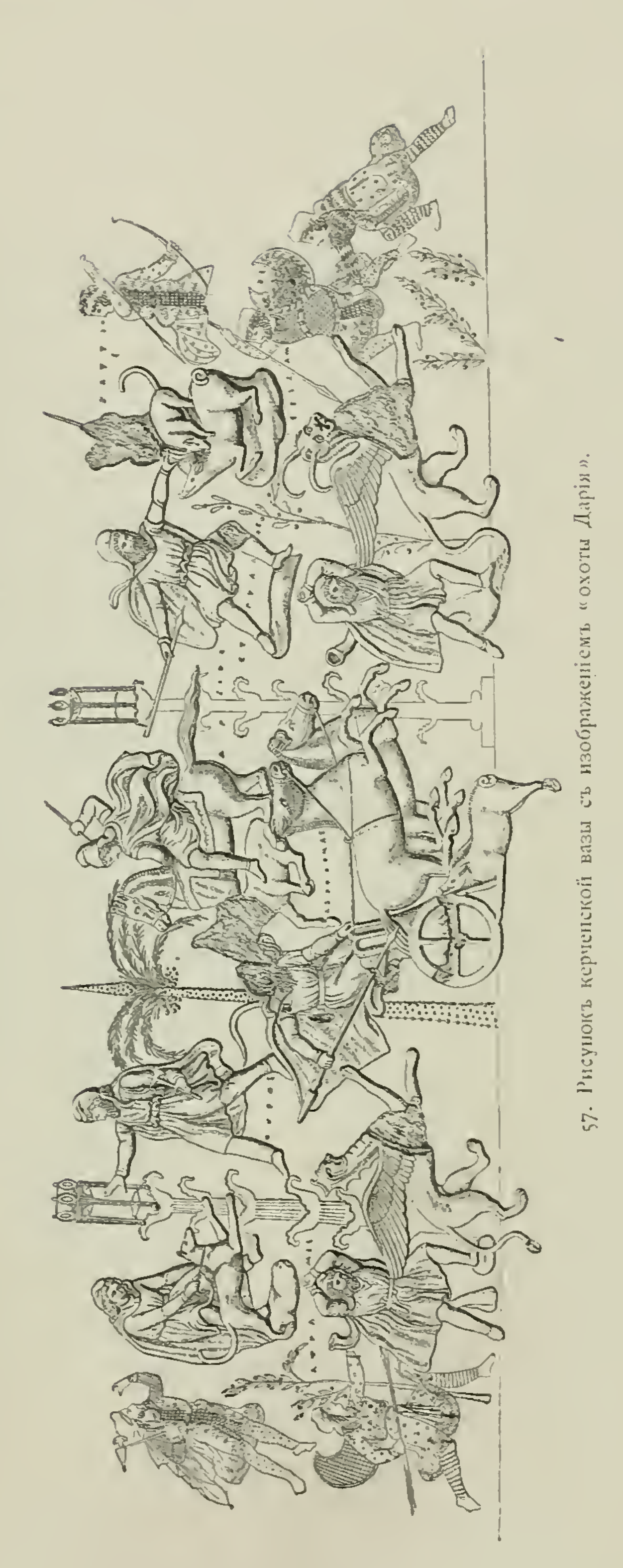
Плиній въ своей «Естественной исторіи» въ одномъ мѣстѣ (VIII, 15), повторяетъ, повидимому, Гиппократа.

Эліанъ изъ животныхъ Сарматіи упоминаетъ волковъ (de nat. an. VI, 65).

Лукіанъ въ разговорѣ Токсариса приводитъ разсказъ объ охотѣ двухъ Скиѳовъ на льва. «Белиттъ, родственникъ Амизока, увидалъ, что левъ стащилъ съ коня друга его Басѳа, съ которымъ вмѣстѣ онъ охотился. Левъ уже облапилъ его, впился зубами и рвалъ когтями, когда Белиттъ соскочилъ (съ коня) и самъ напалъ сзади на звѣря, отвлекая его и раздражая противъ себя... пока левъ, оставивъ полумертваго Басѳа, не обратился на Белитта и, схватившись съ нимъ, не умертвилъ и его. Умирая, онъ успѣлъ пронзить льва мечемъ въ грудь. Мы похоронили ихъ, насыпавъ рядомъ два кургана, одинъ для друзей, а другой, напротивъ — для льва». (43).

Разсказъ имѣетъ въ виду обычныя «близницы», слывущія и доселѣ подъ именами «двухъ братьевъ», «семи братьевъ». Возможно, что въ этомъ распорядкѣ кургановъ участвовало побратимство. Рядомъ съ курганомъ богатаго братана другой часто содержитъ въ себѣ прахъ кочевника безъ вещей.

Другіе разсказы объ охотахъ на Югѣ Россіи и по берегамъ Каспійскаго моря находятся у Филострата, писателя III вѣка по Р. Х.

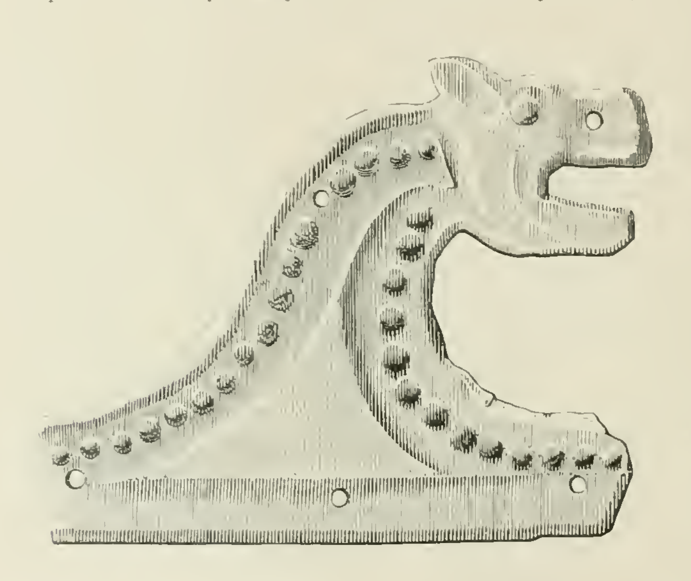
57. Рисунокъ керченской вазы съ изображеніемъ «охоты Дарія».

Многочисленны на памятникахъ искусства изображенія звѣрей, при чемъ древній художникъ не довольствовался, однако, реальными изображеніями.

Фантастическіе звѣри ведутъ свое происхожденіе съ Востока: мы встрѣчаемъ изображенія борьбы звѣрей и чудовищъ на цилиндрахъ Ассиріи и Халдеи; лѣстницы дворца персидскихъ царей въ Персеполѣ украшены рельефами, изображающими льва, терзающаго фантастическаго единорога; изъ Персіи пришли, къ сѣвернымъ варварамъ безчисленныя сцены дерущихся звѣрей, такъ близкія къ персидскимъ и по содержанію, и по стилю.

Памятники варварской и греческой работы богаты и отдѣльными изображеніями животныхъ, водившихся въ Сарматіи и сосѣднихъ съ нею странахъ.

Въ Керченской катакомбѣ, открытой въ 1872 г., часть стѣнъ украшена изображеніями лѣсовъ Кавказа: на одной стѣнѣ, въ густой травѣ, среди вѣтвистыхъ деревьевъ на лужайку вышли кабанъ, барсъ и фазанъ, на другой — «рощи, зеленые сѣни, гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени»; на встрѣчу оленю бѣжитъ гончая собака, а третья стѣна украшена подобнымъ-же изображеніемъ лѣсной сцены. (См. рис. 53 и 54). На плафонѣ другой катакомбы (1841 г.) паритъ утка. Есть масса и варварскихъ изображеній животныхъ: бронзовыя головки оленя, золотая фигурка кабана изъ кургановъ Приднѣпровья съ береговъ Кубани. Варварамъ любы были изображенія тѣхъ животныхъ, на которыхъ они любили охотиться, и Греки изготовляли подобныя фигурки звѣрей, приноровляясь къ варварскимъ вкусамъ.

58. Бляшка бронзовая, изображающая переднюю часть барса, изъ Александропольскаго кургана.

Извѣстно не мало охотничьихъ сценъ и даже цѣлыхъ картинъ. На бляшкахъ конный варваръ на всемъ скаку хочетъ пригвоздить, къ землѣ схоронившагося въ травѣ зайца; на вазѣ, найденной на Кавказѣ, изображена, согласно съ словами Страбона, охота на кабана и оленей: среди деревьевъ охотники, одѣтые въ одни только звѣриныя шкуры, очевидно, дикари, для которыхъ охота является источникомъ жизни, вооруженные короткими копьями; двое гонятся за убѣгающими оленями, а третій, схвативъ рогатину обѣими руками смѣло ждетъ нападенія разъяреннаго кабана. (Рис. 59).

Наиболѣе интересными и художественно исполненными являются охотничьи сцены на двухъ греческихъ глиняныхъ вазахъ, найденныхъ на Босфорѣ. Здѣсь

охотники, носящіе персидскія имена, но одѣтые въ костюмы, похожіе на одежды варваровъ Южной Россіи, съ собаками и копьями охотятся, большинство пѣш-

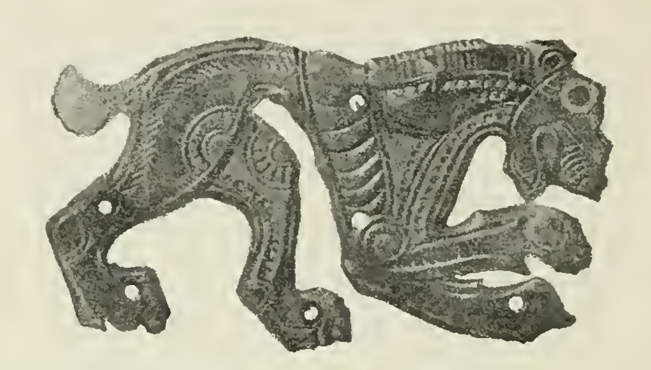

59. Серебряная съ стекляной подкладкой ваза, найденная на Кавказѣ.

комъ, одинъ на конѣ, а другой на парной колесницѣ, на кабановъ и оленя; всѣ эти животныя сдѣланы весьма реально, но фантазія греческаго мастера, Аѳинянина

Ксенофанта, этимъ не удовольствовалась: онъ прибавилъ двухъ фантастическихъ грифовъ, пальму, сильфіи и даже треножники Аполлона (см. рис. 57).

Къ Востоку за Гипанисомъ жили Саи, царю которыхъ Сантафарну извѣстный по сохранившейся надписи Ольвійскій полководецъ Протогенъ подносилъ неоднократно «дары» изъ своихъ средствъ, по бѣдности ольвійской казны; царь этотъ являлся въ сопровожденіи «скейтуховъ», т. е. вѣроятно подначальныхъ ему князьковъ. Отъ временъ протогенова эдикта вплоть до I вѣка до Р. Х. ничего о варварскомъ населеніи Юго-западной Россіи неизвѣстно.

60. Золотая бляшка, представляющая барса, изъ Александропольскаго кургана.

Діодоръ Сицилійскій разсказываетъ объ усобицахъ сыновей босфорскаго царя Парисада, Евмела, Сатира и Притониса. «Изъ нихъ наслѣдовалъ отцовскую власть старшій Сатиръ, а Евмелъ войдя въ дружбу съ нѣкоторыми изъ сосѣднихъ варваровъ и собравъ большое войско, оспаривалъ у него царство. Узнавъ это, Сатиръ двинулся на него съ большою силой и, перейдя рѣку Ѳатъ и приблизившись къ врагамъ, окружилъ лагерь повозками, въ которыхъ везъ провіантъ, и выстроивъ войска, самъ сталъ, какъ въ обычаѣ у Скиѳовъ, въ срединѣ. У него въ войскѣ были наемники: не болѣе 2.000 Грековъ и столько-же Ѳракійцевъ всѣ прочіе — Скиѳы-союзники, болѣе 20.000, изъ нихъ половина — конные. Вмѣстѣ съ Евмеломъ былъ Аритафарнъ, царь Ѳатсевъ съ 20.000 всадниковъ и 2.200 пѣхотинцевъ. Во время жестокой битвы Сатиръ, съ отборными войсками, вступилъ въ конную схватку съ Аритафарномъ и рубилъ его войска».

Сатиръ, однако, не долго пользовался плодами побѣды. Смертельно раненный при осадѣ городка на рѣкѣ Ѳатѣ, въ которомъ затворился Евмелъ со своимъ союзникомъ, онъ процарствовалъ всего 9 мѣсяцевъ. Городокъ этотъ лежалъ близь рѣки, которая огибала его и была глубока, кругомъ крутизны и лѣсъ. Два подступа къ городу укрѣплены были, одинъ башнями, валами и рвами, а другой частоколомъ, но онъ выходилъ въ болото. Дворецъ стоялъ на краю воды и былъ построенъ на сваяхъ.

Войско его отведено было Менискомъ, начальникомъ наемниковъ въ гор. Гаргазу. Въ Гаргазу явился Притонисъ, но во время его поѣздки въ Пантикапею,

городомъ этимъ овладѣлъ Евмелъ, «воюя въ союзѣ съ варварами». Евмелъ одолѣлъ брата. «Для упроченія власти онъ перебилъ друзей, женъ и дѣтей Сатира и Пританиса. Спасся только одинъ маленькій сынъ Сатира, Парисадъ, найдя пріютъ у скиѳскаго царя Агара». (Діодоръ, XX, 22—25).

Этотъ разсказъ служитъ хорошею иллюстраціею того, какую огромную роль въ дѣлахъ Босфора играли сосѣдніе варвары, какъ кочевые, такъ и осѣдлые.

Свидѣтельствомъ могущества «Скиѳовъ» или, можетъ быть, вѣрнѣе Сарматовъ во II в. до Р. X. являются Ольвійскія монеты съ именами царей Фарзоя, Инисмея, Сарія, Канита и Скилура (см. рис. 28—30). Ольвія признавала себя подвластной имъ, въ знакъ чего и чеканились эти монеты съ именами варварскихъ царей, какъ позднѣе — римскихъ императоровъ.

Имя Канита въ нѣсколько измѣненной формѣ встрѣчается на одной надписи древняго Одесса (нынѣ Варна), гдѣ говорится о пребываніи нѣкоего Антіохійца Гермія, сына Асклепіодора «у царя Скиѳовъ Гканита»; Антіохіецъ оказалъ въ это время услуги и народу, и отдѣльнымъ гражданамъ Одесса, откуда можно, кажется, вывести, что царь этотъ пользовался довольно значительной властью, если вліяніе его простиралось до Одесса. Скилуръ извѣстенъ болѣе другихъ. О немъ довольно подробно говоритъ Страбонъ: «Херсонесъ, бывшій ранѣе самостоятельнымъ, вслѣдствіе опустошеній варваровъ, принужденъ былъ признать своимъ покровителемъ Митридата Евпатора. Этотъ царь охотно послалъ войско въ Херсонесъ и началъ войну противъ скиѳскаго царя Скилура и его сыновей; подчинивъ ихъ себѣ, онъ сталъ властителемъ и Босфора, уступленнаго ему добровольно Перисадомъ, тогдашнимъ его обладателемъ». (VII, 4. 3). Поименовавъ города Таврическаго полуострова, Страбонъ прибавляетъ: «Кромѣ перечисленныхъ мѣстъ были на полуостровѣ и крѣпостцы, построенныя Скилуромъ и его дѣтьми, которыми они пользовались, какъ опорными пунктами въ войнѣ противъ полководцевъ Митридата: Палакіонъ (нынѣ Балаклава), Хабонъ и Неаполь (нынѣ Керменчикъ, около Симферополя)». (VII, 4. 7).

Племена, жившіе на Дунаѣ во времена Страбона, представляли уже смѣсь Скиѳовъ, Сарматовъ, Гетовъ съ Ѳракійцами и Кельтами. (VII, 3. 2). «Вся страна... между Борисѳеномъ и Истромъ (составляетъ) сперва «пустыню Гетовъ», затѣмъ (земли) Тиригетовъ, за которыми Сарматы-Азиги, такъ называемые Басиліи (т. е. царственные) и Урги; большинство ихъ — номады, немногіе занимаются и земледѣліемъ; они-же, говорятъ, обитали и на Истрѣ, часто по обѣ его стороны. Въ срединѣ же материка живутъ Бастарны, сосѣдніе съ Тиригетами и Германцами, и сами будучи, вѣроятно, германскаго рода, распадаются на много племенъ; нѣкоторые называются Атмонами и Сидонами, а населяющіе Истрійскій островъ Певку — Певкинами, самые сѣверные — Роксоланы, населяющіе равнины между Танаидой и Борисѳеномъ. Живетъ-ли кто надъ Роксоланами — мы не знаемъ...» (VII, 3. 17).

Именно между этими племенами Страбонъ отмѣчаетъ порчу нравовъ кочеваго народа, происходящую отъ соприкосновенія съ культурою.

За Танаисомъ Страбонъ видитъ уже Азію: «первую часть ея населяютъ отъ сѣверныхъ странъ и Океана нѣкоторые изъ Скиѳовъ, кочевники и живущіе

въ повозкахъ, ниже ихъ Сарматы, они-же и Скиѳы, а также Аорсы и Сираки, тянущiеся на Югъ до Кавказскихъ горъ, нѣкоторые кочевники, иные живутъ въ шатрахъ и земледѣльцы. Вокругъ болота — Меоты. У моря на азiатской сторонѣ Босфора — Синдика. За нею Ахеи, Зиги и Генiохи, Керкеты и Макропогоны (Длиннобородые), надъ ними тѣснины Фтирофаговъ (Вшеѣдовъ). За Генiохами — Колхида, лежащая подъ Кавказскими и Мосхiйскими горами». (XI, 2. 1).

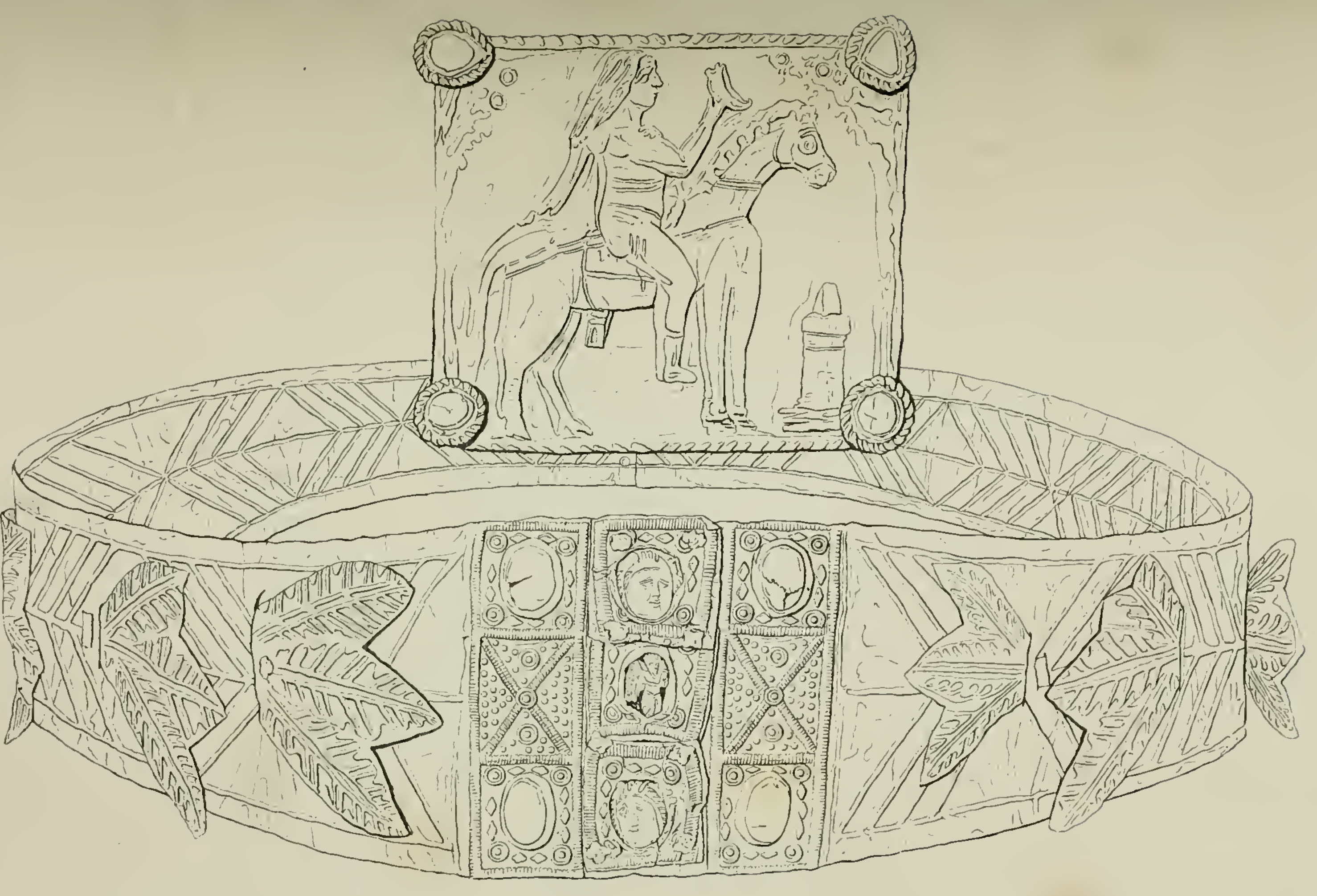
61. Ольвiйская мѣдная монета.

На сѣверномъ склонѣ Кавказа Страбонъ отмѣчаетъ рядъ племенъ съ нарицательными именами: «спящихъ на землѣ», «обжоръ», «троглодитовъ» — живущихъ въ пещерахъ (сакляхъ).

Изъ этихъ племенъ «Аорсы занимали большую часть страны и владѣли длиннымъ берегомъ Каспiйскаго моря, вели на верблюдахъ торговлю индiйскими и вавилонскими товарами, получая ихъ отъ Армянъ и Мидянъ; будучи богатыми, носили золотыя украшенiя». (XI, 5. 8).

О религiи Сарматовъ мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣнiй: только по свидѣтельству Нимфодора (фр. 14) чтили они огонь.

На бляхахъ Чертомлыцкаго кургана изображено женское божество рядомъ съ подобiемъ алтаря огня. На вѣнкѣ съ изображенiемъ босфорскаго царя (Рискупориса?) представленъ такой-же алтарь, уподобленный алтарямъ огня (рис. 62). На монетахъ перваго Арсакида изъ скиѳскаго рода, царя Парфiи, впервые появляется изображенiе возлiянiя передъ такимъ-же алтаремъ.

62. Золотая бляха отъ погребальнаго вѣнка, найденнаго въ Керченской женской могилѣ въ 1837 году (см. вып. 1, стр. 66) и погребальный вѣнокъ изъ Керченской мужской могилы.

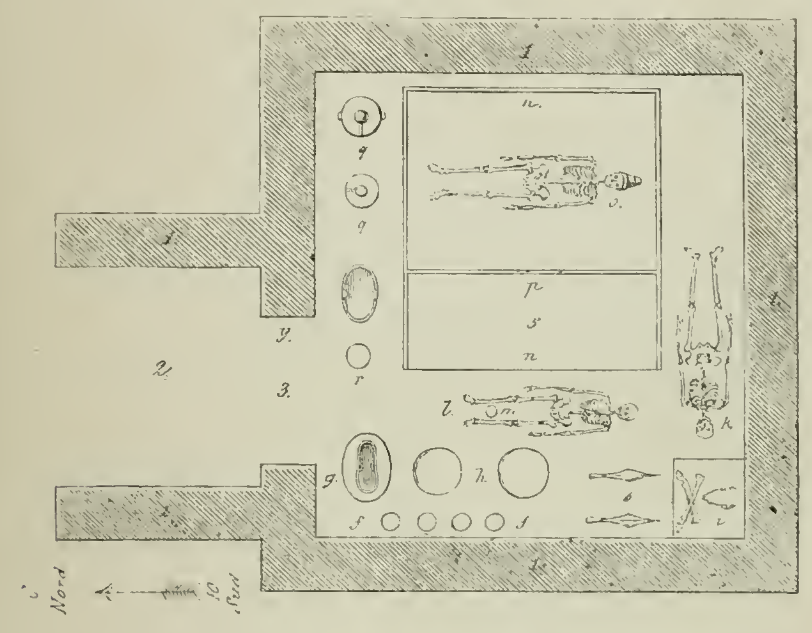

63. Карта южной Россіи съ обозначеніемъ главныхъ мѣстъ находокъ Скиѳо-сарматскихъ древностей.

Древности скиѳо-сарматскія сохранены исключительно въ погребальныхъ памятникахъ — курганахъ южной Россіи. Необозримое множество ихъ разсѣяно отъ устьевъ Дуная и Днѣстра, вверхъ по Бугу до Могилева, по Днѣпру и его притокамъ до Смѣлы и Роменъ, по Таврическому полуострову, по Дону и берегамъ Азовскаго моря, по Кубани и ея притокамъ до Каспійскаго моря. Значительная часть этихъ кургановъ, видимо, сосредоточена около мѣстностей древнихъ становищъ, путей и перевозовъ; множество расположено поясами около древнихъ греческихъ городовъ и колоній, много разбросано среди кургановъ греческихъ, а также другихъ кочевниковъ, позднѣе выступившихъ въ исторіи южной Россіи. Ни обычаи погребенія и сожженія праха, ни устройство склеповъ въ мѣстахъ, гдѣ склоны скалистыхъ холмовъ доставляли обильный камень, или земляныхъ могилъ, прикрытыхъ дубовыми брусьями и лубкомъ, не могутъ руководить въ опредѣленіи эпохъ, представляемыхъ этими курганами. Самое содержаніе могилъ, коль скоро могила не выходитъ изъ общаго ряда варварскихъ и въ частности кочевыхъ, даетъ лишь самые общіе признаки быта. Замѣчено, однако же, что большинство скиѳскихъ кургановъ держится долины, тогда какъ греческіе расположены по хребтамъ, и это обстоятельство объ-

ясняется не однимъ только недостаткомъ мѣста для новыхъ пришельцевъ, но и ихъ предпочтеніемъ долины, какъ мѣста ихъ обычнаго пребыванія. Такъ, Парѳяне называли Скиѳовъ, въ отличіе отъ себя, какъ горцевъ, жителями долинъ.

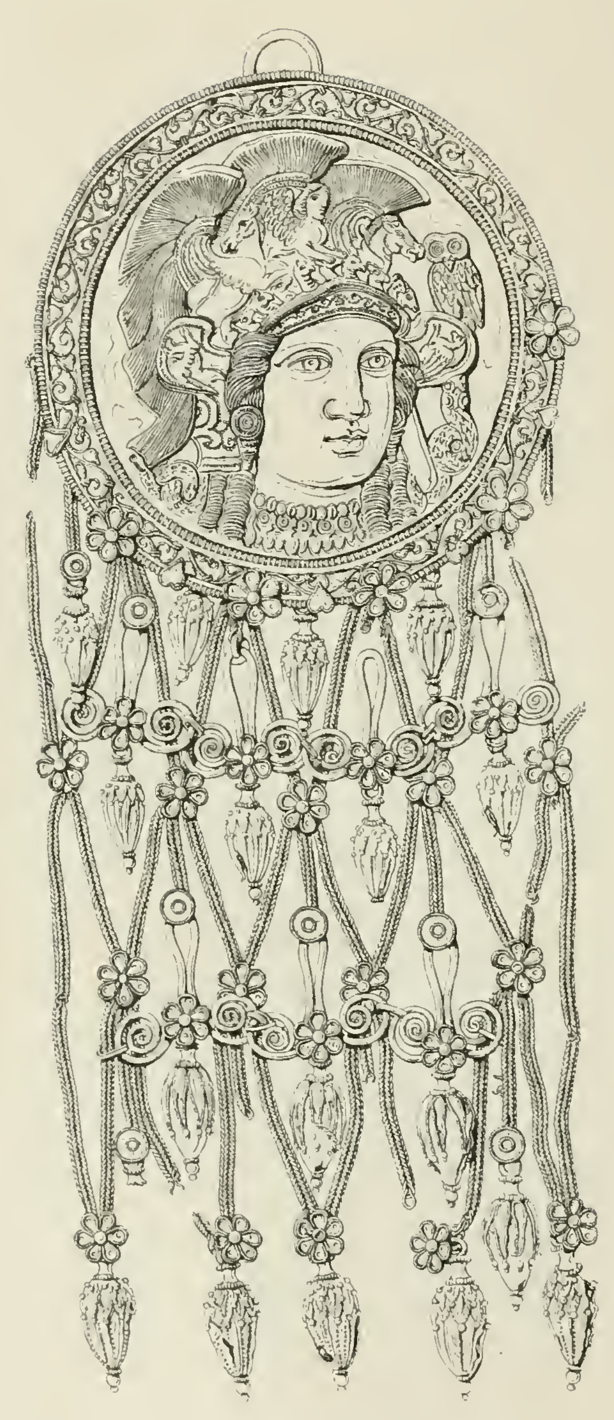
Наиболѣе полную картину погребальнаго убранства варварскихъ царей южной Россіи представила гробница, открытая въ курганѣ Куль-Оба въ 6 верстахъ къ западу отъ Керчи, въ 1831 году. Варварскій характеръ этого погребенія не только не утратился и даже не ослабѣлъ отъ непосредственнаго соприкосновенія варварскаго міра съ греческою культурою въ одномъ изъ ея центровъ, но, напротивъ, обозначился съ особенной силой, благодаря именно услугамъ греческаго искусства, умѣвшаго въ ясныхъ пластическихъ образахъ и въ условныхъ эмблемахъ схватить и выразить туманную мысль варвара. При этомъ соприкосновеніи возникаетъ у варвара горде-

64. Планъ склепа въ курганѣ Куль-Оба.

ливое сознаніе своихъ національныхъ особенностей, которыя онъ и желаетъ, затѣмъ, видѣть точно воспроизведенными искусствомъ. Отсюда, погребальный уборъ, найденный въ гробницѣ Куль-Оба, представляется и чрезвычайно типическимъ для скиѳо-сарматской эпохи. Погребальный склепъ этого кургана былъ квадратный, но большаго размѣра, съ крышею, сведенною изъ ряда выступающихъ внутрь плитъ. Стѣны были увѣшаны, по обычаю кочевниковъ, одеждами, совершенно истлѣвшими; отъ нихъ сохранилось множество золотыхъ бляшекъ, которыми одежды эти были украшены; этими бляшками былъ усѣянъ полъ склепа вездѣ подъ стѣнами.

Направо отъ входа, вдоль стѣны, въ два ряда стояли сосуды: у самой стѣны — четыре греческихъ амфоры изъ подъ вина *(f—f)*; одна съ клеймомъ острова Тазоса. У дверей стоялъ большой бронзовый котелъ, на ножкѣ, съ двумя ручками *(g)*; въ немъ лежали овечьи кости. Далѣе стояла серебряная позолоченная

65. Ушная подвѣска изъ Куль-Оба.

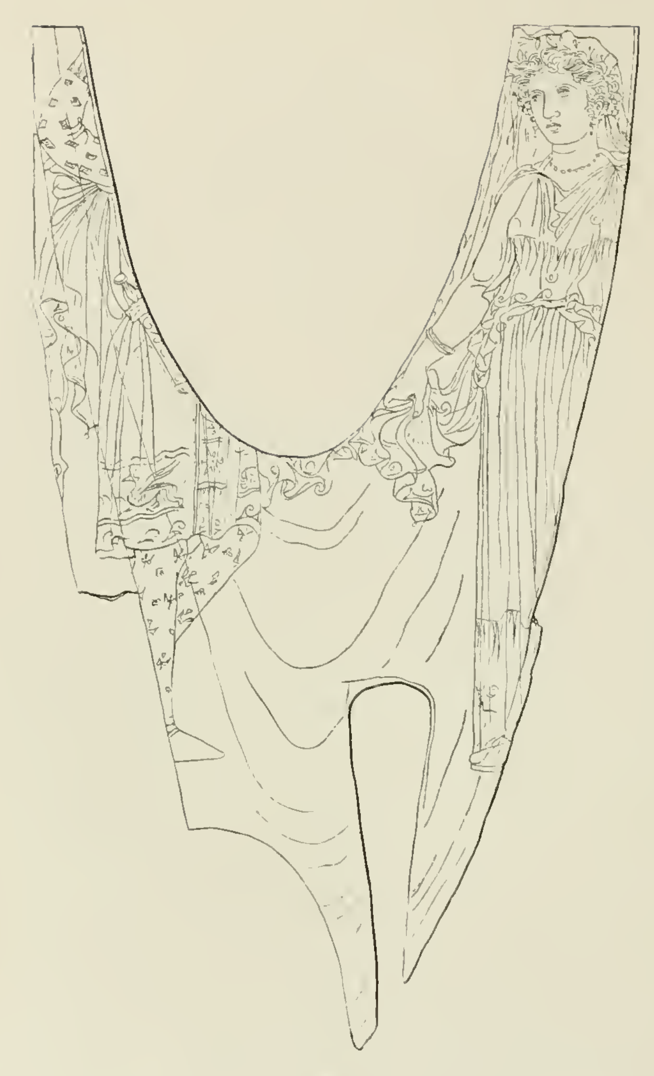
лохань *(h)* около 10 вершковъ въ діаметрѣ и въ ней 4 серебряныхъ сосуда: круглая ваза безъ ручекъ, гладкая чашка и два ритона, одинъ съ головою барана. Далѣе стояло подобное же блюдо (?), также серебряное, съ двумя красивыми ручками и на немъ также 4 серебряныхъ сосуда: 3 круглыхъ вазы безъ ручекъ съ рельефными изображеніями, двѣ, украшенныя изображеніями борьбы животныхъ, третья утками и рыбами и чашка съ крышкой и надписью («Гермеса»). За этими двумя рядами сосудовъ лежало два наконечника копій по 9 вершковъ длиною. Въ юго-западномъ углу въ полу находилось углубленіе *(i)* въ полъ-аршина глубиною, въ которомъ были сложены лошадиныя кости, бронзовыя поножи и шлемъ; головою къ этому углубленію, на полу вдоль южной стѣны лежалъ скелетъ *(k)*, вѣроятно, раба, быть можетъ, конюха.

Слѣва отъ головы раба лежали ножи съ кривыми лезвіями: шесть изъ нихъ съ рукоятками изъ слоновой кости и одинъ съ ручкой, обложенной золотыми листами съ изображеніями грифовъ на бокахъ, и льва на верхушкѣ. Посреди склепа лежалъ головою къ югу скелетъ женщины небольшаго роста *(l)*. Голова ея украшалась электровой діадемой въ вершокъ шириной съ растительнымъ фантастическимъ орнаментомъ. На шеѣ было золотое ожерелье сканной работы съ амфорообразными привѣсками и золотая гривна со львами на концахъ. У пояса четыре золотыхъ

круглыхъ привѣски съ подвѣшенными къ нимъ цѣпочками и амфорами, двѣ большихъ ушныхъ подвѣски съ головою Аѳины (рис. 65) и двѣ богато украшенныя серьги (рис. 66). Между голенями остова стояла электровая круглая ваза *(m)* съ изображеніями Скиѳовъ (см. рис. 1). Руки остова украшались запястьями съ изображеніями охоты грифовъ на оленей (рис. 72). Остовъ женщины лежалъ на полу, но около него валялись доски, украшенныя живописью, и 4 круглыхъ точеныхъ ножки, вѣроятно, отъ саркофага. На право отъ женскаго остова почти все пространство склепа, вплоть до восточной стѣны занято было саркофагомъ изъ кипарисоваго дерева; сторона его, обращенная къ женскому остову, была открыта. Саркофагъ низкой перегородкой *(p)* раздѣленъ былъ на двѣ части: въ одной лежалъ остовъ царя *(o)*, въ другой меньшей сложено было его оружіе (5). Здѣсь лежали: желѣзный мечъ, съ рукояткой, покрытой золотымъ листомъ съ изображеніемъ двухъ животныхъ, золотая пластина съ именемъ ΠΟΡΝΑΧΟ, украшавшая ножны этого меча, золотой круглый поддонъ или, вѣрнѣе, средина церемоніальнаго щита, рукоятка нагайки, обвитая золотой лентой, поножь, зеленый точильный камень, или мусатъ, въ золотой оправѣ, украшенный орнаментомъ. Въ томъ отдѣленіи, гдѣ покоился самъ царь, у головы его лежало четыре золотыхъ пластинки, вѣроятно, отъ кожанаго башлыка съ изображеніемъ Скиѳа (рис. 44), пятая подобная представляла двухъ Скиѳовъ братановъ (рис. 34). На головѣ царя былъ скиѳскій остроконечный башлыкъ изъ тонкаго войлока, украшенный двумя обручами листоваго золота; по нижнему чеканомъ сдѣланы сфинксы и грифы; по верхнему, болѣе узкому въ діаметрѣ, растительные разводы и между нихъ фигуры сидящей женщины (рис. 70). На шеѣ царя была большая золотая гривна (см. заглавн. рис.) съ изображеніями конныхъ Скиѳовъ. На правой рукѣ, выше локтя надѣто было золотое кольцо, около дюйма шириною, украшенное цвѣтами и миѳологической (повторяющейся) сценой (см. рис. 71). На запястьяхъ обѣихъ рукъ — массивные золотые браслеты, кончающіеся сфинксами (вып. I, рис. 83). Внѣ саркофага, вдоль по сѣверной стѣнѣ склепа стояло три бронзовыхъ сосуда: два греческіе *(q)*: одинъ амфорообразный, другой въ формѣ гидріи съ богатымъ орнаментомъ у основанія ручки, и одинъ варварскій котелъ на ножкѣ. Въ двухъ изъ этихъ сосудовъ лежали бараньи кости. Въ томъ-же ряду противъ дверей

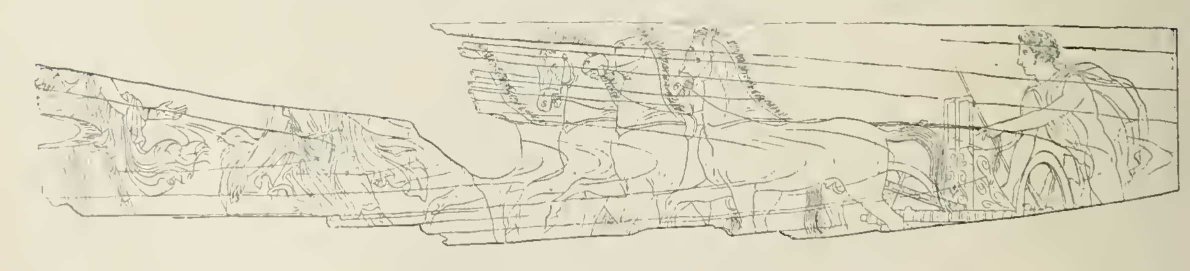
66. Серьга изъ Куль-Оба.

67. Обломокъ костяной пластинки изъ Куль-Оба.

стояла бронзовая тарелка. По всему склепу разсѣяны были золотыя и электровыя бляшки разной величины и формы, служившія для украшенія одеждъ и покрововъ, нѣсколько золотыхъ флаконовъ со втулками, пуговицы съ финифтью и головой Пана, нѣсколько сотъ бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, перержавѣвшихъ наконечниковъ копій и дротиковъ. Кромѣ того, при просѣваніи земли найдены были обломки тонкихъ костяныхъ пластинокъ съ греческими вырѣзанными рисунками, отъ лиры или инаго музыкальнаго инструмента. Тонкою гравировкою на нихъ изображены въ превосходномъ рисункѣ Судъ Париса (въ приведенномъ обломкѣ на рис. 67 фигуры Париса и Юноны) и другія сцены миѳологическаго содержанія, а также бѣгъ (рис. 68) четырехконной колесницы, охота на зайца и Скиѳъ, упавшій съ лошади на охотѣ (рис. 69).

Изслѣдованіе открытаго Куль-Обскаго склепа не

68. Обломокъ костяной пластинки изъ Куль-Оба.

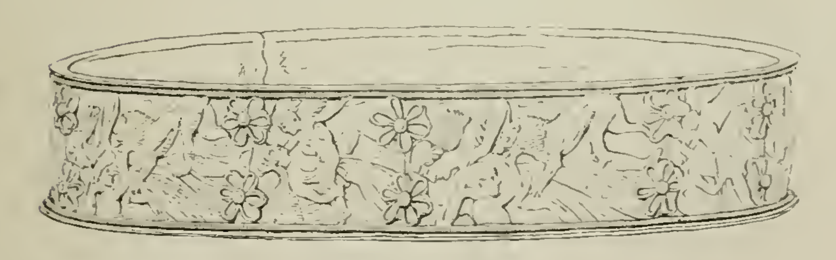
было еще окончено, какъ ночью въ склепъ забрались грабители, и не только раскопавъ неизслѣдованныя мѣста, но выворотивъ даже огромныя плиты пола, нашли, кромѣ массы золотыхъ и электровыхъ бляшекъ, у входа въ склепъ подъ поломъ (подъ мѣстомъ сосудовъ *g)* могилу, выкопанную прямо въ материкѣ. Голова остова обращена была къ западу, на шеѣ надѣта была большая гривна изъ витой бронзовой проволоки, обложенная золотымъ листомъ съ такими-же львиными головами, украшенными эмалью на концахъ, тамъ-же найдена была и золотая бляха, украшавшая налучье, вѣроятно въ томъ мѣстѣ, гдѣ вкладываютъ стрѣлы, въ видѣ оленя съ

69. Костяная пластинка изъ Куль-Оба.

70. Золотой обручь башлыка изъ Куль-Оба.

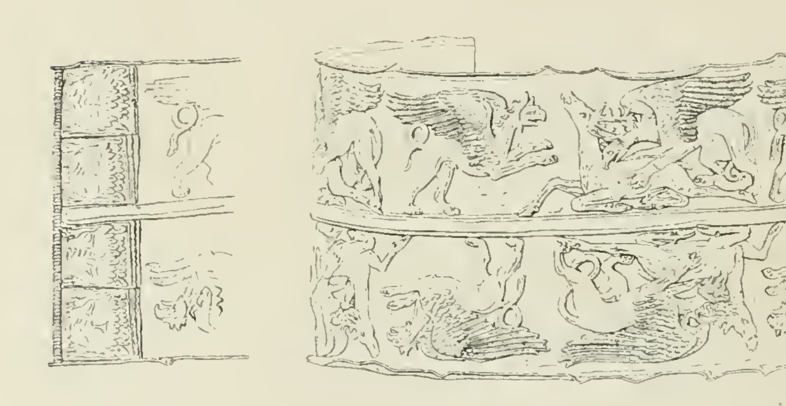

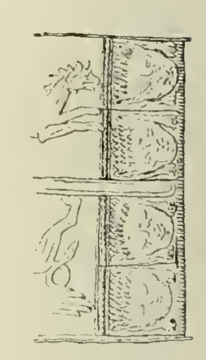
71. Браслетъ изъ Куль-Оба.

начерченными буквами ПАI, здѣсь-же найдено было значительное количество наконечниковъ стрѣлъ и копій. Все остальное изъ этой могилы безслѣдно пропало.

Кромѣ этихъ древностей, найденныхъ въ Куль-Оба, въ Эрмитажной коллекціи въ числѣ предметовъ этой гробницы хранятся еще вещи довольно темнаго назначенія: это три длинныхъ палки, обложенныя серебромъ съ украшеніями въ видѣ колецъ и спиралей. Одна изъ нихъ кончается львиною головою, другая кончалась, кажется, изображеніемъ еловой шишки. Палки эти снабжены петлями, какъ-бы для привѣшиванія ихъ. По всей вѣроятности, онѣ служили для торжественнаго выноса погребальнаго ложа. При трупѣ женщины найдена была также серебряная прялка съ ручкой и птичкой на концѣ, обложенная золотомъ. Гдѣ именно были найдены эти вещи, неизвѣстно.

Гробница Куль-Оба несомнѣнно служила мѣстомъ погребенія какого-либо варварскаго царя или князя, какъ это очевидно по варварскому обычаю хоронить съ господиномъ его рабыню, раба и лошадь, по множеству украшеній отчасти варварской работы, отчасти приноровленныхъ къ варварскому вкусу, по многочисленнымъ изображеніямъ варваровъ на уборахъ, по варварской одеждѣ (башлыкъ, гривна, мужскіе браслеты) и оружію (особая форма ноженъ меча и рукоятки варварской работы и царскаго меча и ножа раба), по варварскимъ котламъ, въ которыхъ приготовлена была баранина, для пищи покойника и его слугъ. О подпольной могилѣ нельзя, кажется, сказать ничего опредѣленнаго, былъ-ли похороненный въ ней варваръ съ варварскими вещами (гривна и бляха), похороченъ одновременно съ царемъ, или ранѣе его и не былъ-ли онъ, въ такомъ случаѣ, предкомъ царя, каковымъ его обыкновенно считаютъ.

72. Женскій золотой браслетъ изъ Куль-Оба.

Въ Екатеринославскомъ уѣздѣ верстахъ въ 60 — 70 отъ Днѣпра близъ селенія Александрополь возвышается огромный курганъ — *Луговая могила*; по подошвѣ курганъ (до 150 саженъ въ окружности) обложенъ былъ огромными камнями; кругомъ шелъ широкій ровъ и валъ съ двумя перерывами, на восточной и западной сторонѣ; курганъ достигалъ до 10 саженъ вышины, вершина его была

нѣсколько срѣзана; нѣкогда, по разсказамъ старожиловъ, стояла на ней каменная баба.

Въ 1851 году, при добываніи камня изъ кургана, была сдѣлана случайная находка, вызвавшая его раскопку. Между четырьмя большими, поставленными на ребро камнями, съ покрышкою, въ южной полѣ кургана найдены были: два необыкновенно грубыхъ изображенія крылатой Персидской Артемиды, удушающей двухъ животныхъ и одѣтой отъ пояса въ короткое до колѣнъ платье; матеріа-

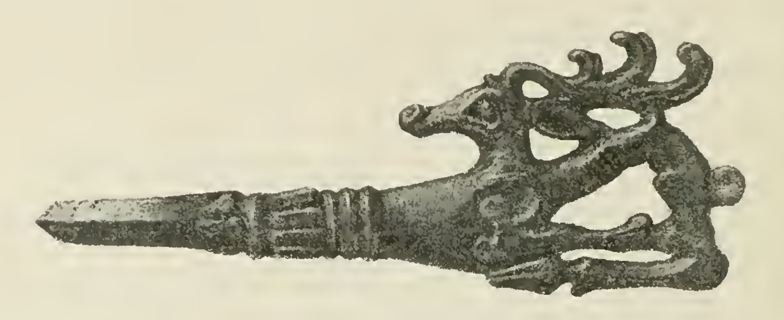
73. Видъ «Луговой» Александропольской могилы.

ломъ послужило желѣзо, обложенное листовымъ золотомъ и серебромъ (рис. 84); желѣзное кольцо, обложенное листовымъ золотомъ; два крючка отъ пряжки — золотой и серебряный, конецъ которыхъ, раздѣланный ажурно, представляетъ павшаго на колѣна оленя, типической формы (рис. 74); двѣ бронзовыхъ рельефныхъ плитки съ изображеніемъ той-же крылатой Артемиды на втулкѣ для древка (рис. 75), бронзовый трезубецъ съ сидящими по концамъ зубьевъ тремя птицами, держащими въ клювѣ колокольцы, на втулкѣ (рис. 76); нѣсколько обломковъ листоваго золота и серебра, серебряная ручка, согнутый желѣзный, обложенный серебромъ гвоздь, нѣсколько бронзовыхъ колокольцовъ и мѣдныхъ подвѣсокъ, въ видѣ кружковъ и полумѣсяцевъ съ ушками и кольцами.

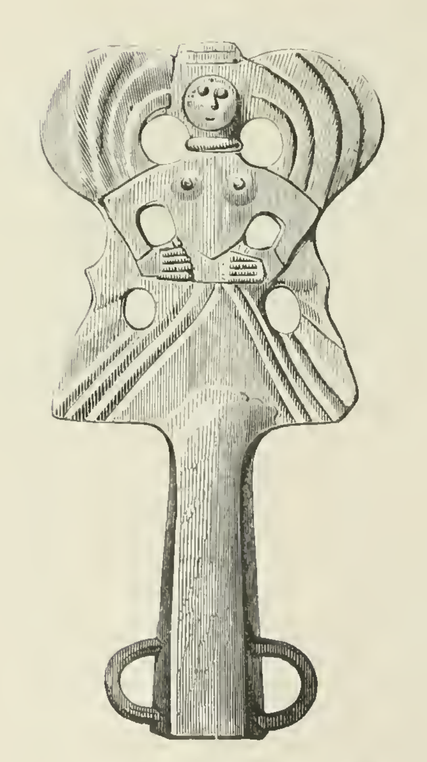
Въ 1852 году въ различныхъ мѣстахъ насыпи найдены были, кромѣ разнаго рода мѣдныхъ и серебряныхъ бляхъ, три мѣдныхъ, басменныхъ (тисненыхъ) пластинки въ видѣ передней части животныхъ: каменнаго барана и барса, грубаго восточнаго пошиба (рис. 58 и 77); двѣнадцать мѣдныхъ трубочекъ на ремнѣ, наконечники стрѣлъ, мѣдныи бубенчикъ, лошадиныя кости; подъ завалами изъ

камней найдены были изображенія быка изъ листовой мѣди и собаки изъ раковистаго песчаника грубой работы.

Въ 1853 году кромѣ лошадиныхъ, бычачьихъ и овечьихъ костей, стрѣлъ, желѣзныхъ наконечниковъ копій, открыты были два склада разнаго рода вещей.

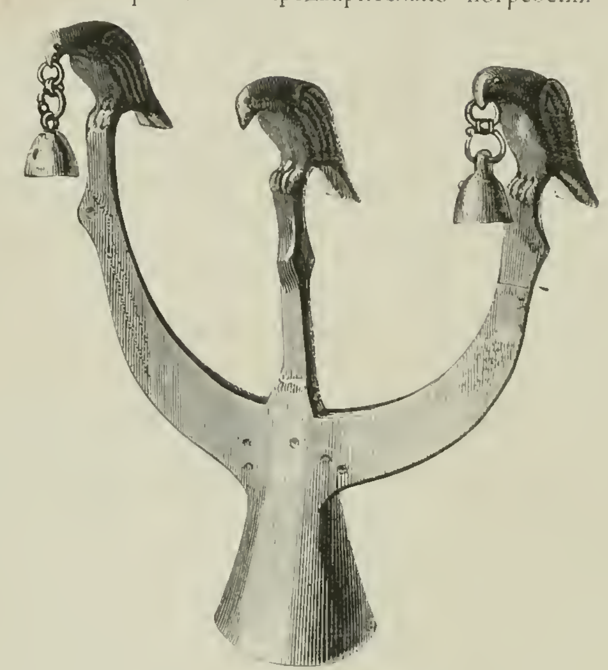
74. Крючокъ отъ пряжки изъ Александропольскаго кургана.

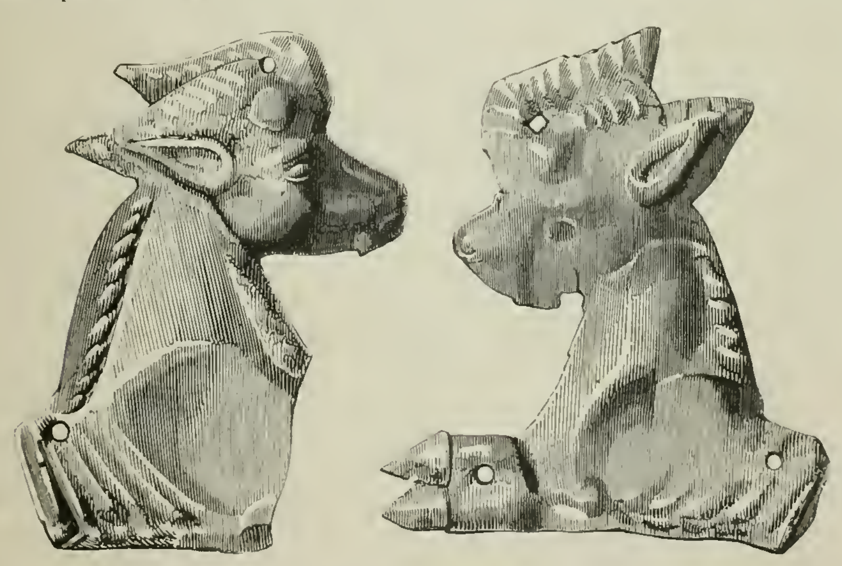
75. Изображеніе крылатой Артемиды изъ Александропольскаго кургана.

Въ западной части насыпи, на протяженіи сажени лежали скипѣвшіеся и перержавѣвшіе обломки желѣзныхъ обручей (шинъ?) и полосъ; по сторонамъ найденъ цѣлый рядъ любопытныхъ предметовъ. Здѣсь были и бронзовыя украшенія на втулкахъ: два съ сидящею птицею наверху и двѣ пары съ прорѣзною квадратною бляхою, въ которую вписанъ идущій грифонъ, огрубѣлаго персидскаго стиля (рис. 78); по нижнему краю бляха раздѣлана овами и къ ней привѣшены колокольцы; пять пластинокъ листоваго серебра въ видѣ пальмы — восточной формы изображенія символическаго древа жизни, съ подвѣшенными на каждой вѣткѣ плодами (жемчужинами) въ видѣ серебряныхъ кружковъ (рис. 79), три мѣдныхъ листовыхъ изображенія крылатаго единорога, баснословнаго звѣря отдаленной Азіи (рис. 83), 60 украшеній изъ листовой мѣди въ видѣ передней части животныхъ, множество бляхъ: плоскихъ, бронзовыхъ (12 штукъ), мѣдныхъ, нѣсколько вогнутыхъ (318), 510 экземпляровъ бронзовыхъ съ розетками двухъ типовъ, 18 мѣдныхъ колокольчиковъ-привѣсокъ, 244 бронзовыхъ полубубенчика и 66 бронзовыхъ трубочекъ разной величины; нѣкоторые бляхи и полубубенчики были какъ-бы нанизаны на бѣлые шнурки. Это скопленіе вещей, изъ которыхъ большая часть, какъ видно были нашиты или наколочены на что-либо, даетъ

право предположить, что на этомъ мѣстѣ разломали предварительно погребенія погребальную колесницу, разукрашенную по кузову и дышламъ прорѣзными бляхами и фигурными втулками. Въ сѣверной полѣ кургана найдено толстое желѣзное кольцо, обложенное листовымъ золотомъ, а подъ нимъ нѣсколько серебряныхъ колечекъ, серебряная ложка съ изогнутой ручкой съ головкой гуся *(хенискъ)*, золотая пластинка—*лунница*, золотое украшеніе на подобіе подковы съ двумя лошадиными головами (рис. 80), полая фигурка кабана изъ листоваго золота—*урало-алтайскаго* типа (рис. 81); пять золотыхъ украшеній, одно съ изображеніемъ ящерицы. Всѣ эти украшенія пробиты дырочками для гвоздиковъ, найдено и множество золотыхъ гвоздиковъ, которыми прибиты они были къ

76. Трезубецъ съ птицами, изъ Александропольскаго кургана.

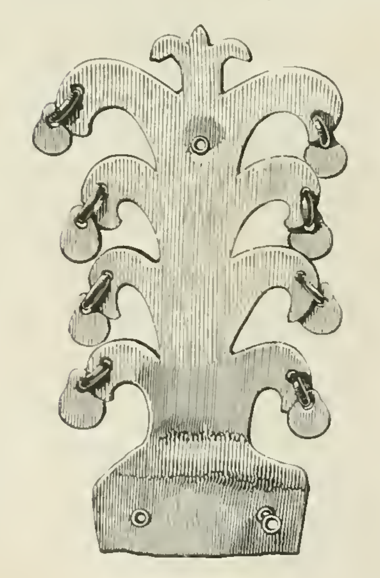
77. Изображенія барановъ, изъ Александропольскаго кургана.

истлѣвшему предмету изъ дерева, какъ то видно по кускамъ его, отчасти сохранившимся.

Въ 1855 году новыми раскопками А. Е. Люценка обнаружено, что все основаніе кургана должно подвергнуть новому разслѣдованію.

78. Бронзововое украшеніе изъ Александропольскаго кургана.

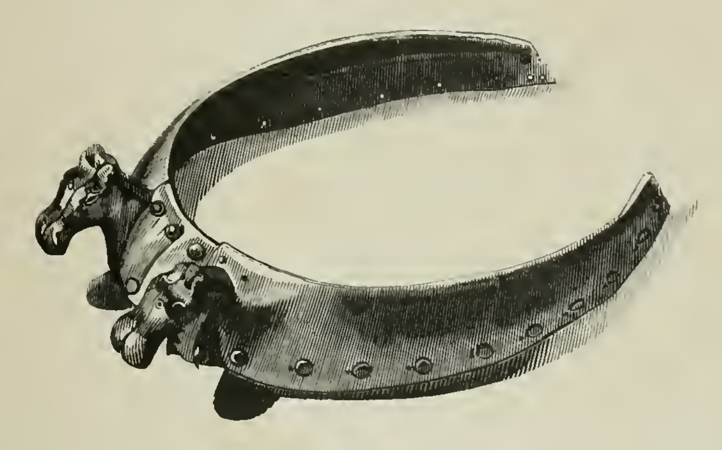

79. Украшеніе оттуда-же.

Первою найдена была могила лошади. Лошадь стояла на колѣняхъ, голова была вытянута впередъ и помѣщалась на особомъ приступкѣ, словомъ, положеніе тѣла соотвѣтствовало позѣ, принятой въ изображеніяхъ раненыхъ на скиѳской охотѣ оленей. Могила покрыта была нѣкогда бревнами. Узда лошади украшалась четырьмя золотыми рельефными бляхами, работы негреческаго характера (одну изъ нихъ см. на рис. 82), съ изображеніями быка, льва, птицы и гиппокампа; во рту были желѣзныя удила съ золотыми розетками на концахъ, на головѣ между глазами и ухомъ лошади былъ дутый бюстикъ коня съ отверстіемъ для продѣванія ремня. Шея лошади украшалась пятью бронзовыми бляхами, шестью такими же бубенцами, пятью бронзовыми же полумѣсяцами, висѣвшими на цѣпочкахъ, восемью серебряными бусами, 4 пуговицами, серебрянымъ кольцомъ и двумя воронкообразными украшеніями, можетъ быть верхнихъ частей кистей. На спинѣ лошади было сѣдло, окрашенное нѣкогда въ красный цвѣтъ и украшенное по передней и задней лукѣ золотыми накладками, въ видѣ полосы съ зубцами около 2 дюймовъ шириною. Съ правой стороны сѣдла былъ деревянный колчанъ, обложенный листовою бронзою, съ 45 стрѣлами.

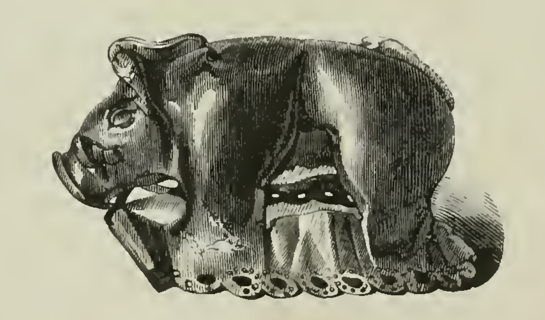
Устройство могилы покойника было довольно сложно: это были двѣ ямы до 3 саженъ глубины, вырытыхъ въ материкѣ и сообщавшихся между собою подземными галлереями. Дно и стѣны ямы были обмазаны извѣстью. Стѣны правильно оріентированы относительно сторонъ свѣта; узкія стороны на западъ и востокъ, и трупъ лежалъ, вѣроятно, по тому-же направленію. Въ землѣ, наполнявшей яму, найдены черепки амфоръ, кости животныхъ, обломки желѣзной и мѣдной посуды грубой работы. Изъ этой ямы шелъ на сѣверъ подземный ходъ съ полукруглымъ верхомъ. Между черепками было два отъ росписныхъ глиняныхъ сосудовъ съ черной

поливой. Корридоръ велъ въ обширную катакомбу, имѣвшую въ планѣ форму трапеціи, съ покатымъ поломъ. Въ ней найдено было два черепа и разбросанные въ величайшемъ безпорядкѣ черепки, одинъ отъ росписной вазы съ позолоченнымъ рельефнымъ, растительнымъ орнаментомъ, множество бронзовыхъ и костя-

80. Предметъ неизвѣстнаго назначенія изъ Александропольскаго кургана.

ныхъ наконечниковъ стрѣлъ, части желѣзнаго чешуйчатаго панцыря, покрытаго листовымъ золотомъ, костяныя дощечки, колонки и карнизики, болѣе 700 штукъ золотыхъ вещицъ: бусъ разной величины, трубочекъ, воронкообразныхъ украшеній, пуговокъ съ ушками, гвоздиковъ, звѣриныхъ и птичьихъ когтей въ оправѣ, плоскихъ и круглыхъ подвѣсокъ; особо замѣчательна масса бляшекъ, выбитыхъ изъ листоваго золота въ видѣ восточныхъ (лучистыхъ и греческихъ) розетокъ, гроздей пирамидальной формы, звѣздочекъ, лотосовъ, маргаритокъ, орловъ, четыреугольныхъ и круглыхъ бляшекъ, съ изображеніями грифовъ, пчелы, оленя, львиной головы, головы варвара и т. п., выбитыхъ изъ листоваго-же золота фигуръ тигровъ и львовъ, головъ Горгоны, бордюрныхъ украшеній и т. п. Здѣсь-же найдена и голова оленя съ круглою бляшкою, подвѣшенною ко рту, кусокъ какой-то серебряной чешуи и обломки другихъ серебряныхъ, сильно окисшихъ вещей. На полу лежали желѣзныя полосы, скобы, петли, гвозди отъ сундука.

81. Золотой кабанъ оттуда-же.

Въ стѣнахъ катакомбы замѣтны были двѣ мины, которыя прокопаны были съ цѣлью отысканія боковыхъ гробницъ. Въ одной минѣ найденъ былъ черепокъ съ тряпкой, и копоть на потолкѣ въ этомъ мѣстѣ указывала, что онъ служилъ

грабителю лампой. Въ западной стѣнѣ катакомбы, вровень съ поломъ вырублена ниша, вся наполненная черепками амфоръ съ нѣсколькими золотыми вещицами, случайно туда попавшими. У самаго сѣверо-восточнаго угла катакомбы начинался широкій и длинный (въ 15 сажень) корридоръ. На порогѣ катакомбы лежалъ поперегъ входа скелетъ съ двумя серебряными серьгами въ видѣ простыхъ колецъ, съ бронзовою спиральною гривною на шеѣ и съ желѣзнымъ браслетомъ на правой рукѣ, невдалекѣ отъ него стоялъ бронзовый тазъ съ серебряною вазою, украшенной рѣзьбой. Невдалекѣ найдена была золотая трубочка съ львиной головой на концѣ. На всемъ протяженіи галлереи находимы были мелкія золотыя и костяныя украшенія, черепки, рукоятки ножей, бронзовыя и костяныя стрѣлы, желѣзныя чешуйки панцыря и т. п., вполнѣ тождественные съ предметами, найденными въ катакомбѣ. Далѣе полъ галлереи оказался заваленнымъ массою лошадиныхъ костей, между которыми валялось множество конскихъ украшеній. Изъ нихъ болѣе замѣчательны 14 четыреугольныхъ золотыхъ пластинокъ съ изображеніями лежащаго грифона, 7 изображеній барсовъ, вырѣзанныхъ изъ толстаго листоваго золота, полукруглое ажурное украшеніе (передней луки сѣдла?) съ изображеніями двухъ чудовищъ, серебряная головка козла, обложенная золотомъ, на узорной пластинѣ, служившей конскимъ налобникомъ; грубой работы, восточнаго типа золотая каемка сѣдла въ видѣ полосы листоваго золота съ завитками, имитирующими руно, серебряные обломки, обложенные листовымъ золотомъ, служившіе, можетъ быть, украшеніемъ колчана; рядъ разнообразныхъ бляхъ, изъ нихъ двѣ серебряныя, обложенныя

82. Золотая бляшка съ изображеніемъ льва, изъ Александропольскаго кургана.

83. Крылатый единорогъ оттуда-же.

золотомъ, съ розеткой въ срединѣ и четырьмя кабаньими головами по сторонамъ, бронзовая бляха, оправленная въ позолоченное серебро, съ изображеніемъ бюста женщины съ колчаномъ, вѣроятно Артемиды, и разнаго рода пластинки: пара золотыхъ — въ видѣ головъ Горгоны, серебряныя — 8 съ изображеніемъ Скиѳа охотника, поражающаго дротикомъ зайца, 16 съ изображеніемъ грифа.

84. Изображеніе крылатой Артемиды, удушающей двухъ звѣрей, изъ Александропольскаго кургана.

85. Золотая пластинка въ видѣ орла, оттуда-же.

Изслѣдованія закончились расчисткою грабительской мины, причемъ кромѣ мелкихъ вещицъ, подобныхъ найденнымъ въ катакомбѣ, отысканъ былъ золотой конскій налобникъ въ видѣ головы лошади. При окончательномъ изслѣдованіи длинной галлереи обнаружена конская могила, въ которой кромѣ вещей, тождественныхъ съ описанными выше предметами конскаго убора, найденъ былъ на этотъ разъ непотревоженный скелетъ лошади съ отлично и полно сохранившимся металлическимъ уборомъ. Къ желѣзнымъ удиламъ были прикрѣплены плоскія золотыя бляхи съ ушками, на мѣстахъ соединенія ремней возлѣ рта и ушей прикрѣплены были четыре золотыя бляхи съ изображеніемъ варварскаго, вѣроятно, скиѳскаго типа, человѣческой головы, окруженной семью бычьими (см. рис. 87); около глазъ лошади по золотой бляхѣ въ формѣ лежащаго льва, и при нихъ золотыя шапочки — ворворки для кистей; ремни унизаны были четыреугольными золотыми пластинками числомъ 11 съ растительнымъ орнаментомъ и серебряными въ томъ-же количествѣ съ изображеніемъ Скиѳа, верхомъ преслѣдующаго зайца, на лбу лошади была серебряная конская стленгида, украшенная рядами завитыхъ волосъ, согласно обычной формѣ умащенныхъ и завитыхъ волосъ, господствовавшей въ Ассиріи и Персіи, и формѣ изображенія волосъ на тѣлѣ животныхъ въ барельефахъ Ниневіи и Персеполиса; пластинка эта съуживалась къ низу, гдѣ прикрѣплялся ремешкомъ золотой налобникъ въ видѣ козла. Далѣе у обѣихъ стѣнъ галлереи лежало еще три конскихъ скелета въ богатыхъ уздечкахъ: одна была тожде-

ственна съ только-что описанной, но съ тою разницею, что 22 бляшки украшали не ремешки самой узды, но ошейникъ; другая узда украшалась только четырьмя круглыми золотыми бляхами съ орнаментомъ въ видѣ колеса; на шеѣ этой лошади было пять серебряныхъ узорчатыхъ бляхъ, шесть золотыхъ бусъ и мѣдныя цѣпочки, на которыхъ привѣшены были пять мѣдныхъ колокольчи-

86. Золотое ажурное украшеніе изъ Александропольскаго кургана.

ковъ и мѣдныя лунницы и круги; ремни третьей узды были обнизаны серебряными, золоченными трубочками, а перекрещенія ихъ украшались такими же бляхами: четыре изъ нихъ съ изображеніемъ скачущаго всадника, двѣ (у глазъ коня) съ грифомъ, ставшимъ на заднія лапы; на лбу круглая бляха съ головой Аѳины (см. рис. 88), на переносьѣ, овальная бляха съ фигурой во весь ростъ Аѳины съ совою у ногъ; концы удилъ украшались двумя круглыми бляхами съ женской головой, къ уздѣ подвѣшены были одиннадцать золотыхъ бубенцовъ и три ворворки отъ кистей. Уздечка эта греческой работы поздней римской эпохи, тогда какъ ошейникъ съ нашитымъ на него прорѣзнымъ украшеніями — грубо персидскаго стиля: украшенія эти сдѣланы изъ листоваго золота, съ изображеніями во фризѣ грифовъ, терзающихъ кабана и оленя (см. рис. 89); по концамъ ошейника широкія полуовальныя

бляхи представляютъ ажурно сдѣланныя фигуры двухъ грифовъ, поднявшихся на заднія лапы, одинъ противъ другаго (рис. 86), и грифа, напавшаго на барса.

Слѣдуя по направленію грабительской мины, раскопки привели къ открытію третьей ямы, имѣвшей въ планѣ форму трапеціи.

Въ ней найдены были остатки колесницы, окованной желѣзомъ, о шести колесахъ. Возлѣ обломковъ колесницы найдены были вещи, служившія, вѣроятно, для украшенія колесницы или ея намета: 89 золотыхъ ажурныхъ бляшекъ, 33 золотыхъ пуговки съ ушками, 70 мелкихъ золотыхъ бусъ, 89 мелкихъ бусъ изъ голубаго стекла.

87. Золотая бляха, украшавшая узду, изъ Александропольскаго кургана.

Въ корридорѣ, ведшемъ изъ ямы въ круглую катакомбу, кромѣ костей животныхъ найдено было 20 круглыхъ бронзовыхъ бляхъ и 12 бронзовыхъ же поломанныхъ пластинокъ разной величины и формы, нѣкоторыя изъ нихъ въ видѣ конскихъ головокъ. Круглая катакомба имѣла около 5 аршинъ въ діаметрѣ; на полу ея лежалъ скелетъ головой на сѣверо-западъ, слѣва отъ него двѣ винныхъ амфоры съ клеймами времени Босфорскихъ царей. Около остова найдены были золотыя бляшки: 7 продолговатыхъ съ неяснымъ изображеніемъ, 5 круглыхъ съ бордюромъ, одна крестообразная, 3 пуговицы, 3 трубочки, двѣ голубыхъ бусины изъ смальты съ глазками, въ изголовьи лежала истлѣвшая ткань съ мелкими серебряными вещицами: 22 подвѣски въ видѣ амфорокъ (у Римлянъ называвшіяся *сталагмитами*), 60 цилиндрическихъ трубочекъ отъ мониста, 17 круглыхъ бусъ (бубенчиковъ). Значительно выше головы остова лежало серебряное веретено.

Богатство погребальнаго содержанія Александропольскаго кургана тѣмъ болѣе является значительнымъ фактомъ въ исторіи скиѳскихъ древностей, что разслѣдованіемъ кургана дознано, что онъ былъ уже разграбленъ при помощи мины, поведенной изъ боковой ямы сперва неудачно, впрочемъ, только потому, что она была не доведена до катакомбы, а потомъ съ успѣхомъ, короткимъ боковымъ рукавомъ, приведшимъ въ длинную галлерею, гдѣ лежали лошади и рабы мертваго царя; но грабители, видимо, должны были спѣшить, такъ какъ отъ ихъ минъ потревожены были потолки катакомбъ и галлереи, и нѣкоторыя, быть можетъ, и вовсе обрушились; лишь нѣсколько остововъ лошадей оставлены нетронутыми, все же остальное, кромѣ скелета раба, было перерыто и разграблено, но множество золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ бляшекъ и другихъ украшеній было или растеряно, или брошено; по той-же причинѣ не потревожили, вѣроятно, и похороненнаго въ круглой катакомбѣ.

*

Что касается времени, къ которому нужно отнести устройство этого кургана, то указаніями служатъ надписи на винныхъ амфорахъ, нѣкоторыя бляшки, сходныя съ бляшками изъ кургана Куль-Оба и присутствіе росписныхъ сосудовъ.

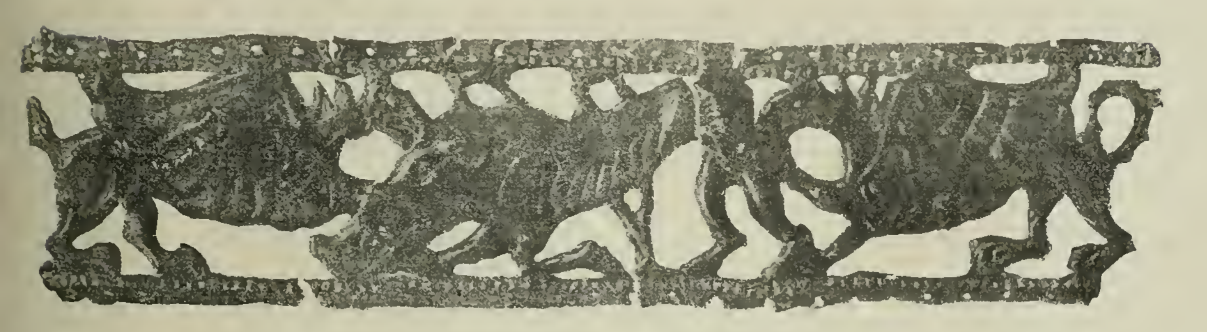
88. Бронзовый медальонъ отъ конской сбруи изъ Александропольскаго кургана.

Выдѣлка послѣднихъ прекратилась около II вѣка до Р. Х.; черепки греческой росписной и украшенной рельефами и позолотой посуды Александропольскаго кургана — работы грубой, которая никакъ не древнѣе II вѣка до Р. Х. и притомъ замѣчательна ихъ малочисленность въ погребальной обстановкѣ.

Поразительный примѣръ тождества бляшекъ Луговой Могилы съ Куль-Обскими представляютъ головы Горгоны. Золотая головка оленя съ подвѣской во рту схожа съ такой-же головкой, найденной въ Аджи-Мушкаѣ близь Керчи въ курганѣ; нѣкоторыя изъ остальныхъ бляшекъ хотя и не тождественны съ Куль-Обскими, но весьма сходны съ ними своею формою: таковы бляшки въ видѣ розетки, гроздей, въ видѣ пирамидокъ, зернью, цвѣтка и крестообразной розетки. Тождество одного рода и сходство нѣскольскихъ бляшекъ, столь отдаленныхъ одна отъ другой могилъ варварскихъ, по всему вѣроятію, сарматскихъ царей, указываетъ на пользованіе одними матрицами для выдѣлки украшеній костюма варварскихъ царей и на приблизительную одновременность погребеній; вещи Куль-Оба дѣланы, вѣроятно, на Босфорѣ, а потому и тождественныя съ ними произведенія, находимыя на западъ отъ Днѣпра, или пришли оттуда-же, или

сдѣланы были по босфорскимъ шаблонамъ, между тѣмъ какъ конскіе уборы отчасти принесены были съ востока, или же сдѣланы мѣстнымъ мастеромъ по восточнымъ образцамъ.

Въ 1859 году И. Е. Забѣлинъ изслѣдовалъ группу кургановъ у Геремесова хутора, верстахъ въ 50 къ юго-востоку отъ Александропольской могилы и верстахъ въ 10 отъ Днѣпра.

89. Золотое ажурное украшеніе изъ Александропольскаго кургана.

Геремесовская группа состояла изъ двухъ большихъ кургановъ «близнецъ» и нѣсколькихъ малыхъ. Одинъ изъ нихъ (южный) былъ раскопанъ раньше, въ неизвѣстное время. Вышина его была около трехъ саженъ, діаметръ около 25, сѣверо-восточные бока кургана были круче остальныхъ; съ этой-же стороны шли небольшой валъ и ровъ, и подошва кургана обложена была камнемъ. Прежняя раскопка ведена была безъ записей и поэтому свѣдѣній объ устройствѣ и содержаніи южной могилы нѣтъ, — извѣстно только, что въ ней найдены были мелкія золотыя украшенія отъ платья и сбруи. При новыхъ раскопкахъ того-же кургана обнаруженъ былъ въ трехъ саженяхъ отъ подошвы поясъ большихъ камней, подпиравшій насыпь; далѣе, на материкѣ лежалъ слой угольевъ и золы; въ срединѣ, на мѣстѣ могилы, уничтоженной прежними раскопками, найдена была небольшая, золотая, круглая бляшка съ изображеніемъ борьбы звѣрей. Прямо съ сѣвера, въ глубь кургана велъ корридоръ, начинавшійся съ поверхности материка и увеличивавшійся по мѣрѣ приближенія къ центру; настоящей величины его опредѣлить было невозможно, такъ какъ стѣнки и потолокъ его осыпались. Входъ въ корридоръ былъ заваленъ черноземомъ и камнями; отъ него, въ срединѣ кургана, шло на западъ другое, подобное-же подземелье, которое до конца изслѣдовано не было. На полу обѣихъ подземелій попадались разбросанными человѣческія кости и обломки мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей, а близь соединенія подземелій въ кучкѣ найдены были слѣдующія вещи: большая золотая пластинка, крайне грубой работы, съ изображеніемъ битвы коннаго и пѣшаго варвара, съ луками у пояса, въ панцыряхъ (рис. 90); три золотыя трубки, кончающіяся каждая двумя львиными головами, со слѣдами ремня внутри, золотыя бусины: одна большая и 4 маленькихъ и золотая чашечка.

Въ центрѣ другаго кургана найдено сверху: разбитый сосудъ черной глины, кости птичьи, овечьи, лошадиныя, бычачьи. Въ центрѣ кургана, въ материкѣ вырыта была могила, покрытая досками, лежавшими на кругликахъ. Скелетъ лежалъ на подстилкѣ, на спинѣ, съ согнутыми ногами; никакихъ вещей, кромѣ

90. Золотая бляха изъ «Геремесовскихъ» кургановъ.

кусочковъ темнокрасной краски, найдено въ могилѣ не было. Кромѣ этой могилы открыто было въ первомъ раскопѣ еще шесть, около одной изъ которыхъ былъ слой угольевъ и золы.

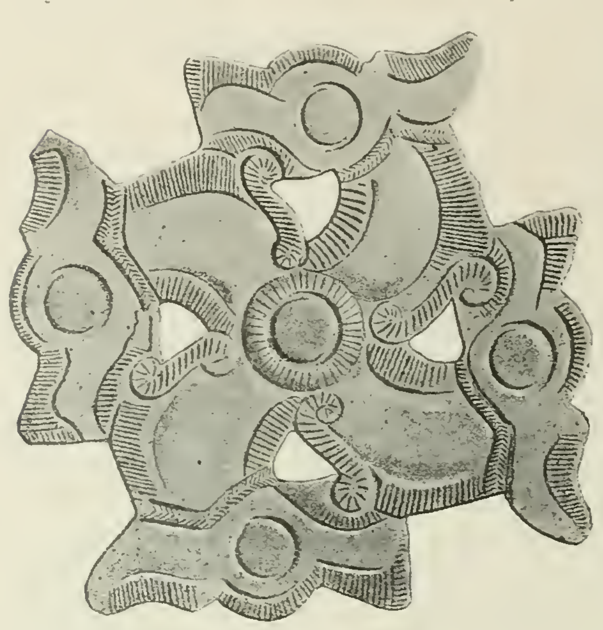
Во второмъ раскопѣ найдены были слѣды какъ-бы шалаша изъ кругляковъ, соломы и хвороста, подъ которымъ лежали 4 воловьи ноги и челюсть, а на $^1/_2$ арш. ниже и скелетъ «въ утробномъ положеніи» съ горшкомъ близь головы; рядомъ открыта была обширная круглая могила, вырытая въ материкѣ въ видѣ небольшой пещеры, со входомъ съ сѣверо-запада, стѣны были вымазаны глиной. Въ могилѣ найдены были 3 скелета, въ скорченномъ положеніи, при одномъ горшокъ изъ черной глины и кусочки красокъ красноватой, фіолетовой и желтой.

По другую сторону этой могилы оказалась еще другая со скорченнымъ скелетомъ. Такія-же погребенія оказались и въ близь лежащемъ «долгомъ» (элипсической формы) курганѣ. Во всѣхъ многочисленныхъ могилахъ кромѣ глиняныхъ сосудовъ и кусочковъ краски найдено было только: кремневый наконечникъ, копье, да бронзовый кинжалъ, которые, такимъ образомъ, являются орудіями позднѣйшаго времени варваровъ, и не имѣютъ никакого отношенія къ предполагаемому каменному и бронзовому вѣку. Очевидно, что рядъ этихъ родовыхъ могильниковъ кочеваго племени былъ образованъ въ теченіи извѣстнаго періода его стоянки въ данной мѣстности, и содержаніе кургановъ разнится не по времени, но по состоянію погребенныхъ.

Южная близница, содержавшая, какъ видно по бляхѣ, не мало любопытнаго, была, къ сожалѣнію, расхищена отчасти древнимъ грабежомъ — если можно считать подземелье дѣломъ грабителей, — и новой раскопкой безъ веденія журнала. Бляшки, найденныя при этой раскопкѣ, имѣютъ большое сходство, но не тождество, такъ какъ работа ихъ весьма груба, съ бляшками прочихъ, скиѳскихъ кургановъ, особенно Александропольскаго; изъ нихъ особенно интересна бляшка въ видѣ человѣческой головы по сходству (а можетъ быть и тождеству) съ такою же бляшкой, найденной въ Чертомлыцкомъ курганѣ на западъ отъ Днѣпра, и другой, найденной далеко на востокъ, на берегахъ Киммерійскаго Босфора, что даетъ ясное указаніе о времени возведенія кургана (послѣ Рождества Христова). Вещи, найденныя при второй раскопкѣ (кромѣ бусъ обычной формы), характерны своимъ отчасти варварскимъ, вѣроятно, мѣстнымъ (бляха съ воинами), отчасти занесеннымъ съ востока (борьба звѣрей, львиныя головы) стилемъ, которымъ отмѣчена также и бляшка съ странной человѣческой головой съ бычачьими ушами (?), найденная при первой раскопкѣ.

Въ 1860 году И. Е. Забѣлинъ изслѣдовалъ «Толстую могилу», близь Краснокутской станціи, по дорогѣ изъ Екатеринославля въ Никополь. При приближеніи къ материку найдены двѣ кучи обломковъ погребальной колесницы, конской сбруи и ихъ украшеній. Здѣсь лежали обломки желѣзныхъ шинъ, полосъ для скрѣпленія кузова и другихъ частей повозки, гвозди, 8 колесныхъ втулокъ, до 70 штукъ перержавѣвшихъ желѣзныхъ удилъ, 10 мѣдныхъ золоченыхъ втулокъ для насаживанія на древки съ украшеніями на верху въ видѣ грифона, пожирающаго животное, крылатаго льва и птицы съ распущенными крыльями; въ петляхъ двухъ изъ втулокъ сохранились куски ремней; множество бронзовыхъ бляхъ, нашитыхъ нѣкогда на холстъ, какъ видно по остаткамъ его, двѣ запоны въ видѣ цвѣтка. Однѣ бляхи могли украшать балдахинъ колесницы, тогда какъ другія служили, видимо, для украшенія коней, какъ напримѣръ 10 большихъ круглыхъ бляхъ, висѣвшихъ на цѣпочкѣ, 8 бляхъ въ видѣ полумѣсяца также на цѣпочкѣ, и 16 колокольчиковъ, висѣвшихъ на желѣзной цѣпочкѣ; на землѣ кучкой лежали 54 стрѣлы. Погребальная колесница была, вѣроятно, разломана и затѣмъ уже обломки сложены были въ кучи по сторонамъ дороги, по которой пронесли въ могилу умершаго. Въ центрѣ кургана оказались три могильныхъ ямы; имѣвшихъ направленіе отъ востока къ западу. Одна изъ нихъ, покрытая сверху досками и соломой, содержала четырехъ коней, положенныхъ на бокъ головами

къ центральной могилѣ ихъ хозяина. Всѣ кони были въ уздечкахъ съ серебрянымъ наборомъ и желѣзными удилами. Одна узда украшалась налобникомъ — плоскою серебряною бляшкою, на которой раздѣланы крылья, а среди нихъ подымается самая головка грифа, того-же характера, что въ Луговой Могилѣ, съ наушниками, въ видѣ птицы, отъ которой сохранились крылья.

91. Серебряная бляха отъ удилъ, изъ Краснокутскаго кургана.

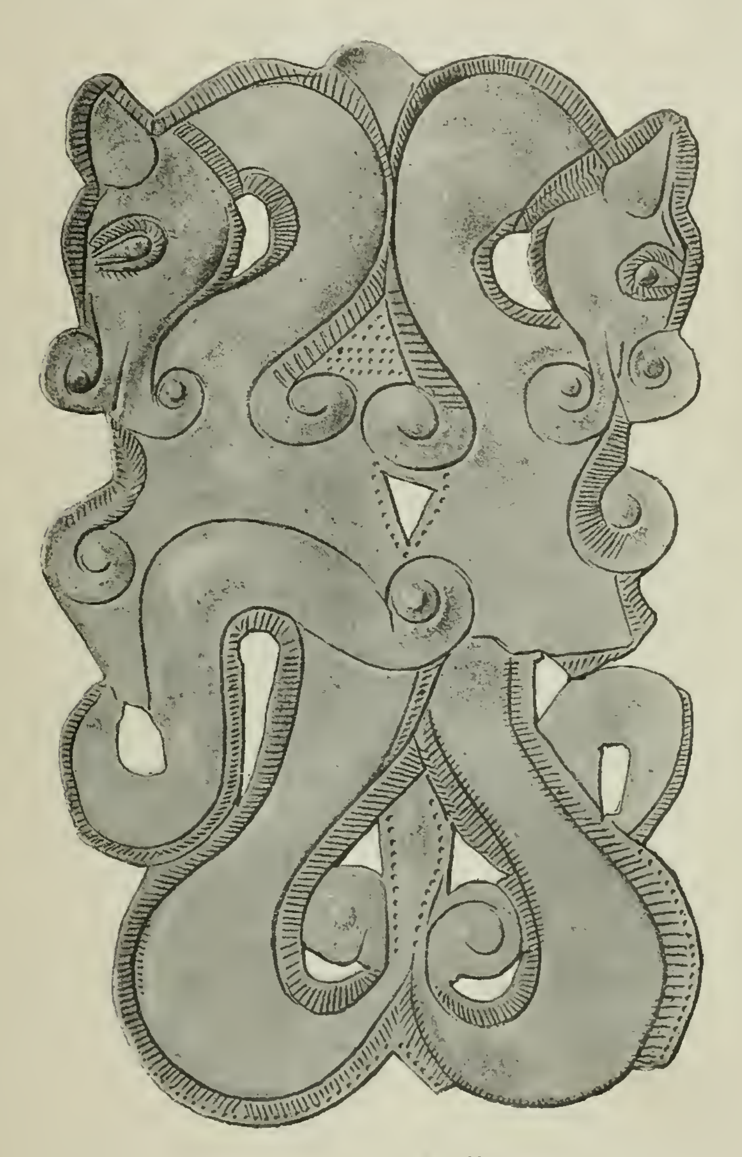
Четыре прорѣзныя бляхи отъ усиковъ удилъ имѣютъ форму вращающагося о четырехъ спицахъ колеса, составленнаго изъ шей и головъ грифовъ: подобныя украшенія встрѣчаются впослѣдствіи въ древностяхъ Кавказа, а также Скандинавіи; двѣ бляхи имѣли видъ солнечныхъ дисковъ, орнаментированныхъ звѣздою о 8 лучахъ. На прочихъ уздахъ особенно любопытна пара нащечниковъ, въ формѣ продолговатыхъ серебряныхъ пластинокъ, прорѣзныхъ, и съ гравированнымъ изображеніемъ двухъ бюстовъ лошадей, спинами другъ къ другу, подымающихся изъ пальметки.

Тождество по рисунку этого предмета съ рѣзными коньками русскихъ избъ обращаетъ на себя тѣмъ болѣе вниманія, что оно является связующимъ звеномъ между урало-алтайскими художественными типами и звѣринымъ орнаментомъ европейскаго сѣвера.

Въ курганѣ обнаружены были еще двѣ могильныя ямы, но обѣ разграбленныя, и только въ грабительской минѣ найдена была золотая бляшка, въ формѣ розетки, и обломки меча. Третье подземелье, также разграбленное и обвалившееся, заключало въ себѣ лишь малоцѣнныя вещи: восемь амфоръ, стоявшихъ у стѣнъ, желѣзную оковку сундука, изъ котораго все было вынуто, и, въ безпорядкѣ, кости человѣческія и лошадиныя, бронзовыя стрѣлы, такой-же перстень съ эмалью и разныя обломки.

Вещи Краснокутскаго кургана, уцѣлѣвшія отъ грабителей, даютъ нѣкоторыя указанія на время погребенія: золотая бляшка тождественна съ бляшками Александропольскаго кургана и схожа по виду съ Куль-Обскими. Но грифы и птицы на втулкахъ инаго вида и стиля, чѣмъ тѣ-же украшенія Александропольскаго кургана. Грифы и птицы Краснокутскіе сдѣланы не такъ сухо и схематично, какъ Александропольскіе, то-же замѣчается и въ орнаментѣ подножья грифовъ: орнаментъ этотъ, состоящій изъ оновъ, на Краснокутскомъ грифѣ выработанъ полно, на Александропольскихъ сокращенъ въ схему.

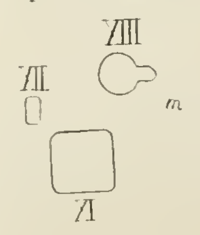
Въ 20-ти верстахъ къ сѣверо-западу отъ мѣстечка Никополя, лежащаго на правомъ берегу Днѣпра, находится огромный курганъ *Чертомлыцкій*, окруженный другими, небольшими.

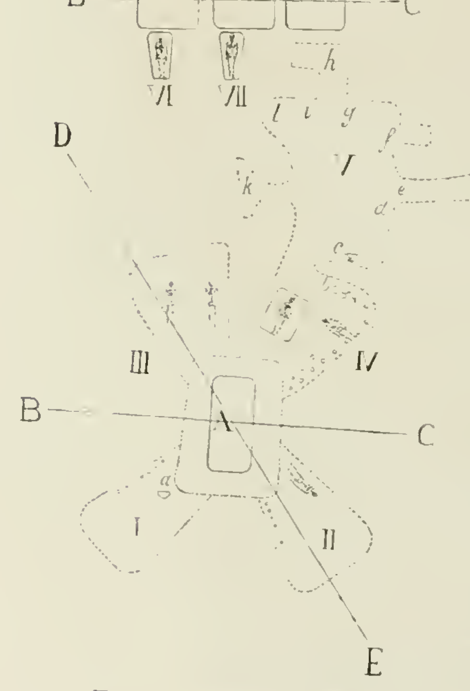

92. Серебряный конскій нащечникъ, изъ Краснокутскаго кургана.

Сама Чертомлыцкая могила достигала прежде 9 саженъ вышины, имѣла болѣе 165 саж. въ окружности по подошвѣ, обложенной саженъ на 9 вверхъ по склону камнями; сѣверный склонъ ея, особенно въ верхней половинѣ кургана, былъ гораздо круче остальныхъ и подпирался камнями. На вершинѣ стояла каменная баба, пользовавшаяся въ народѣ суевѣрнымъ поклоненіемъ, на которое указывали и

разсказы, и нахожденіе при раскопкѣ около нея мѣдныхъ монетъ нашего времени. Съ сѣверной стороны замѣтна была яма около 4-хъ саженъ въ діаметрѣ—слѣдъ мины, проведенной отсюда въ центръ кургана. По описанію прошлаго вѣка (*Зуева*—1781—82), «вокругъ, видно, курганъ также былъ окладенъ известковымъ каменьемъ, потому что сколь много по степи, подъѣзжая къ ему, его валялось, больше того на сей художественной горѣ его было». Старожилы разсказывали, что отъ кургана къ востоку, на протяженіи около полутора верстъ до небольшихъ «близницъ» обозначена была нѣсколькими рядами каменьевъ какъ-бы дорога, что замѣчалось и у нѣкоторыхъ другихъ кургановъ тѣхъ мѣстъ, напр. у «близницъ» Томаковской и Слоновской, въ скиѳскихъ курганахъ близь Евпаторіи и Херсона. Раскопка начата была въ 1862 году съ вершины кургана. Уже съ полусаженной глубины начали попадаться различные предметы конской упряжи и убора, а на глубинѣ около 3-хъ саженъ обнаружилась цѣлая куча разнаго рода украшеній, преимущественно конскихъ, весьма попорченыхъ ржавчиной, совершенно истребившей серебряныя вещи. Здѣсь-же найдено было и нѣсколько золотыхъ украшеній: два нащечника изъ листоваго золота, въ видѣ крыльевъ, и 56 пластинокъ того-же типа и другихъ, въ формѣ стрѣловидныхъ листьевъ и рубчатыхъ ленточекъ. Всѣ эти украшенія были прибиты къ ремнямъ золотыми гвоздиками.

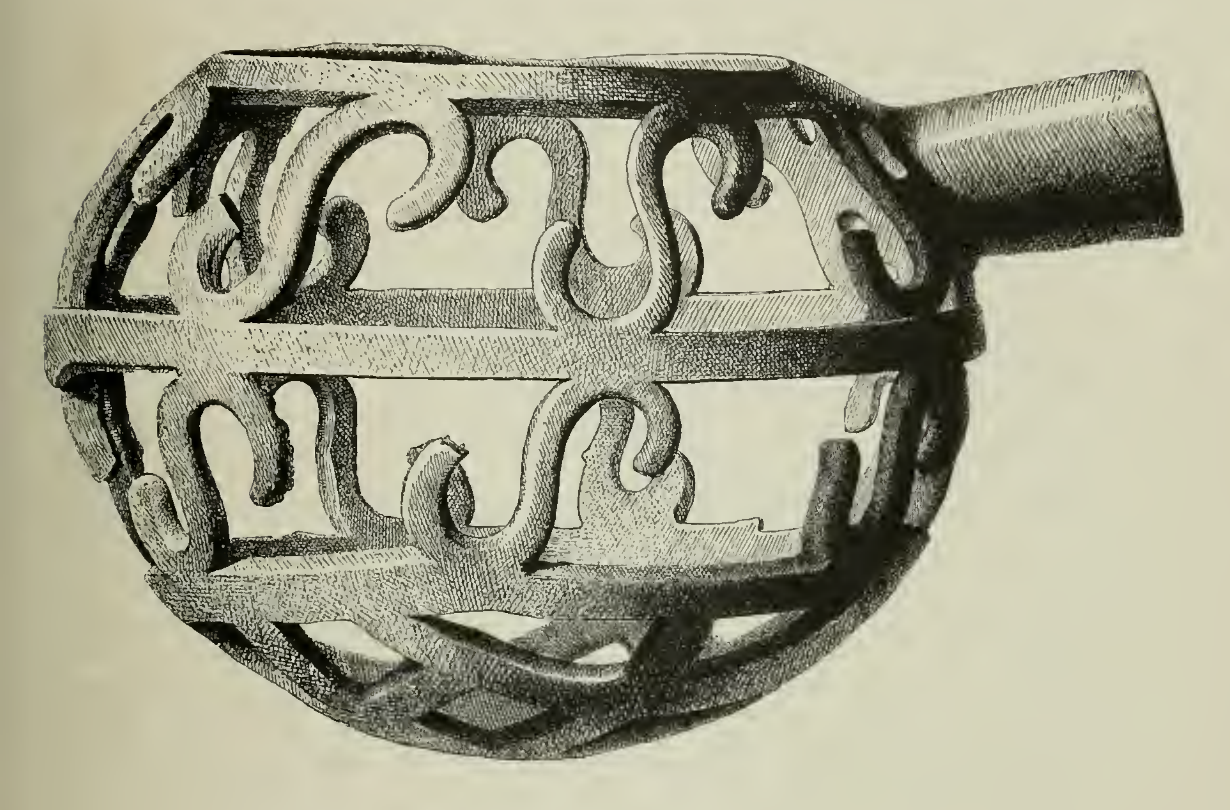

93. Планъ гробницъ Чертомлыцкаго кургана.

Бронзовыхъ вещей было множество: прорѣзная жаровня (?) съ ручкою для насаживанія на палку (рис. 94); шесть втулокъ прорѣзныхъ съ птичкою на верху (тождественны съ находками Александропольскими и Краснокутскими). Тѣ-же прорѣзныя бляхи, что́ въ упомянутыхъ курганахъ, но прибивавшіяся гвоздями на рукоять, на этотъ разъ съ изображеніемъ единороговъ (?) въ двухъ парахъ. Семь конскихъ налобниковъ имѣютъ обычный типъ головы крылатаго козла. Оригинальны конскія бляхи въ видѣ диковинныхъ звѣриныхъ головъ, которыя даютъ уже орнаментъ, и какъ подобныя-же бляхи Семибратняго кургана, имѣютъ особо важное значеніе въ исто-

ріи образованія «сѣвернаго» звѣринаго стиля на югѣ Европы. Къ конскому убору относится множество петлей, пуговицъ, колокольчиковъ, бубенцовъ, трубочекъ, ленточекъ, подвѣсокъ въ видѣ полумѣсяца. Къ личному убору принадлежитъ шейная бронзовая гривна въ видѣ гладкаго раздвижнаго кольца. Въ

94. Бронзовая прорѣзная жаровня (?) изъ Чертомлыцкаго кургана.

той-же кучѣ найдено было до 250 желѣзныхъ удилъ. Ниже въ насыпи нашлись черепки грубаго сосуда изъ черной глины и греческихъ амфоръ, двѣ ручки ихъ были даже съ клеймами, нѣсколько желѣзныхъ удилъ, бронзовыхъ баранчиковъ, наконечниковъ стрѣлъ и пуговицъ.

Когда въ 1863 году насыпь была снята до материка, то въ немъ обнаружилась центральная могильная яма, расположенная съ востока на западъ, и другая примыкавшая къ ней съ сѣверо-запада, и три квадратныхъ ямы саженяхъ въ 7 отъ центральной, вытянутыя въ линію съ сѣвера на югъ (на планѣ, рис. 93, подъ № VIII, IX, X); къ востоку отъ нихъ находились двѣ продолговатыхъ могилы, и далѣе на западъ 3 могилы, содержавшія въ себѣ только скелеты да простые горшки; такого-же бѣднаго содержанія была и могила въ восточномъ концѣ насыпи, заключавшая безголовый остовъ съ желѣзнымъ кинжаломъ.

Три квадратныхъ могилы были конскія; на одномъ конѣ сохранилось сѣдло,

украшенное золотыми пластинками, и уздечка съ золотымъ наборомъ, на другихъ коняхъ украшенія были серебряныя. Они состояли изъ описанныхъ выше налобниковъ, рѣзныхъ бляхъ, ворворокъ и выпуклыхъ бляхъ съ ушками.

Во второй могилѣ лежало 4 коня: два осѣдланныхъ съ золотыми украшеніями и два съ серебряными безъ сѣделъ. У одного коня на шеѣ былъ бронзовый наборъ изъ трехъ большихъ овальныхъ бляхъ, 10 бляхъ въ видѣ полумѣсяца и 8 колокольчиковъ. Въ третьей могилѣ лежало тоже 4 коня: 3 въ золотыхъ уздечкахъ и сѣдлахъ съ золотомъ и одинъ въ серебряной уздѣ безъ сѣдла, на шеѣ у одного изъ первыхъ былъ бронзовый уборъ, сходный съ выше описаннымъ. Головы всѣхъ одиннадцати коней обращены были къ центральной могилѣ. Къ востоку отъ конскихъ могилъ находились двѣ могилы конюшихъ, лежавшихъ головами на западъ (на планѣ VI и VII). Въ южной лежалъ остовъ съ золотой серьгой, въ видѣ двулицей человѣческой головы, въ правомъ ухѣ, съ серебряною, обложенною золотомъ, гривною, золотымъ, витымъ перстнемъ и кожанымъ колчаномъ. На прахѣ другаго конюшаго была золотая витая гривна, колчанъ съ шестьюдесятью бронзовыми стрѣлами на тростниковыхъ древкахъ съ красными поясками.

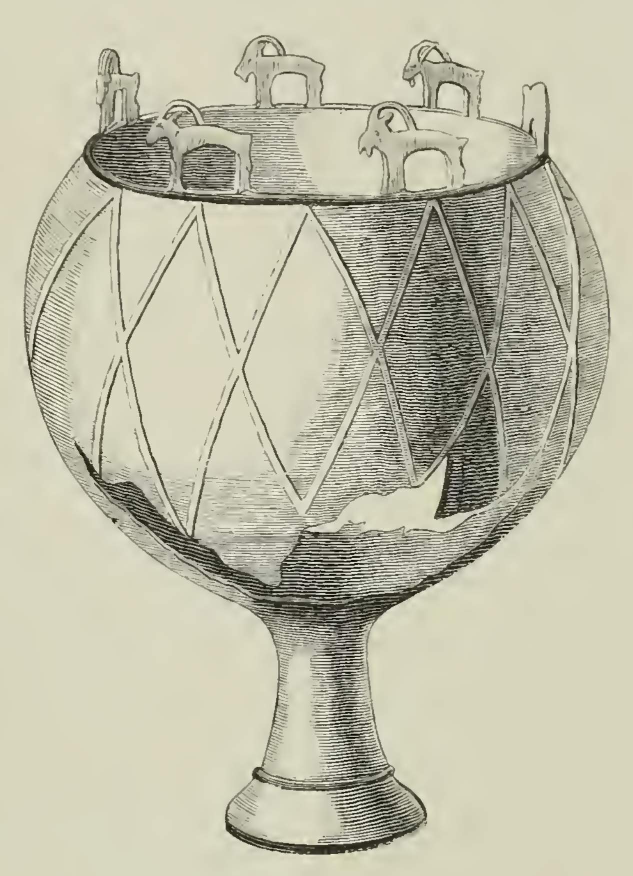
Сбоку крайней на сѣверъ конской могилы находилась обширная центральная пещера (на планѣ V), происшедшая отъ раскопокъ кладоискателей, достигшихъ центра черезъ мину или шахту, шириною въ 1 $^1/_2$ аршина, устроенную сводомъ и направленную съ сѣверной полы кургана. Это подземелье тянулось отъ конскихъ могилъ, имъ нетронутыхъ, въ разстояніи лишь одного аршина, до центральной могилы и образовывало по сторонамъ нѣсколько углубленій, какъ-бы пещерокъ, которыми грабители доискивались мѣста гробницы. Все это подземелье, заваленное сплошь землею, оказалось усѣяно мелкими и уставлено крупными предметами, вынутыми изъ центральной и боковыхъ гробницъ: грабители, видимо, собирались вынести ихъ черезъ мину, когда послѣдовалъ обвалъ, накрывшій вещи и воспрепятствовавшій работамъ. Вещи были найдены въ полномъ безпорядкѣ. Уже близь конской могилы въ углубленіи *b* стояло бронзовое перержавѣвшее и поломанное землею ведерце, слой перетлѣвшей кожи или ткани, а въ немъ множество золотыхъ бляшекъ: 20 бляшекъ съ изображеніемъ сидящей женской фигуры и стоящаго передъ ней варвара (см. рис. 95); 70 бляхъ горгонейона (вып. I, рис. 92), 103 — въ видѣ розетки, 503—въ видѣ пирамидки съ зернью, одна въ видѣ головы Горгоны съ пятью подвѣсками, два обломка въ видѣ крыльевъ и множество пуговицъ.

95. Золотая бляшка изъ Чертомлыцкаго кургана.

Въ другомъ углубленіи, на пространствѣ квадратной сажени найденъ былъ рядъ разнаго рода золотыхъ украшеній: бляхъ, бусъ, трубочекъ, гладкій наконечникъ съ ноженъ меча, накладки листоваго золота въ видѣ растительныхъ орнаментовъ (одна на желѣзной полосѣ), прорѣзныя накладки съ такимъ-же орнаментомъ, золотой перстень съ изображеніемъ быка, другой съ изображеніемъ собаки, золотое кольцо, согнутое изъ проволоки.

Въ третьей нишѣ въ стѣну оказались воткнутыми три меча съ золотыми ручками варварской работы; на полу, кромѣ множества золотыхъ бляшекъ, пуговицъ, трубочекъ, лежали: большая золотая накладная пластинка отъ колчана съ слѣдами дерева, золотая полоска отъ боковъ его, золотая-же пластинка отъ ноженъ меча, два желѣзныхъ меча съ золотыми ручками, одинъ варварской, а другой персидской работы, точильный камень или мусатъ съ золотой ручкой, золотая бляха въ формѣ листика съ вытиснутыми на ней грифами и кучка бронзовыхъ стрѣлъ. Дальше, на полу стоялъ бронзовый свѣтильникъ о семи рожкахъ.

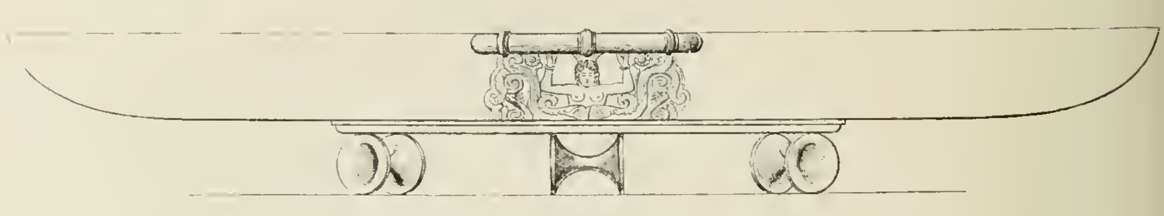

96. Бронзовый казанъ изъ Чертомлыцкаго кургана.

Около начала самой мины найденъ былъ скелетъ — одного изъ грабителей, раздавленнаго обваломъ. У сѣверной стороны подземелья открыли огромный бронзовый казанъ на ножкѣ съ фигурами козловъ по борту съ конскими костями и черепомъ внутри, рядомъ стоялъ другой подобный котелъ поменьше съ двумя простыми ручками, наполненный костями жеребенка, между которыми была желѣзная черпалка. Оба котла были закопчены снизу. Посреди подземелья на полу передъ миной нашлось нѣсколько мелкихъ золотыхъ украшеній и 6 черепковъ отъ греческой глиняной, покрытой черной поливой чаши. Въ особой нишѣ найдена бронзовая позолоченная, но поломанная чаша съ поддономъ; въ сводѣ надъ нею воткнутъ былъ желѣзный крючекъ, на полу около сосуда лежалъ кожаный, истлѣвшій колчанъ съ бронзовыми стрѣлами, а слѣва въ углу мечъ съ золотой рукояткой, золотая ручка точильнаго камня сканной работы, два звена серебряной витой цѣпочки и два ножа съ костяными рукоятками. У западной стѣны подземелья на аршинъ выше материка найденъ неполный раздавленный скелетъ, и нѣсколько бронзовыхъ стрѣлъ.

Далѣе къ Востоку подземелье образовывало корридоръ, связывавшій его съ другимъ подземельемъ (на планѣ IV) и захватившимъ центральную могилу. Здѣсь (*b*), въ толщѣ глины, у западной стѣны, найдена была знаменитая Чертомлыцкая *серебряная ваза;* рядомъ съ нею стояло огромное серебряное блюдо, украшенное

растительнымъ орнаментомъ и фигурными ручками; на блюдѣ лежала серебряная черпалка, ручка которой оканчивается собачьей головой. Около южной стѣны подземелья найдены были въ глинѣ остатки дерева, и слѣды синей, голубой, зеленой и желтой красокъ, тянувшіеся болѣе сажени длиной, 2 аршинъ шириною и около аршина въ вышину; на этомъ ложѣ лежалъ женскій остовъ головой къ западу, въ богатомъ убранствѣ: на лбу была золотая лента, украшенная растительнымъ орнаментомъ; по сторонамъ черепа двѣ золотыя серьги въ видѣ кольца съ семью подвѣсками весьма грубой работы; головной уборъ кромѣ пластинки укра-

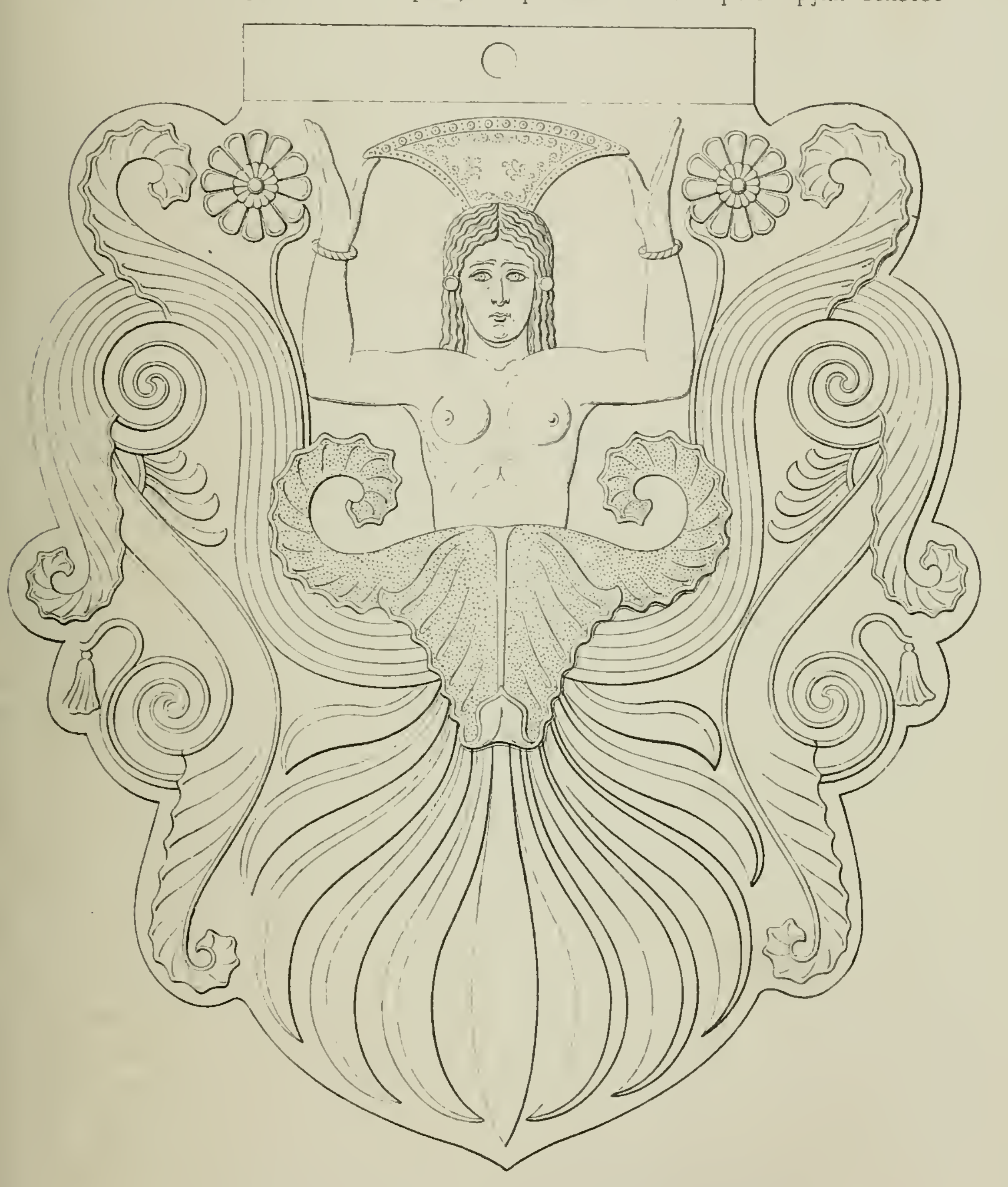

97. Серебряное блюдо изъ Чертомлыцкаго кургана.

шался еще 29 бляшками въ видѣ цвѣтовъ, 20 въ видѣ розетокъ и семью пуговками. Кромѣ того голова и часть туловища покрыта была пурпурнымъ покрываломъ, какъ видно по слѣдамъ ткани этого цвѣта подъ нѣкоторыми изъ 57 золотыхъ четыреугольныхъ бляшекъ съ изображеніемъ сидящей женщины съ зеркаломъ и стоящаго предъ ней скиѳа. Бляшки эти образовывали рядъ выше черепа вершковъ на 8, составляя надъ нимъ треугольникъ съ закругленной вершиной, и потомъ спускаясь къ плечамъ и доходя до кистей рукъ. Очевидно, онѣ представляли уборъ остроконечнаго скиѳскаго колпака или женскаго клобука съ длинными лентами. Любопытно, что металлическіе остатки подобнаго-же клобука на головѣ, повидимому, сарматской царицы найдены въ Куль-Оба, а изображенъ такой клобукъ на головѣ царицы (?), представленной на остроконечной высокой бляшкѣ, украшавшей подобный колпакъ и найденной въ курганѣ близь Крымской станицы Кубанской области г. Фелицынымъ въ 1888 году. На рукахъ погребенной въ Чертомлыцкомъ курганѣ женщины были золотые браслеты, въ видѣ широкихъ плоскихъ обручей съ ребромъ по срединѣ, на каждомъ изъ пальцевъ было по кольцу: 9 съ большими гладкими бляхами и одно на правомъ мизинцѣ съ изображеніемъ летящей утки. Подлѣ правой руки лежало бронзовое зеркало съ костяной ручкой, на немъ отпечатался кусокъ голубой матеріи. Близь гроба этой женщины, на полу, оказался лежащимъ скелетъ головой къ гробу; на рукахъ его были браслеты бронзовый и желѣзный, у лѣваго бока ножикъ съ костяной ручкой, а пониже кучка бронзовыхъ стрѣлъ, слѣва лежала глиняная амфора. 13 такихъ-же амфоръ стояли вдоль всей сѣверной стѣны подземелья.

Центральная могила (на планѣ А) была совершенно разбита грабителями, и въ ней найдены были только слѣды ложа, выкрашеннаго голубой и красной краской. Изъ нея выходили по угламъ четыре ниши, съуженныя у входа и расширявшіяся до двухъ саженъ на концѣ. Въ сѣверо-восточномъ отдѣленіи (II) стѣны стояло шесть амфоръ, посреди него найдено бронзовое зеркало съ желѣзной ручкой: близь

входа лежалъ скелетъ, на шеѣ у него была гладкая бронзовая гривна, близь головы золотая привѣска отъ серьги; на среднемъ пальцѣ правой руки золотое

98. Украшеніе ручекъ того-же блюда въ натуральную величину.

спиральное кольцо, у лѣваго бока ножикъ съ костянымъ черенкомъ и 67 бронзовыхъ стрѣлъ съ слѣдами кожанаго колчана. Въ головахъ остова собрано было нѣсколько золотыхъ и костяныхъ вещей, составлявшихъ ручку или нѣсколько ручекъ отъ нагайки или лука: золотыя орнаментированныя бляхи, наконечники, спиральныя ленты, ободки и костяные обломки. По всему полу попадалось множество золотыхъ бляшекъ: четыреугольныхъ съ изображеніями лежащаго тельца (одна бляшка), двухъ цвѣтковъ (25), фантастическаго животнаго (64), льва, терзающаго оленя (7), варвара, борющагося съ грифомъ (10), грифа (31), зайца (45), круглыхъ, съ изображеніями розетки (12), человѣческой бородатой головы (130), головы Горгоны, съ пятью привѣсками (24), одной головы Горгоны (27), двулицей головы Аѳины и льва (3), Геракла, удушающаго льва (33), борьбы льва со сфинксомъ (одна бляшка), пирамидокъ съ зернью (24), множество дутыхъ подвѣсокъ, бусъ, трубочекъ, пуговицъ и другихъ нашивокъ на одежду. Особо любопытны ленты изъ листоваго золота съ разнообразными растительными украшеніями, битвами звѣрей и чудовищъ (наприм. рядами фантастическихъ животныхъ), а нѣкоторыя и гладкія, величина которыхъ достигаетъ 14 дюймовъ длины. Ленты эти, судя по дырочкамъ на нихъ, нашивались на головные уборы и кафтаны; для той-же цѣли служили и найденныя тутъ полоски, къ которымъ, при помощи особыхъ крючечковъ, привѣшены дутые репейки. Вся масса этихъ украшеній была, кажется, вмѣстѣ съ одеждами, на которыя они были нашиты, развѣшены по стѣнамъ и сводамъ подземелья на особыхъ, найденныхъ уже въ рухнувшей глинѣ, желѣзныхъ крючкахъ. Изъ предметовъ, не служившихъ для нашивки на одежду и найденныхъ въ этомъ подземельи, кромѣ выше описанныхъ, упомянемъ серебряную сильно поврежденную ложку, двѣ золотыя дутыя запонки, въ видѣ сидящихъ сфинксовъ съ серебрянымъ крючкомъ каждая, костяныя дощечки и ихъ обломки съ позолотою, украшавшія, вѣроятно, ларчикъ.

Въ юго-восточномъ подземельи (I) стоялъ небольшой мѣдный котелъ на ножкѣ, далѣе — 5 амфоръ, а передъ ними лежалъ скелетъ, отъ котораго сохранился только слой извести, кучки бронзовыхъ стрѣлъ со слѣдами кожаныхъ колчановъ и 5 желѣзныхъ ножей съ костяными рукоятками; въ углу стрѣлы поставлены были рядами по обѣимъ стѣнамъ, стояло ихъ тутъ около полутораста; нѣкоторыя изъ нихъ найдены были при раскопкѣ вполнѣ цѣлыми съ древками около аршина длиной. Въ томъ-же углу найдены были остатки, повидимому, ковра. Вдоль стѣны собрано было много украшеній одежды, висѣвшей на желѣзныхъ крючьяхъ на сводѣ и стѣнѣ. Украшенія эти были подобны выше описаннымъ: широкія золотыя ленты, узкія ленты съ привѣсками, бляшки, пуговицы, трубочки, привѣски.

Въ послѣднемъ, юго-западномъ подземельи (III), вдоль сѣверной стѣны лежалъ скелетъ; на шеѣ его была золотая гривна съ 12 фигурками львовъ, идущихъ по пруту, замѣчательно потертая отъ ношенія, около черепа лежали рядомъ 29 золотыхъ четыреугольныхъ бляшекъ съ изображеніями грифа; рядъ ихъ огибалъ сверху черепъ вершка на 4 выше его и служилъ также украшеніемъ башлыка; подъ подбородкомъ приходились на завязяхъ двѣ золотыхъ бляшки поменьше съ изображеніемъ цвѣтковъ и головой Горгоны; на рукахъ надѣты были золотые широкіе браслеты съ пояскамн по срединѣ; на безъименныхъ пальцахъ обѣихъ

рукъ золотыя, гладкія кольца; у лѣваго бока мечъ съ обложенной золотомъ рукояткой и золотымъ гладкимъ наконечникомъ ноженъ; подлѣ меча золотая, спиралью свитая лента и двѣ золотыхъ трубочки, вѣроятно, украшенія рукоятки и самой нагайки; ножикъ съ костяной ручкой и кучка бронзовыхъ стрѣлъ со слѣдами кожанаго колчана. На чреслахъ — бронзовый чешуеобразный наборъ отъ пояса. Слѣва отъ черепа найдены были обломки бронзовой чаши и серебрянаго кувшинчика съ ременной витой подцѣпкой и куча стрѣлъ со слѣдами колчана. Справа отъ этого остова лежалъ другой. На шеѣ у него была золотая, литая гривна съ рѣзными концами въ видѣ львовъ; на правой рукѣ серебряный браслетъ и на среднемъ пальцѣ ея — золотое кольцо; на чреслахъ бронзовый поясъ и при немъ съ лѣваго бока перержавѣвшій мечъ, у тазовой кости колчанъ съ бронзовыми стрѣлами и обломки желѣзнаго ножика. Костей лѣвой руки до локтя у этого остова не было. Подлѣ обоихъ остововъ валялись ржавые гвозди, небольшія скобки и гнутые гвозди, подобные найденнымъ на стѣнахъ ямы.

Слѣды пребыванія грабителей въ гробницѣ Чертомлыцкаго кургана очевидны: мина и безпорядокъ въ большомъ подземельи между центральной ямой и конскими могилами свидѣтельствуютъ о проникновеніи грабителей въ это подземелье; имъ-же, можетъ быть, принадлежатъ и многочисленныя пещерки въ стѣнахъ его.

Чертомлыцкій курганъ далъ большее количество вещей, чѣмъ даже Куль-Оба; но вещи его или варварской работы, или греческой, но уже приспособленной ко вкусамъ варваровъ. Въ общемъ, стиль и греческихъ, и варварскихъ издѣлій Чертомлыцкаго, какъ и нѣкоторыхъ другихъ кургановъ Приднѣпровья, весьма близокъ къ стилю вещей Куль-Оба, что указываетъ на приблизительную одновременность устройства обѣихъ гробницъ. Еще поразительнѣе тождество нѣкоторыхъ бляшекъ Чертомлыка съ бляшками изъ Куль-Оба, напр.: четыреугольныя бляхи съ изображеніемъ варвара, который стоитъ предъ сидящей съ зеркаломъ женщиной, круглыя — съ двулицей головой и съ Геракломъ, борющимся со львомъ, и Горгонейоны. Многія изъ этихъ бляшекъ сдѣланы, видимо, одними штемпелями съ вещами босфорскими. Нѣкоторыя оказываются настолько свѣжими, что не успѣли еще утратить первоначальнаго мата, сообщаемаго чеканомъ и, слѣдовательно, были изготовлены непосредственно для погребенія.

Указанія болѣе точныя на время сооруженія кургана заключаются въ бляшкахъ съ грубыми индикаціями монетъ: часть ихъ представляетъ штампы варварскихъ копій монетъ Филиппа II Македонскаго, и слѣдовательно, заставляютъ относить древности Чертомлыка не ранѣе III — II столѣтій до Р. Х. Судя по стилю многихъ вещей, погребальный уборъ не даетъ одного цѣлаго, но составленъ изъ художественныхъ предметовъ разновременнаго издѣлія и можетъ быть отнесенъ скорѣе всего къ эпохѣ II — I столѣтіи до Р. Х.

Сходство съ Куль-Оба замѣчается и въ подборѣ вещей въ могильныхъ подземельяхъ, но похороны Чертомлыцкаго царя были гораздо болѣе характерны по варварскимъ обычаямъ, чѣмъ Куль-Обскаго. Множество коней Чертомлыка свидѣтельствуетъ о кочевой жизни, на что указываютъ также и повозки, отсутствующія въ Куль-Оба. Но сходство погребальныхъ обрядовъ во всемъ осталь-

номъ говоритъ въ пользу принадлежности того и другаго кургана одному племени, подтверждаемой сходствомъ и типа, и одежды варваровъ, изображенныхъ на вазахъ Куль-Обской и Чертомлыцкой.

Племенемъ этимъ были, вѣроятно, Сарматы, распространившіеся уже къ этому времени (III или II в. до Р. Х.) далеко на западъ, и, какъ видно по сходству многихъ вещей приднѣпровскихъ кургановъ съ босфорскими, не прекращавшихъ торговыхъ сношеній съ Босфоромъ. Эта принадлежность такъ называемыхъ скиѳскихъ кургановъ Сарматамъ подтверждается и археологическимъ путемъ: типъ и одежды варваровъ Чертомлыцкой и Куль-Обской вазъ вполнѣ сходны съ изображеніями варваровъ на обломкахъ ритона, найденнаго на Кубани, гдѣ собственно кочевыхъ Скиѳовъ во времена изготовленія этого ритона не было, а жили издревле сарматскія племена.

Въ 1861 г. изслѣдованы курганы по теченію рѣчки *Томаковки;* изъ нихъ «Острая могила» находится въ 4 верстахъ къ востоку отъ селенія Томаковки. Крестьянинъ, добывавшій камень изъ этого кургана, нашелъ въ немъ золотую витую гривну, золотые узорчатые ножны кинжала, украшенные голубой эмалью, часть рукоятки его съ такими-же украшеніями, серповидную бляшку, большую золотую воронку и двѣ золотыхъ пластины: одна похожа на обложку рукоятки меча, а другая на украшеніе нижняго конца ноженъ, послѣдняя внизу имѣла изображеніе двухъ скорченныхъ звѣрей.

Въ томъ-же году изслѣдована была одна изъ «близницъ» около с. Томаковки. Съ востока лежали рядомъ девять огромныхъ камней аршинъ около пяти длиною, на разстояніи 3—4 арш. другъ отъ друга; камни эти лежали однимъ концомъ на землѣ, а другимъ, обращеннымъ къ могилѣ, на особыхъ каменныхъ подставкахъ, далѣе почти на сто саженъ на востокъ лежали, постепенно уменьшаясь въ величинѣ, подобные-же продольные и поперечные ряды камней, также приподнятыхъ по направленію къ кургану. Вся подошва его обложена была камнемъ, въ центрѣ черноземной насыпи отъ вершины кургана до самой могильной ямы былъ каменный завалъ. У каменнаго цоколя сложены были въ кучку шесть удилъ съ баранчиками и четыре втулки со значками на нихъ въ видѣ крылатаго грифона со всадникомъ, поражающаго животное.

Могильная яма оказалась не только ограбленной, но даже раскопанной. Съ Востока къ ней примыкало широкое, круглое подземелье, и грабительская мина входила въ сѣверо-восточный уголъ гробницы. На полу подземелья найдены четыре золотыхъ бляшки въ видѣ розетокъ, довольно грубой работы, измятое басменное изображеніе лежащаго льва и черепки греческой росписной глиняной патеры. Она расписана черными растительными орнаментами и грубыми фигурами по красному фону глины, но грубость и небрежность работы не позволяютъ относить ее къ древнему періоду «чернофигурныхъ» вазъ.

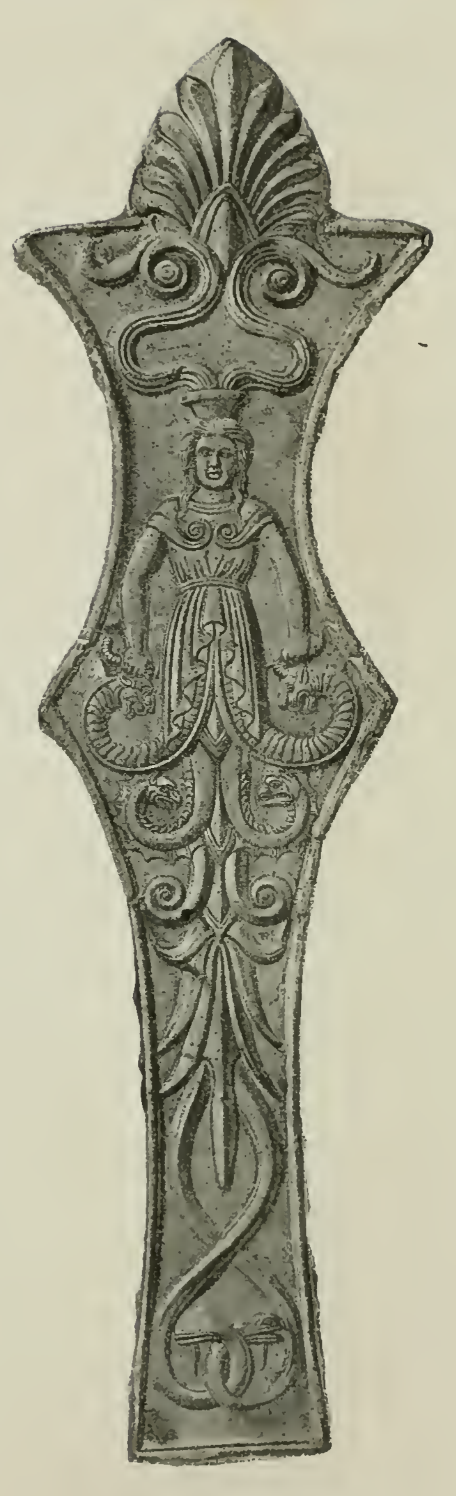
«Близницы», лежащія въ 2 верстахъ къ Западу отъ Томаковки, оказались до чиста разграбленными.

Въ томъ-же 1861 году Забѣлинъ изслѣдовалъ «Каменную могилу» на дорогѣ изъ Никополя въ Екатеринославъ, въ 11 верстахъ отъ Краснокутской станціи. Центръ кургана по материку покрытъ былъ слоемъ дерева, подъ которымъ об-

наружились двѣ могилы. Въ одной лежалъ малорослый конь въ уздѣ съ мѣднымъ набором и желѣзными удилами.

Въ другой — два коня безъ всякихъ уборовъ, головами къ востоку, между черепами ихъ лежалъ, рядомъ съ тремя желѣзными копьями, человѣческій черепъ, покрытый кускомъ чешуйчатой желѣзной брони, нашитой на холстъ. Хотя грабительской мины не оказалось, но могила была разграблена сверху, и вновь засыпана. На днѣ могилы попадались чешуйки брони и черепки греческихъ сосудовъ: амфоры, алавастра и чашка съ черною поливой.

Въ 1867 и 1868 году И. Е. Забѣлинъ производилъ раскопки близь селенія Большой Бѣлозерки, Мелитопольскаго уѣзда Таврической губерніи, въ курганѣ, имѣющемъ 140 саженей окружности и до 7 саженей вышины, называвшемся *Цимбаловой могилой*. Въ черноземной насыпи кургана открыты были лошадиныя кости и черепки амфоръ (одна ручка съ клеймомъ) и два скипѣвшихся уздечныхъ набора съ мѣдными бляхами и желѣзными удилами. Въ материкѣ обнаружились двѣ могилы — въ центрѣ кургана овальная главная могила и къ западу отъ нея четыреугольная, конская. Съ сѣверной стороны ямы грабители проникли миною, проведенной въ сѣверо-западный уголъ центральной могилы; съ запада къ ней примыкало подземелье овальной формы около шести саженъ въ поперечникѣ. На полу этого подземелья найдены были обломки бронзовыхъ пластинокъ отъ пояса и желѣзныхъ чешуекъ панцыря, бронзовые и костяные наконечники стрѣлъ, золотыя бляшки съ изображеніями грифа грубой работы, 30 штукъ легкихъ, отличной работы и 24 штуки хорошей работы, величиною меньше Чертомлыцкихъ, и головы Горгоны, пирамидки съ зернью, золотыя тисненыя трубочки, стеклянная желтая бусина съ синими глазками. Конская могила осталась

99. Конскій золотой налобникъ изъ Цимбаловой могилы.

*

нетронутой. Въ ней погребено было шесть коней; на четырехъ были бронзовые уздечные наборы съ серебряными налобниками въ видѣ птичьихъ головъ, а на двухъ золотыя большія пластины, покрывавшія переносье и лобную часть черепа; налобники украшены были изображеніемъ божества въ типѣ Персидской Артемиды, тѣло которой внизу расходится двумя драконами, двумя грифонами и пальметкой съ двумя побѣгами внизъ, въ видѣ змѣй; на головѣ богини калатосъ, изъ котораго выростаютъ два побѣга и пальметка; богиня держитъ драконовъ съ ихъ бычачьими головами за рога (см. рис. 99). Рисунокъ греческій, высокаго достоинства и чеканъ дополненъ рѣзьбой въ важнѣйшихъ частяхъ. Моделировка отличается общимъ орнаментальнымъ характеромъ. Вторая пластина, покрывавшая сверху голову другой лошади, была уже грубой варварской техники; подобно Чертомлыцкимъ пластинкамъ въ формѣ листа, она украшена двумя геральдическими грифонами, внизу крыльями и растительнымъ орнаментомъ, мелко выбитымъ (рис. 101). Варварской техники чеканные и рѣзные нащечники (двѣ пары) имѣютъ форму крыла съ дельфиньею раскрытою пастью на широкомъ его концѣ (рис. 100). Пара бронзовыхъ пуговицъ съ отличнымъ Горгонейономъ, выбитымъ на золотомъ листѣ, украшала узду. Ея бронзовые псаліи (усики) имѣютъ по бокамъ крылышки. Двѣ ручки отъ неизвѣстныхъ частей конскаго убора орнаментированы головами хищныхъ птицъ сибирскаго типа.

100. Золотой конскій нащечникъ изъ Цимбаловой могилы.

Въ небольшомъ курганѣ близъ Цимбалки оказался общій могильникъ съ обычнымъ содержаніемъ: кремневыя орудія, копья, мусаты, куски красокъ.

Одна могила заключала остовъ съ пятью костяными, одной кремневой и пятью бронзовыми стрѣлами, бронзовыми удилами, такой-же пуговицею, золотой трубочкой и глинянымъ кувшиномъ въ головахъ. Другая могила устроена катакомбою. Направо отъ входа стояла деревянная колода съ остовомъ, съ гладкой золотой гривной на шеѣ, тремя желѣзными копьями слѣва отъ головы, сотнею бронзовыхъ стрѣлъ и желѣзнымъ мечемъ. Налѣво-же отъ гроба лежали 200 бронзовыхъ стрѣлъ и два бронзовыхъ уздечныхъ набора. Въ ногахъ покойника — кости лошади. При самомъ входѣ въ катакомбу 30 челюстей животнаго, нанизанныхъ на ремень — кости и черепъ собаки. На лѣво отъ входа, въ сѣверо-западномъ углу стоялъ бронзовый котелъ съ бараньими костями. У сѣверной стѣны — деревянная изъ цѣльнаго дерева бочка съ рѣзной ручкой и истлѣвшая кружка, украшенная съ лицевой стороны грубыми золотыми бляшками: львомъ и двумя рыбами.

Въ Таврической губерніи въ 1883 году, въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, въ 2-хъ верстахъ къ югу отъ селенія Большой Знаменки въ курганѣ, имѣвшемъ около 10 арш. высоты и 150 въ окружности, мѣстные крестьяне открыли двѣ могилы: одну изъ нихъ Татарскаго времени, на поверхности, и одну на материкѣ, скиѳскаго типа. Могила эта была разграблена еще въ древности: по полу ея раскиданы были въ безпорядкѣ кости человѣческія и лошадиныя. Здѣсь были найдены 4 бронзовыхъ ножки формы мѣдной ручки отъ черпака съ гусиной головкой, нѣсколько обломковъ листовыхъ золотыхъ украшеній съ выбитыми узорами въ видѣ волютъ, точекъ, ромбоидальныхъ углубленій и кусокъ красной краски.

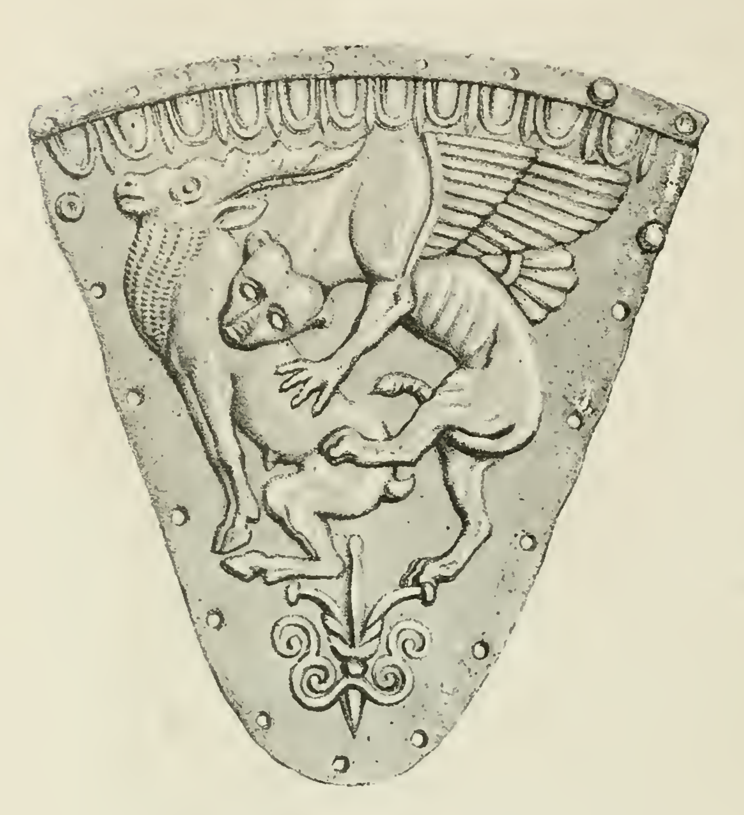
Въ 1875 и 76 годахъ бар. В. Г. Тизенгаузеномъ въ Темрюкскомъ уѣздѣ Кубанской области, изслѣдованы были семь кургановъ, вытянутыхъ въ рядъ и носившихъ имя «Семи братьевъ». Въ первомъ изъ нихъ, самомъ большомъ, въ центрѣ обнаружена была большая, крытая бревнами могила съ каменными оштукатуренными стѣнами, весьма пострадавшая какъ отъ разграбленія, такъ и отъ огромной тяжести насыпи; на каменномъ полу могилы найдено было только нѣсколько обломковъ росписнаго краснофигурнаго греческаго сосуда, костяные наконечники стрѣлъ и рѣзное украшеніе.

Во второмъ курганѣ открыта была огромная могила съ каменными стѣнами: большая часть ея занята была костями тринадцати коней, а въ особой оградѣ, въ углу ея лежалъ остовъ погребеннаго съ разными вещами. Покойникъ одѣтъ былъ въ чешуйчатый панцырь; нѣкоторыя желѣзныя чешуйки украшены были золотыми пластинками, другія, бронзовыя, имѣли видъ рыбьей чешуи, обломки желѣзной кольчуги; грудь панцыря этого украшала, вѣроятно, прекрасная серебряная бляха съ изображеніемъ оленихи, олененка и летящей птицы (см. рис. 41); золотая треугольная пластинка съ изображеніемъ крылатаго барса, терзающаго каменнаго барана, служила, вѣроятно, для украшенія нижней части колчана (см. рис. 102), золотыя пластинки въ

101. Золотой конскій налобникъ изъ Цимбаловой могилы.

видѣ дельфиновъ, обломокъ желѣзнаго меча и копья. На шеѣ воина было цѣлыхъ три золотыхъ ожерелья: одно въ видѣ гладкой гривны, другое въ формѣ обычныхъ греческихъ женскихъ ожерелій, а третье состояло изъ 126 маленькихъ золотыхъ цилиндровъ, нанизанныхъ на нить длиною около $4^1/_2$ аршинъ.

102. Золотое украшеніе колчана изъ Семибратняго кургана.

Одежда украшена была массою золотыхъ нашивныхъ бляшекъ самыхъ разнообразныхъ формъ: въ видѣ женской головки, головы Аѳины соединенной со львиною, головы Горгоны, отрока, стоящаго на одномъ колѣнѣ съ плодомъ въ рукахъ, головы Пана съ завитой по восточному бородой, бычачьей головы, передней части лежащаго быка, бараньей головы, лежащаго оленя, лежащаго каменнаго барана, барса, пѣтуха, сидящаго сфинкса, передней части крылатаго кабана и розетокъ разнаго вида. Изъ утвари тутъ найденъ былъ ритонъ, кончающійся львиной головой; серебряная плоская чаша съ выпуклостью въ центрѣ, такъ называемымъ офаломъ, окруженнымъ рядомъ бородатыхъ головъ Сатира, гладкая серебряная чаша, поломанный кубокъ, большой бронзовый сосудъ на трехъ львиныхъ ножкахъ съ двумя ручками въ видѣ львовъ и змѣй, бронзовое ситечко, двѣ черпалки съ обычной гусиной головкой на концѣ, высокій алебастровый кубокъ безъ ручекъ, и два маленькихъ сосуда, покрытыхъ черной поливой.

На конскихъ скелетахъ найдены бронзовые «псаліи» (усики, которыя прикрѣпляются къ наружной части удилъ), бронзовыя бляхи и головки оленей, служившія налобниками (рис. одной изъ этихъ головокъ см. въ I вып. рис. 58). Форма псаліевъ весьма разнообразна: одни въ видѣ простой палочки съ ушкомъ, другіе кончались съ одной стороны передней частью лошади, а съ другой конскимъ копытомъ (см. рис. 57 I вып.), третьи — оленьей ногой и оленьимъ-же ухомъ, четвертые — лошадиной ногой и какимъ-то дугообразнымъ изгибомъ, четвертые — съ изображеніемъ топора.

Пластины имѣли также разнообразную форму: одна гладкая съ четырьмя вырѣзами по бокамъ, другая въ видѣ головы фантастической птицы, третья украшалась тремя рельефными изображеніями лежащихъ оленей съ вѣтвистыми рогами, четвертая имѣла видъ двухъ лежащихъ оленей, обращенныхъ головами другъ къ другу. Внѣ могилы, въ сѣверной части насыпи кургана лежали на самомъ материкѣ пять большихъ бронзовыхъ колокольцевъ.

103. Золотое украшеніе изъ Семибратняго кургана.

Въ центрѣ третьяго кургана оказалась каменная, впущенная въ материкъ небольшая гробница, покрытая тремя большими плитами; двѣ изъ нихъ были нѣсколько сдвинуты грабителями, но на полу гробницы осталось довольно много вещей, потерянныхъ или брошенныхъ ими. Найдены были желѣзная головка грифа, обложенная золотомъ, служившая, вѣроятно, украшеніемъ рукоятки меча, золотой перстень изъ проволоки, на которой вращается рѣзной халцедонъ съ прекраснымъ вырѣзаннымъ вглубь изображеніемъ медвѣдя, нѣсколько золотыхъ бляшекъ: въ видѣ пальметокъ, стоящаго льва, розетокъ, въ видѣ грозди, а также круглыхъ съ изображеніемъ женской головки, золотыя пуговки, трубочки, бусины, янтарныя пуговки; бронзовая застежка, обломокъ костяной рукоятки, часть желѣзнаго копья, обломки серебрянаго сосуда, черепки алавастра и простой амфоры съ клеймомъ. Въ той-же гробницѣ схоронено было нѣсколько лошадей. Кромѣ того, къ востоку отъ главной могилы оказалась могила пяти коней въ уздечкахъ съ бронзовыми украшеніями.

Въ четвертомъ курганѣ также была особая конская могила. Изъ фигурныхъ псаліевъ этой могилы болѣе интересны псаліи съ топорами, тождественные съ найденными во второмъ курганѣ, псаліи въ видѣ согнутой оленьей ноги, въ видѣ перегнувшагося барса, палочки съ какимъ-то фантастическимъ завиткомъ съ одной стороны, бронзовыя бляхи весьма разнообразныхъ формъ: въ видѣ лежащаго льва, на котораго нападаетъ тигръ (см. I вып. рис. 143), въ видѣ лежащихъ оленей (см. рис. 40 и 41 I вып.), кабаньей головы (см. рис. 42 тамъ-же), фантастическихъ звѣриныхъ головъ, маленькія сидящія бронзовыя птички (см. рис. 39 тамъ-же), большая бронзовая пластинка для прикрытія лба и носа лошади. Центральная гробница этого кургана, хотя и была отчасти расхищена, но грабители видимо не кончили своей работы.

Въ изголовьи остова стояли ритоны: два золотыхъ, кончающихся головою барана и переднею частью собаки, большой серебряный ритонъ съ переднею частью крылатаго каменнаго барана на концѣ (см. рис. 115 I вып.); пять треугольныхъ золотыхъ пластинъ съ изображеніями на двухъ орла, схватившаго зайца (рис. 104), а на остальныхъ—крылатаго льва, терзающаго козла, барса, набросившагося на оленя и дракона (рис. 103); семь амулетовъ: сердоликъ и звѣриный клыкъ, вставленные въ золотую оправу (рис. 105), небольшая поломанная серебряная чаша и золотой браслетъ изъ толстой плетеной цѣпочки со змѣиными головками на концахъ. Рядомъ съ этой разграбленной гробницей находилось особое, отгороженное досками помѣщеніе съ оружіемъ и утварью погребеннаго. По срединѣ лежали остатки панцыря. Онъ сдѣланъ былъ изъ кожи, на которую нашиты были бронзовыя, чешуеобразныя бляшки, выпуклыя пуговицы, длинныя бронзовыя-же полоски вдоль рукавовъ, дугообразное украшеніе около шеи и большая бронзовая голова Горгоны на груди. Близь панцыря находился бронзовый канделябръ, состоявшій изъ трехъ львиныхъ лапъ, желобчатаго стержня, круглой чашечки и лампы о трехъ рожкахъ съ холщевымъ фитилемъ; тутъ-же стояли сосуды: бронзовый котелъ на желѣзномъ треножникѣ, съ остатками губки, мѣха, холста и узорчатой ткани, большое совершенно измятое, бронзовое блюдо на подставкѣ, съ массивными ручками, рукоятка отъ бронзоваго ковша, представляющая человѣка, стоящаго на бараньей головѣ и несущаго въ поднятыхъ надъ головою рукахъ двухъ барановъ (вѣроятно, такъ называемый Гермесъ Кріофоръ), изломанная бронзовая ваза и обломки глиняной посуды.

104. Золотая пластинка изъ Семибратняго кургана.

Въ пятомъ курганѣ сохранилась не разграбленной только конская могила. Псаліи этой могилы въ общемъ сходны съ псаліями, найденными въ прочихъ курганахъ.

Въ центрѣ шестаго кургана находилась нетронутая большая каменная гробница, раздѣленная поперечными каменными стѣнками на три отдѣленія, изъ которыхъ въ одномъ, крайнемъ, лежали скелеты семи коней, въ среднемъ утварь раз-

наго рода, а третье въ свою очередь дѣлилось на собственную могилу и на небольшое помѣщеніе съ утварью.

Въ самой могилѣ находились остатки деревяннаго простаго саркофага съ крышкою и куски покрывавшей его ткани. Сохранились остатки обшитой мѣхомъ одежды погребеннаго, а также части чешуйчатаго панцыря, желѣзный наконечникъ копья и бронзовыя стрѣлы. Отъ убранства трупа остались бусы (15), двѣ золотыхъ пряжки, застегивавшихся на груди, горный хрусталь съ превосходнымъ вырѣзаннымъ изображеніемъ свиньи, вращающійся на золотой дужкѣ, золотой перстень съ вырѣзаннымъ изображеніемъ барса, терзающаго оленя, такой-же перстень безъ изображенія..

105. Клыкъ въ золотой оправѣ изъ Семибратняго кургана.

Одежда украшена была золотыми бляшками въ видѣ сидящаго сфинкса, женскихъ головъ, въ профиль и впрямь, и головъ Горгоны.

Въ этомъ-же отдѣленіи найдены были и обломки трехъ маленькихъ гладкихъ серебряныхъ сосудовъ. Въ меньшемъ отдѣленіи лежало простое бронзовое зеркало съ деревянною ручкой, пять маленькихъ золотыхъ пуговокъ и черепки двухъ простыхъ амфоръ, здѣсь-же стоялъ неповрежденный росписной сосудъ съ красными фигурами. По лицевой его сторонѣ два Эфеба, изъ которыхъ одинъ держитъ скребницу, другой мячъ, а на задней такой-же Эфебъ со скребницей и летящимъ мячемъ. Въ среднемъ, большомъ отдѣленіи найдены были обломки шкатулки (?), обложенной пластинками слоновой кости, на одной изъ которыхъ вырѣзана фигура женщины, сидящей на табуретѣ въ портикѣ съ іоническими колоннами, и Эрота, прислуживающаго ей, надъ головой ея — алавастръ. Кромѣ того, въ могилѣ этой найдены бронзовые и глиняные сосуды и обломокъ корзины, сплетенной изъ лучинъ. Наконецъ, въ крайнемъ большомъ, конскомъ отдѣленіи найдены желѣзныя удила съ псаліями, и бронзовые фалары (бляхи).

Въ седьмомъ курганѣ открыта конская могила.

Курганы эти, судя по ихъ устройству и содержанію, принадлежали варварамъ, среди которыхъ греческое вліяніе сказалось уже довольно сильно.

Въ 1883 и 1884 году Д. Я. Самоквасовъ производилъ изслѣдованія кургановъ, на берегахъ р. Конки близь дер. Новогригорьевки.

Ранѣе его изслѣдованій, не далеко отсюда на днѣпровскихъ плавняхъ найденъ былъ «небольшой, бронзовый сосудъ съ толстыми стѣнками, украшенный грубымъ рельефнымъ изображеніемъ человѣческаго лица и мѣдный топоръ», а около такъ называемой «Безсчастной могилы» былъ выпаханъ большой камень, подъ которымъ оказалась бронзовая ваза.

Въ небольшомъ курганѣ, раскопанномъ Самоквасовымъ въ 1883 году, въ ямѣ, засыпанной камнемъ, найдены разбросанныя въ безпорядкѣ кости скелета, обломокъ золотой проволоки, два желѣзныхъ наконечника копій и куски желѣзнаго чешуйчатаго панцыря.

Въ 1884 г. раскопана была «Безсчастная могила», курганъ около 22 аршинъ вышины и около 350 арш. въ окружности, лежащій въ 2 верстахъ отъ праваго берега рѣки Конки, но она содержала 14 могилъ бѣднѣйшаго содержанія, со скорченными скелетами.

Въ одномъ изъ сосѣднихъ небольшихъ кургановъ найдена разграбленная могила съ разбросанными человѣческими и лошадиными костями, тремя бронзовыми стрѣлами и остатками желѣзнаго чешуйчатаго панцыря, въ другомъ—кости, стрѣлы, обломки желѣзнаго меча и узорчатыхъ золотыхъ пластинокъ, въ третьемъ, въ разграбленной могилѣ найдены были кости человѣка, лошади и барана, двѣ бронзовыхъ стрѣлы и бронзовый котелъ на ножкѣ съ бараньими костями.

Здѣсь-же открыто девять могилъ особаго устройства: безъ насыпей, заваленныя камнемъ; шесть были разграблены. Въ седьмомъ, найдены кромѣ угля и пережженныхъ костей, сосудъ красной глины, желѣзный мечъ, желѣзные наконечники стрѣлъ, три золотыя бляшки съ головой Горгоны, двѣ узорчатыхъ золотыхъ бляхи и 12 продолговатыхъ золотыхъ бляшекъ. Восьмая могила доставила рядъ предметовъ: желѣзный мечъ съ золотой бляхой, такой-же ножъ, 12 желѣзныхъ стрѣлъ съ золотой бляхой, украшавшей колчанъ, и рядъ золотыхъ бляхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя украшены были вставленными въ нихъ цвѣтными стеклами и камнями; такимъ-же способомъ украшена была и одна бронзовая бляха; бронзовая со слѣдами позолоты пластина служила для ноженъ меча. Девятое пятно было около 100 аршинъ въ окружности, того-же содержанія. Также пережженныя кости, обломки глинянаго и стеклянаго сосудовъ, желѣзный мечъ, 12 желѣзныхъ стрѣлъ, золотая бляха, украшавшая, вѣроятно, ножны меча, такія-же бляхи съ его рукоятки и ноженъ, нѣсколько пряжекъ и множество разнообразнѣйшихъ по формамъ золотыхъ, инкрустированныхъ стеклами и камнями бляхъ. Всѣ эти предметы разбросаны были въ безпорядкѣ въ центрѣ, подъ слоемъ камней, вмѣстѣ съ углями и костями, но сама земля не носила слѣдовъ погребальнаго костра, а поэтому можно предполагать, что всѣ эти вещи и угли съ костями были перенесены и свалены сюда съ другаго мѣста, на которомъ были сожжены покойникъ и его лошадь съ ихъ убранствомъ.

По времени могилы эти надо, кажется, приписывать не сарматскимъ племенамъ, а вѣку къ III по Р. Х., когда въ страну явились новыя германскія племена, сожигавшія покойниковъ, какъ разсказываютъ византійцы, напримѣръ, о Герулахъ.

Въ Полтавской губерніи, кромѣ вышеописанной находки у Кременчуга, особенно много изслѣдованій такъ называемыхъ «скиѳскихъ» кургановъ произведено было въ Роменскомъ уѣздѣ.

Такъ, оттуда происходятъ нѣсколько мечей съ рукоятками, обложенными золотомъ, греческихъ амфоръ, костяныя чешуйки отъ панцыря и великолѣпная золотая пластина съ налучья съ изображеніемъ лежащаго фантастическаго оленя, рога котораго кончаются головами грифоновъ, совершенно аналогичнаго съ найденнымъ въ Куль-Обской гробницѣ.

Въ 1886 г. Роменскій помѣщикъ Мазараки производилъ раскопки около селъ Акютинецъ и Будки на правомъ возвышенномъ берегу Сулы; въ изслѣдованныхъ здѣсь и на другомъ берегу у с. Валковицъ курганахъ покойники лежали въ мо-

гилахъ, вырытыхъ въ бѣлой глинѣ, съ деревянными склепами, на днѣ могилъ часто насыпана известка, почти во всѣхъ найдены куски сѣры и мышьяковой краски, кромѣ сосудовъ разнаго рода находимы были бронзовые браслеты, серьги, украшенья уздечекъ, усики удилъ, зеркала, бронзовая гривна, стрѣлы; желѣзные: удила, копья, ножи, усики удилъ, бронзовыя втулки, топоры, чешуйки панцырей и костяные: украшенья уздечекъ, бусы, усики удилъ и пуговицы.

Около того-же села Аксютенецъ раскопанъ одинъ курганъ такъ называемый скиѳскій; кромѣ различныхъ обычныхъ предметовъ, какъ удилъ, уздечныхъ украшеній и т. п., найдены въ немъ были длинная узкая золотая пластинка вродѣ діадемы и нѣсколько небольшихъ такого-же плохаго золота бляшекъ; все это украшено изображеніями грифовъ.

Въ 1888 году около Роменъ Самоквасовъ раскопалъ 15 кургановъ, изъ которыхъ нѣкоторые содержали, такъ называемые «скиѳскія» могилы съ конскими удилами, бронзовыми стрѣлами, желѣзными наконечниками копій и бронзовыми зеркалами (изъ которыхъ одно громадныхъ размѣровъ). Въ средней части тѣхъ-же кургановъ сидящіе остовы съ одними горшками, а въ верхней — могилы христіанскихъ временъ.

Изъ находокъ въ Херсонской губерніи къ числу такъ называемыхъ «скиѳскихъ» можно, кажется, отнести курганъ близь Ольвіополя, въ которомъ при раскопкѣ его найдены были монеты съ изображеніемъ на одной сторонѣ лошади съ воткнутою въ спину стрѣлою, а на другой «головой греческаго типа въ коронѣ» (Деметры?) усѣянной точками.

Въ Елизаветградскомъ уѣздѣ той-же губерніи близь села Мартоноши, крестьяне разрыли курганъ, въ которомъ найдены были бронзовый котелъ съ ручками, изъ которыхъ сохранилась только одна въ видѣ волюты на наружной сторонѣ которой, прикрѣплявшейся къ стѣнкамъ сосуда двумя приставками въ видѣ змѣй, изображена крылатая фигура Горгоны въ архаическомъ стилѣ. Прочія вещи отчасти пропали, отчасти разошлись по частнымъ коллекціямъ.

Въ *Екатеринославской* губерніи, кромѣ вышеописанныхъ большихъ изслѣдованій Забѣлина, производилъ раскопки кургановъ г. Поль, но результатовъ ихъ непубликуетъ. Извѣстно только, что имъ найдены различныя золотыя украшенія изъ такъ называемыхъ «скиѳскихъ» кургановъ близь села Маятка Новомосковскаго уѣзда и села Сартака Маріупольскаго уѣзда. Скиѳскія-же вещи найдены недавно и у села *Лихачевки, Богодуховскаго уѣзда Харьковской* губерніи.

Изъ систематическихъ раскопокъ близь *Смѣлы* гр. Бобринскаго оказалось что нѣкоторые изъ кургановъ могутъ быть отнесены къ такъ называемымъ «скиѳскимъ». Изъ числа такихъ кургановъ наиболѣе интересны слѣдующіе.

Подъ небольшою насыпью одного изъ нихъ, имѣвшей около аршина вышины и 65 аршинъ въ окружности, въ бѣлой грунтовой глинѣ обнаружились четыре могильныхъ ямы. Въ сѣверной изъ нихъ, круглой, на днѣ, на глубинѣ полутора аршинъ лежалъ мужской остовъ головой къ востоку, надъ костями сохранились слѣды деревянной крыши могилы, въ головахъ остова лежали кости лошади и барана и два перержавѣвшіе ножа съ кривыми лезвіями и костяными рукоятками, справо отъ головы лежали два желѣзныхъ наконечника копья, а слѣва 32 мѣд-

ныхъ стрѣлы, нѣкоторыя съ обломками древковъ. Около лѣваго локтя найденъ былъ костяной набалдашникъ, вѣроятно, чего-нибудь вродѣ посоха. Набалдашникъ этотъ представляетъ львиную голову съ оскаленными зубами и высунутымъ языкомъ, и имѣетъ видъ ассирійскихъ или, вѣроятнѣе, персидскихъ издѣлій. Въ ногахъ остова черепъ «слѣпца» и поломанная желѣзная пряжка. Въ другой могилѣ того-же кургана лежали два остова: одинъ женскій занималъ большую часть могилы, а другой меньшій лежалъ въ ногахъ его перпендикулярно къ первому. У головы главнаго остова кости коровы и барана, два желѣзныхъ ножа съ костяными рукоятками, два копейныхъ наконечника и точильная каменная плитка.

Около головы-же стояли два глиняныхъ небольшихъ сосуда: одна греческая покрытая чернымъ лакомъ вазочка и другой сосудикъ, хотя и тщательной, но, повидимому, мѣстной работы. Здѣсь же лежали пять метательныхъ шариковъ, глиняная пряслица и какой-то костяной набалдашникъ. Голова украшалась большими серебряными серьгами въ видѣ трехсторонныхъ пирамидокъ вершинами внизъ, грани ихъ усѣяны возвышеньями, прикрѣплены онѣ къ толстой согнутой трубочкѣ также съ возвышеньями, а внизу особые бубенчики, на шеѣ ожерелье изъ костяныхъ и разноцвѣтныхъ стеклянныхъ бусинъ, ниже праваго локтя браслетъ изъ костяныхъ бусъ, а ниже лѣваго бронзовый браслетъ; слѣва отъ остова — 47 мѣдныхъ стрѣлокъ съ остатками колчана изъ дерева и кожи, росписаннаго нѣкогда красками, обломки двухъ желѣзныхъ мечей и гладкое круглое бронзовое зеркало съ ручкой. Меньшій остовъ украшенъ былъ желѣзнымъ браслетомъ и какими-то бронзовыми и стекляными (?) украшеніями. Третья круглая могила заключала трупъ женщины съ вещами того-же характера, что и вышеописанные предметы.

Въ другомъ курганѣ, могила котораго содержала остовъ съ подобными же вещами, на правой рукѣ найденъ былъ стекляный кружекъ съ нарисованными изящными штрихами женской, облокотившейся на локоть фигурой съ какою-то птицею, м. б. лебедемъ. Къ сожалѣнію пластинка эта отъ дѣйствія свѣжаго воздуха разсыпалась. На лѣвой рукѣ была подобная-же пластинка поменьше, совершенно испорченная.

Въ третьемъ также небольшомъ ограбленномъ курганѣ найденъ былъ среди прочихъ обычныхъ вещей халцедоновый цилиндръ съ вырѣзаннымъ изображеніемъ бѣгущей лошади съ подвязаннымъ хвостомъ и парящимъ надъ нимъ крылатымъ солнечнымъ дискомъ. Цилиндръ этотъ очевидно восточной (персидской) работы или въ крайнемъ случаѣ греческая копія съ персидскаго образца. Нахожденіе ея въ такъ называемомъ «скиѳскомъ» курганѣ не представляетъ ничего особо поразительнаго: множество персидскихъ и даже ассирійскихъ цилиндровъ найдено на Босфорѣ и восточномъ берегу Чернаго моря, да и въ курганахъ Приднѣпровья попадаются персидскія вещи, какъ напримѣръ, золотая рукоятка одного изъ мечей Чертомлыцкаго кургана и вышеописанная костяная львиная голова изъ окрестностей Смѣлы.

Въ той-же группѣ кургановъ и также подъ небольшой (около полусажени высотою) насыпи въ разграбленной могильной ямѣ уцѣлѣли шесть золотыхъ квадратныхъ бляшекъ съ изображеніями на нихъ стоящаго грифа въ рамкѣ изъ ряда

круглыхъ возвышеній среди двухъ полосокъ. На одной бляшкѣ изображеніе было видимо иное, болѣе сложное, но вслѣдствіе дурной сохранности разобрать его невозможно.

Въ другой курганной группѣ (близь Гуляй города) въ курганѣ около сажени вышины найдена была неразграбленная могила, позволяющая возстановить погребальный типъ этихъ небольшихъ «скиѳскихъ» кургановъ.

Могильная квадратная яма (по 4 аршина каждая сторона) имѣла сажень глубины. По угламъ стояли деревянные столбы, подпиравшіе потолокъ, полъ былъ также деревянный, потолокъ находился отъ пола на высотѣ около сажени. Въ склепѣ покоилось нѣсколько остововъ. У западной стѣны стояло большое каменное плоское блюдо съ небольшими краями, на немъ лежали куски красной и желтой краски, подлѣ камня — бронзовое зеркало, вылитое вмѣстѣ съ ручкой, гладкое, хорошо отшлифованное, на лѣвой сторонѣ по борту идетъ выдающаяся кайма, ручка украшена глубокими продольными полосками и бараньей головой на концѣ. Сходныя съ нимъ зеркала найдены были въ Пятигорскомъ округѣ и Роменскомъ уѣздѣ; рядомъ съ зеркаломъ длинный желѣзный наконечникъ копья. Въ сѣверной части склепа найдены были небольшая бронзовая пряжка съ окисшимъ изображеніемъ какого-то животнаго (кабана кажется), болѣе полутора сотъ бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ съ остатками кожанаго колчана; вдоль восточной стѣны лежалъ человѣческій остовъ съ бронзовыми удилами, такими же привѣсками, костяными усиками, изъ которыхъ одинъ кончается лошадиной головой съ одной стороны и копытомъ съ другой, тутъ-же найдена костяная палочка съ лошадиной головой на верху и фигурка зайца, обломки желѣзнаго панцыря, а у южной стѣны еще костякъ.

На поляхъ около Смѣлы-же найдено было нѣсколько золотыхъ бляшекъ видимо «скиѳскихъ», одна въ видѣ распустившагося цвѣтка, другая въ видѣ трехъ сложенныхъ кружковъ съ концентрическими узорами и горошинами между кружками и третья въ видѣ оленя, лежащаго закинувъ рога на спину, какъ обыкновенно олени такъ называемаго урало-алтайскаго типа и многихъ «скиѳскихъ» могилъ, напр. Куль-Оба, Чертомлыкъ, Роменскихъ.

106. Золотая бляшка изъ окрестностей Смѣлы.

Въ мѣстечкѣ Рыжановкѣ Кіевской губерніи Звенигородскаго уѣзда, въ 1888 г., по порученію Краковской Академіи Наукъ, произведены были въ одномъ изъ кургановъ раскопки, давшіе рядъ драгоцѣнныхъ находокъ, къ сожалѣнію, перешедшихъ, затѣмъ, въ Краковскій музей. Предметы древности этого кургана опредѣляются, до извѣстной степени, найденными въ немъ двумя золотыми перстнями, въ которые вставлены автономные пантикапейскіе статеры съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ головы Пана. Статеры этого рода можно относить къ IV — III вѣкамъ до Р. Х., но, по ихъ приспособленію, они, видимо, играли роль художественныхъ издѣлій, не ходячей монеты, и потому для вещей естественно предположить болѣе позднее происхожденіе. Въ курганѣ оказалось много предметовъ

утвари, но исключительно металлической, какая пригодна для кочевниковъ, таковы: серебряныя блюдца и ковши, чаши и вазочки, украшенныя рельефами, мѣдная миса, ведро. Обильны были предметы украшенія и убора личнаго, и золотыхъ бляшекъ, штампованныхъ разными изображеніями, нашлось 255 штукъ. Однако, большинство этихъ штамповъ носитъ на себѣ варварскій, грубо-небрежный характеръ, также какъ и золотая діадема съ привѣшенными къ ней на крючкахъ репейками (въ типѣ греческихъ діадемъ изъ Керчи), повязки золотыя тисненныя, мониста изъ бусъ, бляшки съ розетками, въ видѣ пирамидокъ. Архаическій стиль серегъ съ фигурками львовъ удержанъ не отъ древнегреческаго искусства, но отъ его азіатской вѣтви въ позднѣйшемъ искусствѣ Персіи и Кавказа.

Скиѳскіе курганы внутреннихъ земель Крыма дали доселѣ настолько бѣдныя и однообразныя находки предметовъ кочеваго быта, что случайная находка, сдѣланная въ 1885 году въ курганахъ близъ Акмечетской бухты, въ 50 верстахъ отъ Евпаторіи, можетъ считаться счастливымъ исключеніемъ. Въ курганѣ центральная и боковыя могилы содержали въ себѣ скиѳское погребеніе зауряднаго типа, съ стрѣлами, кусочками краски, крашеннымъ лубкомъ. Между тѣмъ, поверхъ этихъ могилъ, слѣдовательно въ позднѣйшее время, въ насыпь кургана была опущена каменная гробница, содержавшая въ себѣ, между предметами простаго вооруженія, изъ бронзы и желѣза, четыре золотыхъ пластинки, изъ нихъ три съ фигурою лежащаго оленя (рис. 106) и одна въ видѣ улитки (рис. 107) сходство этихъ предметовъ съ пластинками изъ кургана «Семи братьевъ» не простирается на стиль предметовъ; который, будучи вполнѣ чуждъ греческаго искусства, проявляетъ своеобразное, не лишенное натурализма, варварское пониманіе формъ.

107. Золотая пластинка изъ Акмечетскаго кургана.

Въ 1877 году на берегу Аму-Дарьи, у брода, находящагося близъ города Тахтъ-и-Куватъ (въ двухъ дняхъ пути отъ Кундуза) и всегда бывшаго обычнымъ мѣстомъ переправы на дорогѣ въ Самаркандъ, найденъ зарытымъ въ прибрежномъ пескѣ огромный кладъ монетъ и вещей изъ золота и серебра. О значительности клада можно себѣ составить понятіе по тому, что уже въ 1881 году число найденныхъ въ этомъ мѣстѣ монетъ простиралось, по приблизительнымъ разсчетамъ, до 1.100 или 1.300, изъ которыхъ до 150 золотыхъ, а остальныя серебряныя; монеты эти представляютъ номинальную цѣнность свыше одного таланта (до 3.000 руб.) Кромѣ того, найдено вещей, въ видѣ золотыхъ украшеній,

статуэтокъ золотыхъ и серебряныхъ, браслетовъ и обломковъ на стоимость металла, превышающую стоимость монетъ. Съ тѣхъ поръ, однако, находки въ пескѣ, окружающемъ мѣсто первоначальнаго открытія, повидимому, не прекращались довольно значительное время. Зарытая казна была или прямо положена въ песокъ, или вмѣстилища, въ которыя она была заключена, истлѣли и разбились; по крайней мѣрѣ, когда подмытый разливомъ рѣки берегъ выдалъ скрытый въ немъ въ теченіи 2.000 лѣтъ кладъ, послѣдній разсыпался на значительное пространство. Большинство монетъ и вещей попали въ Индію и въ Англію черезъ проживавшихъ въ Афганистанѣ англичанъ и индусовъ.

108. Золотая бляшка изъ Акмечетскаго кургана.

Монеты, найденныя въ кладѣ, обнимаютъ необычайно длинный періодъ времени: древнѣйшія изъ нихъ относятся къ началу IV вѣка или даже къ концу V в. до Р. Х., позднѣйшія — къ началу II в. до Р. Х., причемъ, конечно, ближайшія къ нашему времени болѣе многочисленны и лучшей сохранности, чѣмъ древнѣйшія. Отсутствіе въ кладѣ монетъ Митридата I, Евкратида и какихъ бы то ни было Парѳянскихъ монетъ и то обстоятельство, что позднѣйшіе въ кладѣ чеканы принадлежатъ царямъ бактрійскимъ Евтидему и Агаѳоклу, опредѣляютъ время сокрытія клада, которое слѣдуетъ отнести къ 200 — 180 г. до Р. Х. Приблизительно на то-же время указываетъ сильная потертость многочисленныхъ (свыше 200) монетъ Александра Великаго, бывшихъ, очевидно, долгое время въ обращеніи.

Изъ вещей клада удалось регистрировать слѣдующія: массивную серебряную статуэтку персидскаго царя, въ тіарѣ и діадемѣ, съ золотой въ серебрѣ насѣчкою; золотую фигурку царя, стоящаго съ приподнятой правой рукою и держащаго въ лѣвой цвѣтокъ; золотой перстень съ изображеніемъ персидскаго царя; золотое миніатюрное изображеніе колесницы съ лошадьми, на которой помѣщается царь и возница; массивное золотое изображеніе, повидимому, Скиѳа (рис. 39), который первоначально былъ представленъ на конѣ, нынѣ утраченномъ; массивная серебряная статуэтка, представляющая нагаго человѣка почти въ такомъ-же головномъ уборѣ, какъ упомянутый Скиѳъ; золотая головка лошади; золотая бляха съ изображеніемъ крылатаго быка или, можетъ быть, единорога (рис. 109); крохотный орелъ изъ массивнаго золота; золотая полая фигурка голубя; золотыя бляшки съ изображеніемъ человѣка и льва и съ перегородками для эмали по краю; рѣзной золотой перстень съ изображеніемъ бѣгущей лошади; массивныя золотыя статуэтки, приблизительно вершка въ два вышиною, представляющія оленя и козу или овцу. Одна изъ этихъ статуэтокъ стоитъ на пластинкѣ, снабженной дырочками для прикрѣпленія къ кожѣ (сбруѣ?) или

къ металлическому предмету (вѣнцу, шишаку?); статуэтки — съ энергично исполненной мускулатурой совершенно тождественны съ найденными въ Сибири. Далѣе найдены: большая, въ четверть аршина слишкомъ длиною, золотая рыба; золотая сережка съ фигуркою, повидимому, ребенка; два золотыхъ кольца въ видѣ обвивающейся вокругъ пальца змѣи; золотая круглая бляха греческой работы съ рельефнымъ изображенiемъ головы Дiониса; шесть золотыхъ браслетовъ съ головами барановъ и козловъ на концахъ; двѣ шейныхъ гривны, золотыхъ, съ изображенiемъ передней части быковъ и львиныхъ головъ на концахъ. Въ 1882 г. найдены были еще нѣкоторые предметы изъ того-же клада; золотая массивная фигурка, представляющая или знатнаго Скиѳа, или Мага, держащаго цвѣтокъ или кропило въ правой рукѣ; два золотыхъ перстня, на одномъ изъ которыхъ — рѣзное изображенiе льва; еще пять золотыхъ браслетовъ съ головами козловъ и львовъ.

109. Золотая пластинка изъ Аму-Дарьинскаго клада.

Наиболѣе любопытными предметами, по ихъ отношенiю къ скиѳскимъ древностямъ, являются слѣдующiе предметы Аму-Дарьинскаго клада: круглое центральное украшенiе щита (умбо) съ изображенiемъ охотничьихъ сценъ (рис. 110): три всадника, занимающихся охотою, одѣты въ кожаные короткiе казакины и матерчатые шаровары, заткнутыя въ чувяки; голова ихъ покрыта башлыкомъ. Первый изъ всадниковъ собирается поразить

110. Центральное украшенiе щита (умбонъ) изъ Аму-Дарьинскаго клада.

дротикомъ пару спасающихся отъ него оленей, второй — двухъ дикихъ козловъ; третій, скачущій на встрѣчу двумъ первымъ, натягиваетъ лукъ, цѣлясь въ зайца.

Особенно важна большая четыреугольная золотая пластинка чеканной работы (рис. 35), изображающая бородатаго мужчину во весь ростъ съ пучкомъ изъ пяти тростей или стрѣлъ въ правой рукѣ. Если вѣрно предположеніе, что здѣсь представленъ азіатскій Скиѳъ, то это самое большое изображеніе на металлѣ представителя этого племени. На головѣ у изображеннаго лица — башлыкъ, нѣсколько отличающійся своей формою отъ обычнаго головнаго убора Скиѳовъ; одѣтъ онъ въ узкій, спускающійся до колѣнъ кафтанъ съ узкими рукавами, и въ кожаныя гладкія штаны, засунутыя въ короткіе сапоги, перетянутые ремнемъ у подъема; къ кушаку, обхватывающему станъ двумя оборотами, съ спускающимися спереди концами, привѣшенъ мечъ-кинжалъ, въ ножнахъ той особой формы, которая встрѣчается лишь въ скиѳскихъ курганахъ.

Еще позже перечисленныхъ удалось спасти еще нѣсколько предметовъ изъ клада: золотой персидскій цилиндръ, круглую золотую бляху, повидимому, полуварварской работы, представляющую въ смѣломъ рельефѣ человѣческую фигуру на морскомъ чудовищѣ съ рыбьимъ туловищемъ и переднею частью и головою льва, и наконецъ золотаго массивнаго козла (см. рис. 111 въ половину натуральной величины) чрезвычайно характернаго типа, представленнаго въ моментъ прыжка. Предметъ этотъ служилъ, можетъ быть, ручкою или другимъ украшеніемъ сосуда.

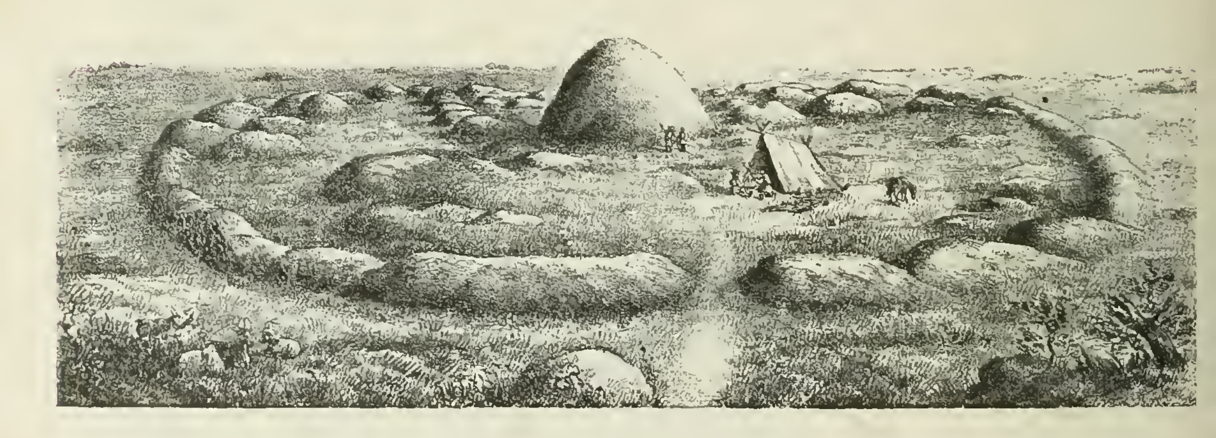

111. Массивное золотое изображеніе горнаго козла изъ Аму-Дарьинскаго клада.

Судя по составу Аму-Дарьинскаго клада, онъ представляетъ собою казну, скопленную въ теченіи многихъ лѣтъ и зарытую собственникомъ или, скорѣе, грабителемъ. Послѣднее предположеніе кажется болѣе вѣроятнымъ въ виду безцеремоннаго и варварскаго обращенія съ вещами, большинство которыхъ было разломано на мелкіе куски ради удобства перевозки награбленнаго. Кладъ интересенъ какъ по своему составу, такъ какъ многія вещи въ немъ вполнѣ схожи съ находимыми въ курганахъ южной Россіи, съ одной стороны, и съ сибирскими древностями, съ другой, такъ и по мѣсту находки, наиболѣе восточному изъ всѣхъ мѣстъ находокъ скиѳскихъ древностей и единственному, могущему быть пріуроченнымъ къ азіатскимъ Скиѳамъ.

Рядъ случайныхъ открытій и любительскихъ раскопокъ далъ до селѣ крайне незначительный подборъ скиѳскихъ древностей, а также и прямо греческихъ вещей, занесенныхъ въ Скиѳію торговцами. Къ сожалѣнію, отсутствіе точныхъ данныхъ по этимъ раскопкамъ, неопредѣленность свѣдѣній и разсѣяніе самыхъ предметовъ по частнымъ собраніямъ лишаютъ эти находки того значенія, какое онѣ могли бы имѣть при болѣе разумномъ взглядѣ на дѣло и заставляютъ желать, чтобы истребленію наиболѣе драгоцѣнныхъ кургановъ южной Россіи былъ положенъ конецъ.

Въ 1845 году разрыта была безъимянная могила близь селеній *Петриковки и Ромейковки, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи.* Въ ней открыты были глиняная амфора, греческій бронзовый шлемъ и такія-же поножи, золотая пластинка съ изображеніемъ птицы на рыбѣ, 24 желѣзныхъ стрѣлы. Амфора несомнѣнно греческой работы имѣла нѣсколько особую форму: она шире обыкновенныхъ и на концѣ горлышка имѣетъ особое расширеніе. Шлемъ имѣетъ форму такъ называемыхъ «аѳинскихъ» съ наличникомъ, въ которомъ вырѣзаны отверстія для глазъ. Изображеніе на пластинкѣ ближе всего подходитъ къ золотымъ бляшкамъ изъ Куль-Оба, имѣющимъ такую-же величину и подобный рисунокъ.

112. Видъ кургана Перепятихи.

Въ *Кіевской* губерніи въ *Васильковскомъ* уѣздѣ въ 1845 г. Иванишевъ разрылъ курганъ *Перепятиху*, составлявшій группу съ распаханнымъ уже курганомъ Перепетомъ, упоминаемымъ уже подъ 1159 годовъ. Перепетовка имѣла эллиптическую форму, вышину же около 5 саженъ. Въ ней при раскопкахъ обнаружено было какое-то обширное построеніе изъ дерева, поверхъ котораго навалены были камни, рухнувшіе, когда поддерживавшія ихъ балки сгнили. Внутри по стѣнамъ гробницы съ весьма бѣднымъ содержаніемъ лежало 14 остововъ: при четырехъ найдены были, кромѣ кусковъ краски, мониста, два металлическихъ кружка (зеркала?), со слѣдами дерева между ними, бронзовая стрѣла, 2 желѣзныхъ топора, серебряная проволока и костяное украшеніе. Въ ногахъ одного изъ скелетовъ которые всѣ лежали головами къ западу, найденъ былъ разбитый глиняный гор-

шокъ и каменная подставка подъ него, а около него 24 золотыхъ бляшки въ видѣ сидящихъ грифовъ и три гладкихъ золотыхъ пластинки; украшенія эти нашиты были нѣкогда на какую-то ткань желто-бѣлаго цвѣта, сохранившуюся подъ нѣкоторыми изъ бляшекъ. Курганъ, судя по описанію, такъ отличался отъ «скиѳскихъ» своимъ устройствомъ, что бляшки эти надо, кажется, считать попавшими въ курганъ случайно.

Въ *Сквирскомъ* уѣздѣ, у села *Саворки* найдены были греческія простыя амфоры, находимыя, какъ мы видѣли выше, весьма часто въ такъ называемыхъ «скиѳскихъ» курганахъ.

Въ *Сквирскомъ* уѣздѣ, но къ сожалѣнію неизвѣстно гдѣ и при какихъ условіяхъ, найдены были три золотыхъ привѣски: двѣ продолговатыя съ изображеніями львовъ и грифовъ по сторонамъ сосуда и одна круглая съ человѣческой фигурой съ жезломъ среди растительнаго орнамента (см. рис. у Фундукл. XIII, а).

Въ *Каневскомъ* уѣздѣ между селеніями Пищальниками и Лазурцами въ 1825 г. при раскопкѣ небольшаго кургана для постройки мельницы на глубинѣ 2 арш. найденъ былъ слой золы и куски истлѣвшаго дерева, дубовое уголье, къ востоку отъ котораго на разстояніи аршина другъ отъ друга найдены были простая греческая амфора (кратеръ), греческая-же росписная ваза съ красными фигурами съ вакхическими изображеніями и бронзовый кувшинъ (прохусъ) съ тройнымъ верхомъ горла и выгнутой ручкой, кончающейся пальметкой. Такія росписныя греческія вазы, кромѣ черепковъ ихъ въ нѣкоторыхъ курганахъ, найдены были еще одна около Смѣлы (Кіевской губ.), а другая съ боевой сценой, въ 1886 году на верховьяхъ рѣки Сулы, въ Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи.

Въ *Чигиринскомъ* уѣздѣ у села *Осоты* открыта была катакомба съ остовомъ, при которомъ найдены были стрѣлы, одна изъ нихъ костяная, и изъѣденныя ржавчиной желѣзныя вещи, вѣроятно разныя части вооруженія. Быть можетъ, по аналогіи съ нѣкоторыми подобными находками и эту могилу надо отнести къ числу такъ называемыхъ «скиѳскихъ».

Въ *Полтавской* губерніи близь *Кременчуга*, въ невысокомъ курганѣ найдены были вещи, видимо относящіяся къ такъ называемымъ «скиѳскимъ», но онѣ были разбиты и растеряны рабочими. Сохранились только обломки костяныхъ ноженъ, украшенныхъ рѣзными изображеніями звѣрей.

Въ 1873 году въ Кіевской губерніи *Звенигородскаго* уѣзда у села *Петрика* въ обрушившейся насыпи, на краю оврага найдены бронзовая патера въ видѣ полоскательной чашки безъ всякихъ украшеній, золотыя нашивныя бляшки въ видѣ розетокъ, два браслета крученныхъ изъ золотой проволоки съ конскими головами на концахъ, въ которыхъ замѣтны слѣды бирюзовыхъ (или эмалевыхъ) вставокъ, съ рѣзнымъ овальнымъ гранатомъ, на которомъ изображена фигура съ копьемъ и собакой, далѣе золотое ожерелье съ подвѣской въ видѣ полумѣсяца и виноградными гроздями, двѣ золотыя привѣски къ серьгамъ съ дутыми шариками и цѣпочками, куски четыреугольнаго зеркала изъ серебра и три рѣзныхъ камня, два зеленые — съ изображеніями головокъ и рѣзанныхъ вглубь, и одинъ съ изображеніемъ пасущагося оленя.

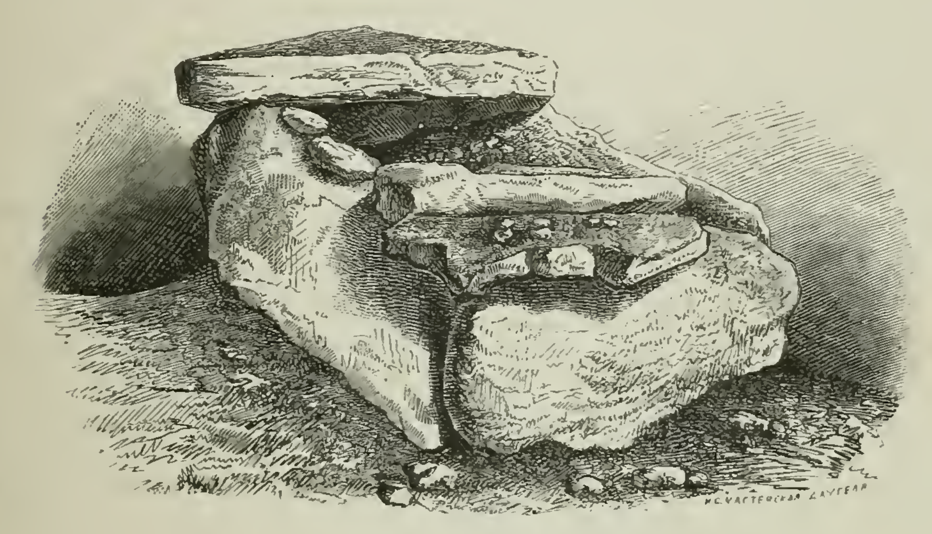
*

Одно изъ наиболѣе счастливыхъ и богатыхъ открытій въ исторіи «скиѳскихъ древностей», сдѣланное еще въ прошломъ столѣтіи, пропало почти безслѣдно для науки. Найденныя при немъ золотыя персидскаго стиля ножны уцѣлѣли и составляютъ важнѣйшее свидѣтельство художественныхъ связей Скиѳіи съ Персіею. Въ 1763 году генералъ-поручикъ Мельгуновъ, при разрытіи кургана, стоявшаго въ 30 верстахъ отъ крѣпости Св. Елизаветы (нынѣ Елизаветградъ) около рѣчки Тасьмины, на Западъ между верховьями Большаго и Малаго Ингуловъ, въ урочищѣ «Кучеровы буераки», сдѣлалъ замѣчательнѣйшую находку, переданную въ Академію Наукъ, а оттуда отчасти перешедшую въ Эрмитажъ, гдѣ она находится среди «древностей, найденныхъ въ Сибири». Судя по сохранившемуся описанію этой находки въ черноземной насыпи кургана, найдена была баба изъ песчанику, а на глубинѣ 6 футовъ гробница, обложенная каменными плитами. Въ ней найдены «золотая цѣпь изъ трехъ рядовъ сплетенныхъ колѣнцевъ съ 11 пряжками, изъ коихъ въ среднюю вставленъ былъ круглый сердоликъ, на концѣ цѣпи висѣло по 6 шариковъ, золотое толстое кольцо вѣсомъ почти въ 6 золотниковъ, 17 мѣдныхъ бляхъ, на которыхъ были изображены хищныя птицы безъ ногъ, на внутренней сторонѣ бляхъ по 4 ушка; два серебряныхъ подсвѣчника (?) на плоской ножкѣ съ позолоченнымъ вѣнкомъ въ верхней части, 5 серебряныхъ наставокъ отъ подсвѣчниковъ (?) вѣсомъ 58 золотниковъ, черенокъ (ручка ?) отъ кинжала, обтянутый золотою бляхою съ чеканомъ, три разломанныя золотыя бляхи, изъ коихъ на одной изображеніе кентавра (чудовища, какъ на нижеописанныхъ ножкахъ), на другой два журавля и на третьей обезьяна (?), разныхъ мелкихъ вещей 11 3/4 золот., разныхъ серебряныхъ кусочковъ вѣсомъ 12 1/2 золот., 20 серебряныхъ гвоздей, коихъ шляпки обтянуты серебромъ и 3 шляпки отъ гвоздей, двѣ мѣдныхъ перержавѣвшихъ вещи съ позолотою мѣстами, куски желѣза, 40 мѣдныхъ стрѣлъ; но главный интересъ представляютъ золотые ножны отъ кинжала, очевидно, персидской или даже ассирійской работы. Ножны эти немногимъ длиннѣе фута и довольно узки и округлы. Золотая оправа сохранилась не вся: средины на протяженіи около 2 вершковъ не хватаетъ, къ верхней части ноженъ сбоку придѣланъ такой-же особый выступъ для привѣшиванья, какъ и на ножнахъ мечей Куль-Обы, Чертомлыцкаго кургана и персидскихъ барельефовъ (см. ниже стр. 147), приставка эта окружена бордюромъ изъ завитковъ, а средина украшена рельефнымъ изображеніемъ оленя, лежащаго, закинувъ рога за спину, въ той-же позѣ, какъ и на Куль-Обской пластинѣ (см. рис. 126) и на бляшкѣ, найденной близь Смѣлы; повыше оленя круглое отверстіе, для привѣшиванья кинжала; такая-же бляха покрываетъ приставку эту и съ обратной стороны; верхняя часть ноженъ украшена изображеніемъ миѳологической сцены: въ срединѣ нѣчто въ родѣ священнаго дерева, которое является на ассирійскихъ барельефахъ, въ орнаментальной формѣ, по сторонамъ его по натуральному дереву въ кадкѣ, а по краямъ стоятъ съ кадильницами по крылатому духу; вдоль самыхъ ноженъ тянется, между бордюрами, украшенными меандровымъ орнаментомъ завитками, рядъ чудовищъ, имѣющихъ звѣриныя туловища, изображенія зубастыхъ рыбъ вмѣсто обычныхъ крыльевъ, съ человѣческими руками, пускающія стрѣлы изъ луковъ, головы же

ихъ различны: орлиныя, человѣческія безбородыя съ повязкой вродѣ діадемы и львиныя; всѣхъ фигуръ было, вѣроятно, семь.

Ко временамъ болѣе отдаленнымъ, чѣмъ времена устройства такъ называемыхъ «скиѳскихъ» кургановъ, относятъ могилы весьма бѣднаго содержанія, вырытыя или прямо въ землѣ, или рѣже обложенныя камнями. Могилы такого рода нерѣдко образуютъ какъ-бы родовыя кладбища, находясь по нѣскольку подъ одною, иногда весьма значительной насыпью.

Примѣрами такихъ кладбищъ могутъ служить, такъ называемая *Долгая могила* въ 3 верстахъ къ востоку отъ Александрополя и *Толстая могила* у села Бѣленькаго въ 4 верстахъ къ западу отъ Днѣпра и верстахъ въ 50 къ югу отъ Краснокутской станціи.

113. Гробница «Долгой могилы».

Долгая могила была насыпью эллиптической формы (около 42 саженъ длиной и 26 шириной), высота ея доходила до 2 саженъ; при раскопкахъ, произведенныхъ въ 1856 г. П. С. Савельевымъ, оказалось, что насыпь эта прикрывала въ одной только изслѣдованной ея части 8 могилъ; 4 вырытыхъ въ материкѣ, одну въ самой насыпи и три, устроенныхъ такъ, что погребенные въ нихъ лежали на поверхности материка. Въ серединѣ кургана въ материкѣ выкопана была яма въ $1^1/_4$ арш. глубины, $1^1/_2$ саж. длины и сажень ширины, по угламъ стояли толстыя сваи около $1^1/_2$ арш. длины; куски дерева въ самой могилѣ показывали, что она покрыта была деревяннымъ потолкомъ; въ ней лежалъ мужской остовъ съ мѣднымъ ножемъ (или наконечникомъ копья?) у лѣваго бока, съ грубымъ горшкомъ у головы и остовомъ лошади въ ногахъ. Изъ остальныхъ могилъ наиболѣе интересны двѣ: одна, вырытая въ материкѣ и покрытая двумя каменными плитами, заключала остовъ, на костяхъ котораго сохранились слѣды красной краски, другая же была построена на материкѣ изъ 4 большихъ камней, поставленныхъ ребромъ и обтесанныхъ извнутри гробницы, имѣвшей около $2^1/_2$

арш. длины, $1^{1}/_{4}$ ширины и около 2 глубины, сверху гробница покрыта была тремя камнями.

Въ могилѣ этой найденъ былъ скелетъ, лежавшій на лѣвомъ боку, въ головахъ его сосудъ изъ необожженной глины самой грубой работы, въ двухъ углахъ еще по горшку такой-же глины, изъ которыхъ одинъ съ орнаментомъ, слѣва лежалъ скелетъ молодой лошади. Могила находилась въ юго-восточномъ концѣ насыпи; въ пяти аршинахъ къ Востоку отъ этой гробницы найденъ былъ слой пепла съ обожженными человѣческими (?) костями. Въ одной изъ остальныхъ могилъ скелету придано было скорченное — такъ называемое утробное положеніе. Могилы оріентированы были относительно сторонъ свѣта различно.

Толстая могила у села Бѣленькаго, изслѣдованная въ 1860 г. Забѣлинымъ, имѣетъ болѣе 100 саж. въ окружности, бока поднимаются сперва отлого, а затѣмъ довольно круто на высоту болѣе 4 саженъ. На вершинѣ стояла, вѣроятно, каменная баба, обломки которой найдены были близъ кургана. Въ самой насыпи кургана въ центрѣ ея на глубинѣ полусажени стоялъ вертикально камень около 2 арш. вышины и аршина ширины, на 8 саженъ къ востоку оказался лежащимъ по направленію къ востоку камень 3 арш. 4 вер. длиной и 10 вер. шириною, къ западу оказалось въ насыпи также нѣсколько камней изъ которыхъ нѣкоторые стояли отвѣсно.

Въ центрѣ кургана на материкѣ построена была гробница изъ известковыхъ плитъ, стѣны которой были правильно оріентированы относительно сторонъ свѣта; длина ея была около $3^{1}/_{2}$ арш., ширина въ головахъ (къ востоку) — аршинъ, въ ногахъ — 10 вер., вышина въ головахъ аршинъ, въ ногахъ 14 вер., скелетъ лежалъ на спинѣ съ поднятыми колѣнами. Въ двухъ аршинахъ къ югу отъ гробницы поставленъ былъ отвѣсно камень около 2 арш. высотой, шириною же въ срединѣ 9 вер., по концамъ по 4 вер. Гробница стояла въ центрѣ (не совсѣмъ точно) круглой ограды изъ камней, поставленныхъ острыми краями къ верху, разстояніе ея отъ могилы было приблизительно около 2 саженъ. Въ оградѣ этой была еще одна могила въ 4 аршинахъ отъ первой (къ сѣверо-западу).

Сводить въ одно цѣлое памятники скиѳской древности было бы преждевременно, въ виду того, что самое разслѣдованіе скиѳскихъ некрополей едва начато, хотя много кургановъ разрыто, ради ихъ богатаго содержанія, и такимъ образомъ безслѣдно пропало для науки. Съ другой стороны, систематическое разслѣдованіе нѣкоторыхъ кургановъ и могильниковъ обнаружило во всей ясности самостоятельный типъ скиѳскихъ древностей, и по содержанію ихъ, и по стилю выдѣляющихся рѣзко изъ области классическихъ древностей южной Россіи. Становится яснымъ, что греческое искусство, принесенное въ ея колоніи, послужило лишь внѣшнею оболочкою для ея населенія, самобытнаго какъ въ быту, такъ и въ выраженіи завѣтныхъ вкусовъ и идей. Греческое искусство, являвшееся съ полнымъ арсеналомъ разнообразной утвари и художественной обстановки въ предѣлахъ самыхъ колоній и представляя тамъ собою главный факторъ жизни, за границею этихъ немногихъ городовъ исполняло роль только служебную, и мелѣло, сталкиваясь съ широкимъ потокомъ издѣлій, вполнѣ своеобразныхъ и по назначенію, и по техникѣ. Вся масса этихъ вещей, являющихся по преимуществу

предметами личнаго, мужскаго и женскаго, а также конскаго убора, не составляетъ, однако, самостоятельнаго искусства въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ тѣсно примыкаетъ къ обширному варварскому искусству Средней Азіи и Сибири и является лишь его характерною вѣтвью. Важность художественныхъ типовъ, а главнымъ образомъ, содержаніе такъ называемыхъ скиѳскихъ древностей состоитъ въ ихъ непосредственной связи съ древностями позднѣйшей эпохи послѣ Р. Х., столь-же условно именуемыхъ сарматскими, а черезъ нихъ, благодаря родству (или даже тождеству) этихъ племенъ съ племенами Германо-славянскими, — въ связи съ варварскими древностями западной и сѣверной Европы.

Но греко-римскій стиль, съ его высшими художественными достоинствами и непоколебимою устойчивостью, съумѣлъ подладиться къ потребностямъ и образу мыслей варваровъ, послужить дѣлу ихъ выраженія и самаго уясненія. Онъ-же остается единственнымъ вѣрнымъ руководителемъ въ хронологіи этого безличнаго быта, и его колебанія, упадокъ и перемѣны являются для насъ показателемъ судебъ самой земли и населяющихъ ее народовъ.

Чѣмъ далѣе на сѣверъ обитало кочевье, тѣмъ менѣе нуждалось оно въ пособіяхъ греческой культуры. Царскія могилы Куль-Оба, Семи братьевъ богаты предметами утвари, сравнительно съ Чертомлыцкою. И, напротивъ того, чѣмъ далѣе на Сѣверъ, тѣмъ болѣе умножаются оригинальные уборы, личные и конскіе.

Хотя раскопки не дали доселѣ ни одного образца тѣхъ скиѳскихъ чашъ, носимыхъ у пояса, о которыхъ говоритъ Геродотъ, какъ о принадлежности кочеваго племени, и хотя затѣмъ лучшіе сосуды, найденные въ курганахъ, оказываются греческой работы, однако всѣ находки этого рода должны считаться предметами скиѳскаго быта и вкуса. Исключеніе составляютъ большіе туземные котлы на ножкѣ, употреблявшіеся для варки пищи въ кочевомъ быту. Ихъ форма повторяется кубками вплоть до X столѣтія по Р. Х. Ихъ вѣнечныя украшенія, служащія ободомъ и ручкою, въ видѣ козловъ и барановъ, встрѣчаются, какъ въ эпоху переселенія народовъ, такъ и у Финовъ. Подобные котлы или казаны, вылитые (или, большихъ размѣровъ, даже выбитые) найдены въ курганахъ Александропольскомъ, Чертомлыцкомъ, Куль-Обскомъ, подлѣ Никополя и близь села Мартоношей въ Елизаветградскомъ уѣздѣ. Судя по многочисленнымъ экземплярамъ такихъ сосудовъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири (въ Минусинскомъ музеѣ ихъ насчитывается до 23, нѣкоторые изъ которыхъ тождественны съ Чертомлыцкими котлами), а также по тому, что Монголы, Киргизы, а также Туркмены доселѣ употребляютъ такіе казаны, должно признать ихъ Урало-алтайское происхожденіе. Вмѣсто животныхъ, орнаментированныя ручки иногда представляютъ перегнутую вѣтку о трехъ почкахъ. Большіе котлы можно считать употреблявшимися въ кошѣ для варки пищи, и нѣтъ необходимости относить ихъ къ сосудамъ жертвеннымъ.

Первое мѣсто между скиѳскими сосудами и древностями безспорно принадлежитъ великолѣпному серебряному сосуду, найденому въ Чертомлыцкомъ курганѣ и хранимому въ Императорскомъ Эрмитажѣ; подобнаго нѣтъ ни въ какомъ другомъ музеѣ. Сосудъ этотъ вышиною въ аршинъ, въ самой широкой своей

114. Серебряная ваза Чертомлыцкаго кургана.

части имѣетъ 8 $^{3}/_{4}$ вершка. Подножіе, шейка, ручки и всѣ изображенія густо вызолочены. Ваза нѣсколько повреждена въ двухъ мѣстахъ — на шейкѣ и на тульѣ. Она имѣетъ форму амфоры и, очевидно, предназначена была для храненія на пиршествѣ вина или кумыса; внутри ея шейки вдѣлано мелкое ситечко; такимъ-же образомъ устроены и три носика, придѣланные къ нижней части вазы, для процѣживанья, и затыкавшіеся пробочками на серебряныхъ цѣпочкахъ; два носика сдѣланы въ видѣ львиныхъ головокъ; третій, на передней сторонѣ сосуда, имѣетъ форму головы крылатой лошади. Тщательная отдѣлка этой головки, окруженной лучезарнымъ вѣнцомъ, стоитъ въ связи съ главнымъ сюжетомъ на вазѣ, прославляющимъ скиѳское коневодство. Хотя орнаментація оборотной стороны вазы вполнѣ соотвѣтствуетъ лицевой, но всѣ украшенія передней стороны исполнены въ большемъ рельефѣ и эта выпуклость постепенно уменьшается по направленію оборотной стороны, такъ что на ней многія частности рисунка только награвированы на поверхности. Фигуры верхняго фриза сдѣланы горельефомъ и его высота во всѣхъ частяхъ одинакова; каждая фигура отдѣльно отлита изъ серебра и припаяна къ поверхности сосуда. Надъ фризомъ мастеръ, исполнявшій вазу, помѣстилъ двѣ выпуклыя группы оленей, терзаемыхъ грифонами, самцомъ и самкою. Грифоны, какъ извѣстно, не составляютъ произведеніе эллинской фантазіи, но заимствованы ею отъ дальнаго азіатскаго Востока. Здѣсь они являются съ орлиною головою, съ тѣломъ львицъ. Въ томъ-же типѣ грифоны представлены на золотыхъ ножнахъ меча Чертомлыцкой могилы и на золотой пластинкѣ этого кургана. Эта группа связываетъ по сюжету и стилю курганъ Чертомлыцкій съ Александропольскимъ и Куль-Обскимъ, въ которыхъ она встрѣчается на золотомъ конскомъ уборѣ перваго и четырехъ браслетахъ послѣдняго. Несравненно грубѣе переданъ сюжетъ на золотыхъ Куль-Обскихъ ножнахъ и ручкѣ зеркала. Основною мыслью этихъ изображеній служитъ, явно, предохранительное значеніе, придававшееся имъ въ древности и засвидѣтельствованное присутствіемъ ихъ на предметахъ вооруженія, напр. шлемахъ, также военныхъ значкахъ, какъ грифоны ажурныхъ бляхъ со втулками скиѳскихъ кургановъ съ подвѣшенными къ бляхамъ колокольчиками, имѣющими то-же значеніе.

Содержаніе фриза указываетъ, что сосудъ былъ сдѣланъ для богатаго Скиѳа и что художникъ былъ близко знакомъ со скиѳскими нравами, или даже жилъ въ южной Россіи. Реальный сюжетъ, воспроизведенный вполнѣ правдиво и близко къ натурѣ, и съ необыкновенно живой, характерной передачею скиѳскаго типа, даетъ высокое понятіе о жанрѣ въ греческомъ искусствѣ конца IV и начала III вѣка до Р. Х. Но истиннымъ греческимъ изяществомъ отличается общая композиція фриза и фигуры нѣкоторыхъ изъ лошадей.

Центромъ всей сцены служитъ кобылица, около которой заняты четыре Скиѳа — двое пожилыхъ и двое молодыхъ, безбородыхъ; дѣло идетъ о дрессировкѣ породистыхъ царскихъ коней, и мѣстомъ дѣйствія служитъ степь. Двѣ лошади покойно пасутся на степи, двумъ другимъ конюхи накинули на головы арканы и, присѣвъ на землю, пытаются задержать ихъ порывистый бѣгъ (арканами на вазѣ служили серебряныя нити, сохранившіяся у каждаго Скиѳа въ сжатомъ кулакѣ). Съ лѣвой стороны отъ главной группы Скиѳъ-конюхъ одною рукою подгибаетъ

115. Серебряная ваза Чертомлыцкаго кургана.

коню лѣвую переднюю ногу и старается, затянувъ уздечку, повалить его на лѣвый бокъ.

Съ правой стороны Скиѳъ спутываетъ смирно стоящему передъ нимъ коню переднія ноги. Во всемъ изображеніи это единственный степной конь, котораго порода, близкая къ нынѣшнимъ киргизскимъ лошадямъ, передана съ особенною вѣрностью. Конюхъ пріѣхалъ въ табунъ очевидно послѣднимъ и только теперь треножитъ своего коня.

116. Группа оленя съ грифонами и фризъ Чертомлыцкаго кургана.

Всѣ Скиѳы одѣты въ короткій и узкій кафтанъ или казакинъ, укороченный сзади и на бокахъ и спущенный мыскомъ напереди, ради удобства при верховой ѣздѣ и согласно фасону кафтановъ, принятому въ Персіи во времена Парѳянъ. Кафтанъ этотъ видимо мѣховой, тогда какъ всѣ шаровары, заткнутыя за сапоги,— матерчатыя. Короткіе сапоги стянуты ремнемъ на лодыжкахъ и черезъ подъемъ.

На головахъ Скиѳовъ нѣтъ шапки; густые волосы острижены спереди въ скобку, а сзади спущены длинными прядями по-сарматски.

Къ сожалѣнію, мало сохранившіяся детали въ изображеніи Скиѳа, стоящаго лицемъ къ зрителю, не позволяютъ различить сосуда въ лѣвой его рукѣ, но правою онъ видимо собирается открыть короткій мѣхъ, перекинутый черезъ плечо, чтобъ напиться.

Богатыя украшенія, размѣщенныя художникомъ на туловищѣ вазы, въ видѣ фестоновъ изъ листьевъ и цвѣтовъ, соотвѣтствуютъ изображенію жизни роскошныхъ южно-русскихъ степей. Въ верхней части помѣщены и мастерски отдѣланы большіе дикіе голуби, а внизу журавли, водящіеся въ изобиліи въ степяхъ.

117. Серебряный сосудъ изъ Куль-Оба.

Между металлическою утварью скиѳскихъ гробницъ обращаютъ на себя вниманіе шесть серебряныхъ сосудовъ, найденныхъ въ Куль-Обской гробницѣ. Они имѣютъ круглое туловище безъ ножки и низкое, широкое горлышко. Судя по разной ихъ величинѣ, отъ 5 до 13 сантиметровъ въ вышину, они могли служить для разныхъ цѣлей — для питья, такъ и для мастей, краски и восточныхъ притираній. Единственно ихъ неразвитой и неуклюжій контуръ, а также ручной размѣръ подобной утвари указываетъ на восточное, и притомъ кочевое происхожденіе; подобная форма въ глинѣ распространена въ могильникахъ древнихъ племенъ Кавказа. Сосуды, представленные здѣсь въ рисункахъ (117, 118), греческой работы, въ тяжеломъ орнаментованомъ вкусѣ.

Ваза на рис. 117 представляетъ льва, львицу и львенка, напавшихъ на оленя. Выпуклый и позолоченный фризъ другой вазы (рис. 118) болѣе тонкаго исполне-

нія, но той-же нѣсколько условной манеры. Здѣсь изображены три группы животныхъ: два грифа терзаютъ дикаго козла, левъ и львица пожираютъ оленя, левъ терзаетъ кабана. Сухая и тяжелая манера представленія животныхъ указываетъ на II — I столѣтіе до Р. Х.

118. Серебряный сосудъ изъ Куль-Оба.

Электровая (смѣсь изъ четырехъ частей золота и одной — серебра) ваза, найденная на прахѣ Куль-Обской царицы, отличается отъ предъидущихъ ножкой и приспособленіемъ горлышка для широкой пробки (рис. 119).

Изображенныя на нашей вазѣ сцены (фризъ представленъ на рис. 120 развернутымъ) весьма любопытны. Порядокъ сценъ идетъ слѣва на право, и мѣстомъ дѣйствія имѣетъ степь, покрытую травою и кочками. На крайней группѣ слѣва представленъ скиѳскій вождь или царь, судя по діадемѣ — повязкѣ на его головѣ. Сидя на кочкѣ, онъ обѣими руками опирается на копье и, внимательно слушая своего лазутчика, невольно прижимаетъ лобъ къ копью; положеніе ногъ сидящаго отличается замѣчательною наблюдательностью и вся фигура очень экспрессивна: группа воспроизводитъ живыми чертами моментъ дѣловаго доклада и допроса. Лазутчикъ, сидя на землѣ по восточному, весь изображаетъ собою вниманіе къ вопросу вождя. Въ рукахъ у обоихъ — копейныя рогатины;

у вождя съ лѣваго бока — коритъ, у лазутчика — большой кожаный щитъ. Сосѣдній Скиѳъ съ усиліемъ надѣваетъ тетиву на лукъ. Въ слѣдующей группѣ одинъ Скиѳъ ощупываетъ больную или раненную челюсть другаго: выраженіе

119. Электровый сосудъ изъ Куль-Оба.

страданія и непроизвольныя движенія больнаго, а также болѣе тонкая экспрессія наивнаго вниманія у врача придаютъ сценѣ легкій оттѣнокъ комизма. Такими-же достоинствами рисунка и экспрессіи отличается послѣдняя сцена — перевязыванія больной или раненой ноги.

На этотъ разъ Скиѳы одѣты въ кожаныя, можетъ быть, также мѣхомъ внутрь (какъ и кафтаны), штаны; съ большими подробностями представлена узорчатая стежка на кожѣ; ременные пояса покрыты металлическимъ наборомъ.

Мягкая кожаная обувь безъ подошвы отличаетъ наѣздническое племя кочевниковъ. Въ общемъ, всѣ фигуры воспроизводятъ знакомый типъ Сарматскаго племени.

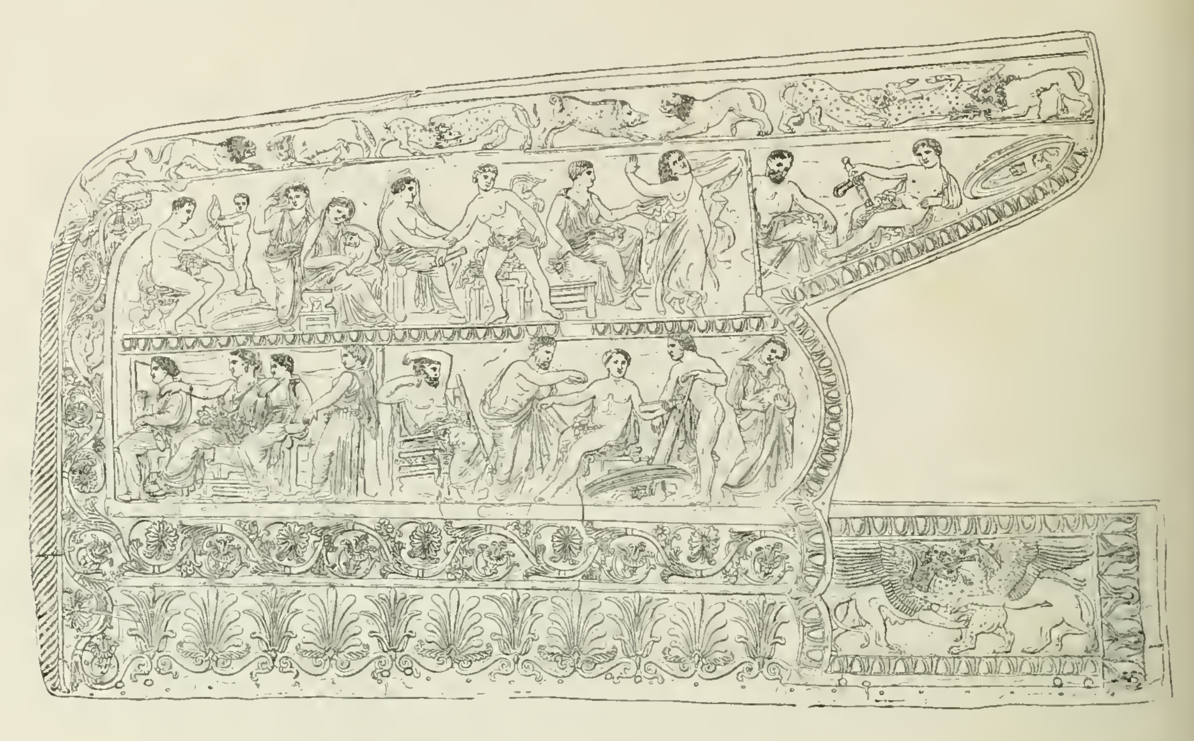
Великолѣпная золотая чеканная пластина, украшавшая коритъ, или налучіе скиѳскаго царя, погребеннаго въ Чертомлыцкомъ курганѣ (рис. 121), представляетъ чисто греческое художественное произведеніе лучшаго времени искусства, повидимому не позже начала III столѣтія. Всѣ орнаменты, какъ-то овы, змѣиные язычки, пальметты и цвѣточныя вьющіяся лозы, пышнаго, нѣсколько тяжелаго пошиба, заимствованы изъ роскошнаго архитектурнаго стиля Іонянъ; манера представленія фигуръ, позъ и драпировки указываетъ на чисто греческій, аѳинскій стиль и на знаніе его лучшихъ произведеній IV вѣка. Но, съ другой стороны, вся композиція заставляетъ предполагать въ художникѣ близкое знакомство съ скиѳскимъ бытомъ, и самая пластина должна была служить украшеніемъ скиѳскаго налучія (корита).

Различныя животныя, которыми художникъ украсилъ свое произведеніе, указываютъ ясно на мѣстность и народъ, которые онъ имѣлъ при этомъ въ виду. Въ верх-

120. Фризъ Куль-Обскаго электроваго сосуда.

ней каймѣ въ меньшемъ масштабѣ изображены: олень, сдѣлавшійся добычею льва и барса; левъ, напавшій на кабана; самка барса, которая терзаетъ лань, и львица, напавшая на быка. Нижняя группа состоитъ изъ барса, борющагося съ двумя грифонами, самцомъ и самкой.

121. Золотая пластина отъ налучья, изъ Чертомлыцкаго кургана.

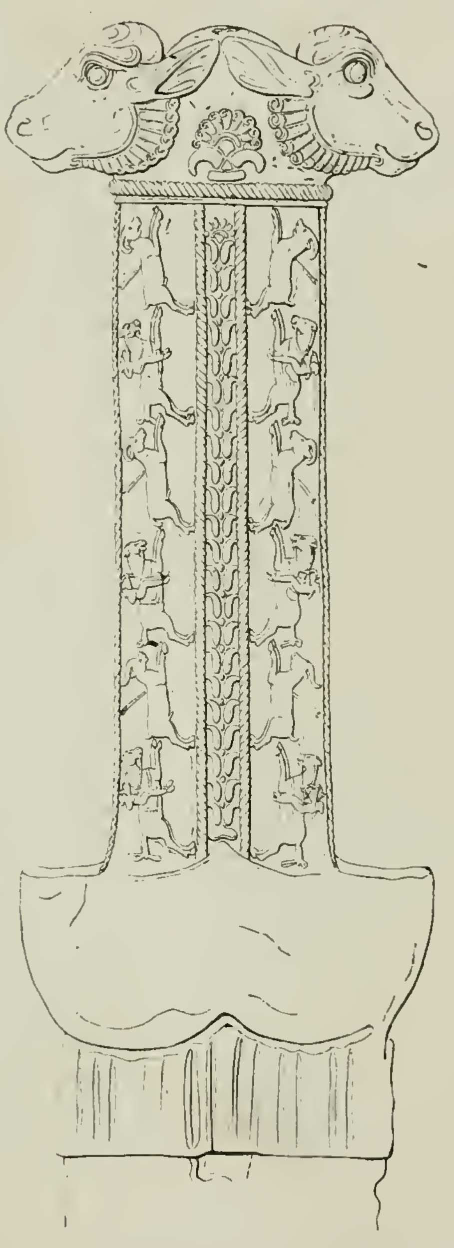
Дѣйствіе, изображенное во фризахъ, происходитъ въ двухъ мѣстахъ: на лѣво отъ зрителя, въ помѣщеніи, которое отдѣлено завѣсою (женскомъ отдѣленіи), находятся четыре женщины, всѣ обращенныя въ лѣвую сторону; въ позѣ ихъ выражается одно напряженное ожиданіе: у женщины, сидящей посрединѣ,— очевидно главнаго лица всей группы — волненіе отъ ожиданія перешло изъ бывшаго живаго безпокойства въ нѣкоторое нервное расслабленіе. Она прислушивается къ громкому спору мужчинъ, происходящему вблизи, и крайне озабочена его исходомъ. Рядомъ дѣйствіе происходитъ во дворѣ дома, на что указываетъ жертвенникъ, на который присѣлъ юноша, ведущій споръ съ двумя мужчинами; къ спору прислушивается покойно сидящій мужчина слѣва; справа кормилица, отвернувшись и печально склонивъ голову, уноситъ ребенка.

Въ верхнемъ фризѣ главная фигура представлена дѣвушкою, убѣгающею въ отчаяніи, въ то время, какъ вскочившій также съ своего мѣста юноша стремится поразить убѣгающую кинжаломъ; ихъ удерживаютъ сидящіе юноша и дѣвица. Съ боку двѣ женщины, въ ужасѣ отъ новыхъ впечатлѣній, отдалились отъ происходящаго, а одна изъ нихъ старается успокоить ребенка. По сторонамъ этой

сцены изображены: покойная бесѣда двухъ мужчинъ и обученіе ребенка юношею стрѣльбѣ изъ лука.

Согласно съ обычаями древняго искусства, въ нижнемъ ряду помѣщенъ актъ, предшествующій, и потому верхняя страстная сцена является естественнымъ послѣдствіемъ разбирательства, помѣщеннаго въ нижнемъ фризѣ.

Въ этихъ сценахъ изображено аѳинское преданіе объ Алопѣ, дочери Элевзинскаго царя Керкіона, родившей отъ бога Посидона властителя Элевзина Гиппофоона. Когда Алопа родила мальчика, то она велѣла кормилицѣ своей выбросить его на произволъ судьбы. Младенецъ былъ вскормленъ сперва кобылицею; потомъ нашелъ его пастухъ, который передалъ младенца другому пастуху, но при этомъ скрылъ драгоцѣнности, найденныя при ребенкѣ. Пастухи поссорились между собою и, чтобы уладить дѣло, отправились съ ребенкомъ и вещами къ царю Керкіону. Послѣдній, узнавъ дѣло, приказалъ заключить свою дочь въ темницу, а ребенка снова выбросить. Но мальчикъ опять былъ найденъ и вскормленъ пастухами, а прибывшій въ Елевзинъ Тезей умертвилъ дикаго Керкіона и передалъ царство Гиппофоону. По другому варіанту миѳа, Тезей и Алопа сблизились между собою, и на данномъ фризѣ взволнованный юноша нижней и верхней сцены представляетъ именно Тезея; волнующаяся женщина — Алопу.

122. Рукоять меча изъ Чертомлыцкаго кургана.

Извѣстно, что Царскіе Скиѳы поклонялись божеству, котораго Греки уподобляли Посидону, по отношеніямъ этого божества къ коневодству. Родиною миѳа можно считать Ѳессалію, славившуюся коневодствомъ, а важною чертою его — связь съ Амазонками, вскармливаемыми молокомъ кобылицъ.

Туземный скиѳскій мечъ былъ, видимо, и боевымъ, и охотничьимъ ножемъ *(акинакъ)*; возможно, что онъ имѣлъ въ простѣйшемъ своемъ видѣ одно лезвіе, подобно варварскимъ позднѣйшимъ мечамъ эпохи переселенія народовъ, распространившимся отъ Средней Азіи до Франціи. Обоюдуострый короткій мечъ, который

123. Золотая пластинка съ ноженъ меча изъ Чертомлыцкаго кургана.

на изображеніяхъ видимъ въ рукахъ Скиѳовъ и восточныхъ варваровъ, и который находится въ ихъ могилахъ, былъ исключительно боевымъ и тождественъ по формѣ съ персидскими мечами.

Короткій, обоюдуострый и узкій скиѳскій мечъ обдѣлывался листовымъ золотомъ по ручкѣ, а у вождей снабжался богатыми ножнами въ видѣ золотой накладки на кожу. Чаще всего накладка рукояти оставлялась гладкою (три меча Чертомлыцкой могилы), или покрывалась (два меча того-же кургана) грубыми орнаментальными каймами мѣстнаго издѣлія, — преимущественно звѣринаго стиля или же восточнаго растительнаго орнамента, но въ могилахъ знатныхъ скиѳскихъ вождей или царей найдены и великолѣпные экземпляры съ художественными украшеніями.

Такова великолѣпная рукоять царскаго боеваго меча, сохранившаяся безъ клинка и найденная въ Чертомлыцкомъ курганѣ (рис. 122). Высокопробное золото этой рукояти и превосходная отдѣлка всѣхъ ея украшеній заставляютъ предполагать, что именно ея клинокъ былъ снабженъ великолѣпными ножнами греческой работы (см. рис. 123), хотя рядомъ съ этими ножнами были найдены два желѣзныхъ меча съ золотыми рукоятями, и на другой были грубо оттиснуты грифоны и животныя варварской работы. Верхній конецъ представляемой въ рис. 122 рукояти имѣетъ форму двухъ, обращенныхъ въ противуположныя стороны, бычачьихъ головъ съ маленькими молодыми рожками, переданныхъ въ безпримѣсномъ персидскомъ стилѣ IV — V вѣка до Р. Х. По стволу рукояти поясокъ изъ жгутиковъ, съ условнымъ рисункомъ пальмоваго дерева внутри, раздѣляетъ четыре полоски или фриза съ фигурными изображеніями, повторенными дважды на обѣихъ сторонахъ рукояти. Здѣсь представлена восточная охотничья сцена съ тремя всадниками — среднеазіатскими Скиѳами, которые преслѣдуютъ двухъ дикихъ козловъ изъ породы, встрѣчаемой изрѣдка на Кавказѣ и называемой туромъ, и антилопу, водя-

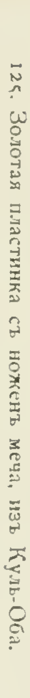
щуюся въ степяхъ аралокаспійской низменности и извѣстную подъ названіемъ сайги.

Сборный характеръ скиѳскихъ предметовъ роскоши открывается чистымъ греческимъ стилемъ изображеній на ножнахъ этого меча (рис. 123), отъ которыхъ уцѣлѣла только верхняя золотая чеканная пластинка и узкія золотыя каймы отъ боковъ. Пластинка эта, длиною въ 12 вершковъ, совершенно соотвѣтствуетъ Куль-Обской золотой накладкѣ, но послѣдняя имѣетъ 1 аршинъ длины. Въ обѣихъ накладкахъ обращаетъ на себя вниманіе широкій выступъ, находящійся въ верхней части обѣихъ пластинъ: очевидно, этотъ выступъ покрывалъ соотвѣтствующую часть кожаныхъ ноженъ, а она сама назначалась или для того, чтобы вынимать удобнѣе мечъ въ сторону, или скорѣе всего, для прикрѣпленія вплотную меча къ поясу, что требовалось при верховой ѣздѣ. Подобнаго рода приспособленія извѣстны на кинжалахъ Индіи и малайскихъ крисахъ. Снимокъ съ персидскаго барельефа Персеполиса, изображеннаго въ рис. 124, показываетъ, что этого рода выступъ могъ произойти отъ металлической ручки, за которую подобный кинжалъ привѣшивался къ поясу. Но изображенный на золотой пластинкѣ съ Аму-Дарьи среднеазіатскій Скиѳъ имѣетъ у пояса висящій мечъ, котораго ножны образуютъ тождественный съ нашими пластинами выступъ, явно персидскаго или среднеазіатскаго типа (рис. 35). Полнымъ доказательствомъ персидскаго происхожденія этой формы служатъ другія ножны меча, найденныя въ Тасьминской могилѣ (изъ древностей, переданныхъ вмѣстѣ съ сибирскими въ Императорскій Эрмитажъ). На выступѣ горельефомъ представленъ олень (см. ниже). По фризу ноженъ рядъ крылатыхъ ассирійскихъ сфинксовъ движется, напрягая лукъ; на концѣ ноженъ — два стильные льва. Превосходная гравировка и строгость рисунка указываютъ на лучшую эпоху персидскаго искусства въ V столѣтіи до Р. Х. Оригинальную особенность представляютъ крылья сфинксовъ въ формѣ рыбъ.

124. Персидскій барельефъ изъ Персеполиса.

Выступъ на Чертомлыцкихъ ножнахъ украшенъ изображеніемъ грифона, терзающаго голову сѣвернаго оленя; туловищу оленя не осталось мѣста; два грифона помѣщены у рукояти. Остальное пространство, по формѣ ноженъ, украшено фризомъ, представляющимъ боевую сцену между Греками и Скиѳами: ни та, ни другая сторона не имѣетъ перевѣса. Сцена расчленена на пять группъ: слѣва два вождя, одинъ — Грековъ, другой — Скиѳовъ, бьются впереди своихъ отрядовъ, и въ то время какъ Грекъ, обращаясь назадъ, побуждаетъ своихъ за нимъ слѣдовать, скиѳскій вождь готовится ударить его своимъ мечемъ. Скиѳъ одѣтъ по обычаю, но сверхъ кафтана онъ обмоталъ около тѣла короткій плащъ, за-

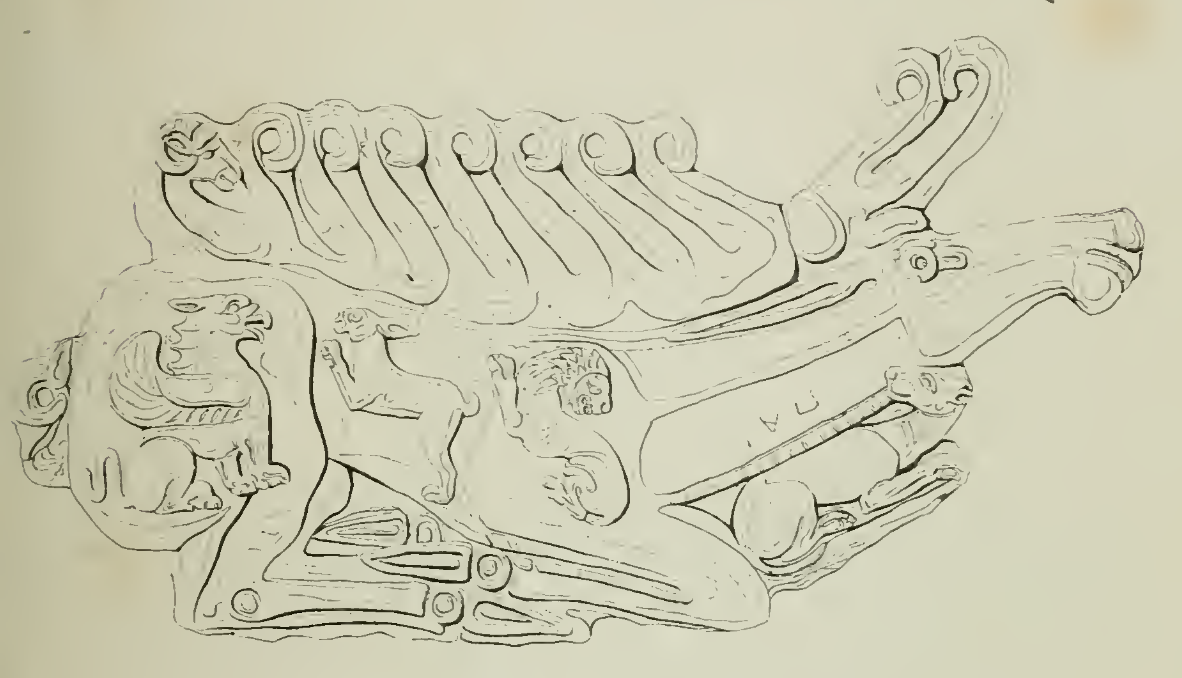

125. Золотая пластинка съ ноженъ меча, изъ Куль-Оба.

ткнувъ его за поясъ; на головѣ его кирбасія или тіара съ украшенными и развѣвающимися полосками (съ фаларами, подвѣсками, по Эсхилу, Pers. 661).

Во второй группѣ видимъ павшаго молодаго Грека, котораго Скиѳъ собирается докончить короткимъ копьемъ или рогатиною, въ то время, какъ Грекъ напрасно пытается приподнять своего товарища. Далѣе погибаетъ молодой Скиѳъ, павшій на колѣна и отбивающійся отъ Грека своею сѣкирою; къ Скиѳу спѣшитъ на помошь товарищъ, но конь его, раненый подъ нимъ, падаетъ, и онъ напрасно тянетъ его за уздечку. Еще далѣе гибнетъ Грекъ, котораго Скиѳъ хватаетъ уже за ноги, чтобы утащить въ плѣнъ, а въ концѣ фриза представленъ павшій Скиѳъ, держащій за узду своего коня.

Куль-Обская накладка остается далеко позади Чертомлыцкой по своему художественному достоинству, но ея историческое значеніе гораздо выше. Находящаяся на правомъ концѣ Куль-Обской пластинки надпись **ПОРNАХО** называетъ, на этотъ разъ, самого художника или мастера, исполнившаго работу чеканомъ и рѣзцомъ по металлу. Имя это варварское, стоитъ въ явномъ сродствѣ съ извѣстнымъ именемъ «Фарнакъ» и указываетъ на существованіе у Скиѳовъ не только греческихъ мастеровъ, но и своихъ собственныхъ. Отсюда, стиль и характеръ даннаго предмета долженъ стать точкою отправленія для сужденій о состояніи искусства у европейскихъ Скиѳовъ. На выступѣ представленъ гиппокампъ, прыгающій по морскимъ волнамъ; дважды свившееся рыбье тѣло оканчивается хвостомъ въ формѣ полумѣсяца; тѣло лошади напоминаетъ собою изображеніе Скиѳовъ-всадниковъ на золотыхъ бляшкахъ (рис. 20), которыя, въ свою очередь, также должны быть мѣстнаго издѣлія. Верхъ пластинки украшенъ, по-гречески, двумя птичьими головами, клюющими лилію. На концѣ пластинки — львиная голова. По фризу расположено пять животныхъ, композиція которыхъ можетъ почитаться образцомъ декораціи скиѳскихъ и среднеазіатскихъ золо-

тыхъ пластинъ, отличающихся отъ нея лишь степенью отдѣлки и достоинствомъ копіи. Прежде всего замѣчается въ композиціи общій художественный пріемъ древней Ассиріи и Персіи — расположеніе ногъ всѣхъ звѣрей по одной линіи: цапая по землѣ лапами, звѣри какъ-бы ползутъ, судорожно напрягая мускулы. При извѣстномъ однообразіи композиціи и рисунка въ изображеніи звѣрей, какъ хищныхъ, такъ и травоядныхъ, достигается особая сила экспрессіи и внутренней страстности, свойственная искусству и характеру варваровъ. Этой-же манерѣ соотвѣтствуетъ условная стилистика волосъ и энергично выработанной мускулатуры.

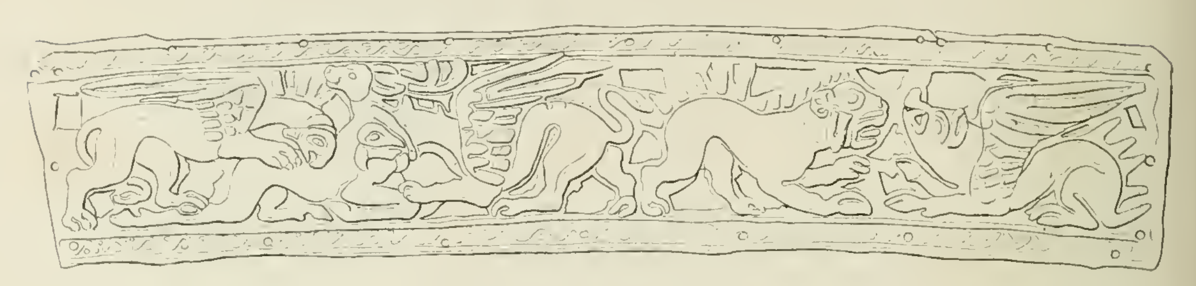

126. Золотая пластинка, служившая, вѣроятно, украшеніемъ налучья, изъ Куль-Оба.

Работу той-же скиѳской мастерской можно видѣть въ серебряныхъ вазахъ Куль-Обской могилы (см. рис. 117 и 118), изображенія на одной изъ которыхъ (рис. 117) вполнѣ даже соотвѣтствуютъ фризу пластинки, въ оленѣ той-же могилы (рис. 126) и въ бляшкахъ со скиѳскимъ всадникомъ (рис. 20), съ изображеніемъ Скиѳа съ грифономъ (рис. 132), съ женской фигурой и пьющимъ Скиѳомъ (рис. 95) и многихъ другихъ.

Золотая электровая выбитая пластинка, сдѣланная въ видѣ фантастическаго оленя найдена подъ поломъ Куль-Обскаго склепа, въ разграбленной могилѣ, и служила, вѣроятно, украшеніемъ налучія. Скорчившаяся фигура звѣря представляетъ оленя раненнымъ, и варварскій художникъ по тѣлу его и подъ шеей изобразилъ его враговъ — собаку, льва, грифона и тутъ-же прыгающаго зайца, по-варварски размѣстивъ ихъ по тѣлу оленя въ меньшемъ масштабѣ. Схематическія по формѣ вѣтвистые рога оканчиваются головою овна. Такая-же пла-

стинка (въ коллекціи графа А. А. Бобринскаго) найдена въ Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, но большаго размѣра, и на всѣхъ вѣтвяхъ роговъ оленя концы представлены въ формѣ птичьихъ головокъ. Тотъ-же олень выбитъ чеканомъ на выступѣ упомянутыхъ золотыхъ ноженъ меча, хранящихся въ Импера-

127. Золотая полоска изъ Чертомлыцкаго кургана.

торскомъ Эрмитажѣ и въ найденныхъ близъ Елизаветграда, въ Тасьминѣ. Эта тема изображенія раненнаго оленя повторяется множествомъ золотыхъ ажурныхъ и горельефныхъ пластинъ между сибирскими древностями, и самыя фантастическія формы животнаго имѣютъ тамъ свой источникъ. Позднѣе, мотивъ раненаго оленя встрѣчается въ бронзовыхъ издѣліяхъ варварскихъ могильниковъ Кавказа.

128. Золотая полоска изъ Чертомлыцкаго кургана.

Изъ предметовъ личнаго убора, найденныхъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ, къ этому стилю относится цѣлый рядъ золотыхъ полосокъ, нашивавшихся на кожаныя одежды, а главнымъ образомъ на башлыки. Полоска, изображенная на рис. 127, отличается отъ другихъ тѣмъ, что она прорѣзная, и по этой особенности примыкаетъ къ Сибирскимъ древностямъ и бронзовымъ бляхамъ скиѳскихъ кургановъ; этимъ способомъ варварскія восточныя производства стремились дополнить чеканный или литой барельефъ до полной натуральной фигуры: ажурная техника этихъ золотыхъ вещей заставляетъ думать, что онѣ накладывались на красную кожу или сафьянъ, и что скиѳскіе кафтаны и башлыки окрашивались въ пурпуръ или красный цвѣтъ. Такъ, фигура старца, сидящаго въ креслахъ возлѣ

юрты на фрескѣ катакомбы Антестэрія, одѣта въ широкую красную одежду. Схватка льва съ крылатымъ кабаномъ на этой пластинѣ находитъ себѣ соотвѣтствіе въ Куль-Обскихъ бляшкахъ и серебряныхъ монетахъ Херсонеса.

Вторая полоска (рис. 128) составляетъ часть длинной пластинки, разломанной на восемь кусковъ. Кромѣ обычныхъ грифоновъ на ней изображенъ фантастическій крылатый звѣрь, съ львинымъ тѣломъ и человѣческой головою, съ рогами быка. Подобная-же голова находится на бляшкѣ изъ Геремесовскихъ кургановъ, и очевидно воспроизводитъ ассирійскій типъ, отмѣченный на Тасьминскомъ мечѣ.

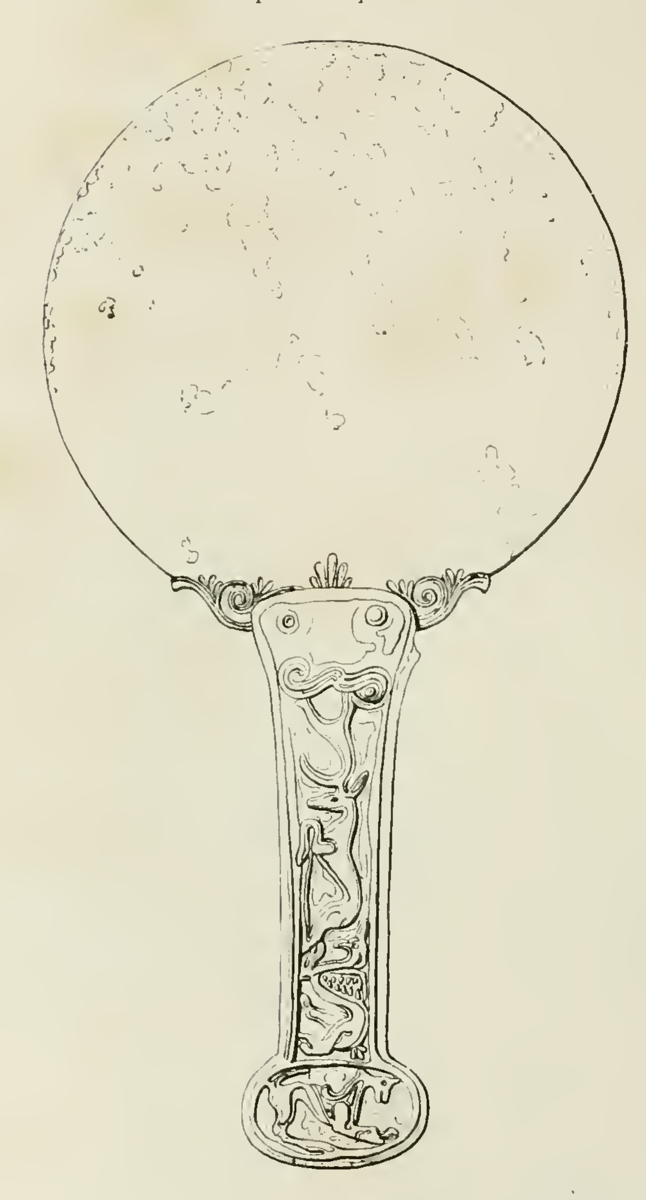
Послѣдняя пластинка, какъ и многія другія вещи скиѳскихъ кургановъ, исполнена изъ дурнаго золота, имѣющаго почти цвѣтъ мѣди. Полоска, изображенная на рис. 129, сдѣлана изъ такого-же золота, и въ условномъ, небрежно переданномъ пошибѣ, представляетъ грифоновъ, оленей и львовъ.

Въ томъ-же пошибѣ варварскаго вкуса исполнено множество разнообразныхъ шаблоновъ для оттискиванія бляшекъ. Многіе слѣдуютъ греческимъ образцамъ, другіе вновь сочинены греческими мастерами для варваровъ, еще въ Керчи въ лучшія времена греческаго искусства, иныя или исполнены варварскими мастерами, или ими-же и задуманы. Первый и наиболѣе ясный примѣръ сборнаго характера украшеній дается вещами Куль-Обской гробницы. Вещи изъ чистаго золота отличаются тамъ и превосходной греческой работою; таковы: двѣ подвѣски съ головой Аѳины (рис. 65), пара браслетовъ со сфинксами (вып. I, рис. 83), пара браслетовъ съ тончайшею работою припаянныхъ на золотой полоскѣ грифоновъ, умбонъ щита (вып. I, рис. 114), гривна со Скиѳами (заглавный рисунокъ), ажурная персидская Артемида съ маскою Пана. Варварскія издѣлія даютъ себя знать, прежде всего, дурнымъ золотомъ; таково бронзовое зеркало (рис. 130) съ орнаментированной грифонами и оленями золотой ручкою, бляшки съ грифономъ, терзающимъ осетра, съ изображеніемъ зайца, съ головою варвара (монетный шаблонъ), съ Грекомъ, удушающимъ льва (то-же), ажурныя бляшки въ видѣ крылатаго кабана, грифа, двухъ грифовъ съ одною головою, въ видѣ оленя, ременный наборъ изъ плоскихъ палочекъ

129. Золотая пластинка изъ Чертомлыцкаго кургана.

въ два сантиметра длиною, орнаментированныхъ по концамъ львиными головками. Этотъ наборъ для ременныхъ поясовъ изъ рубчатыхъ бляшекъ перешелъ въ послѣдствіи въ древнерусскія издѣлія и держался въ нихъ до XIV вѣка включительно.

130. Бронзовое зеркало съ золотой ручкой изъ Куль-Оба.

Примѣромъ варварской передачи греческихъ сюжетовъ могутъ служить бляшки съ головою Аѳины (рис. 131) и львиною сзади, равно бляшки съ танцовщицами (см. рис. 38).

Скиѳскою работою мы должны считать фалары отъ башлыковъ съ изображеніемъ Скиѳовъ-братановъ (рис. 34) въ одномъ экземплярѣ и Скиѳа съ коритомъ и чашею — въ четырехъ экземплярахъ (рис. 44).

Примѣромъ бляшки варварскаго издѣлія изъ Чертомлыцкой могилы можетъ служить изображаемая на рис. 132, со Скиѳомъ и грифономъ: греческая композиція передана здѣсь уже простымъ оттискомъ шаблона, безъ всякой обработки, и потому мы не имѣемъ возможности опредѣлить содержанія сюжета. Также небрежно оттиснуты бляшки съ изображеніемъ скиѳской женщины, держащей зеркало, и Скиѳа, пьющаго изъ ритона (см. рис. 95). Рядъ бляшекъ съ варварскою головою (съ монетнаго шаблона), съ лежащимъ грифономъ пантикапейскаго типа, масокъ Горгоны, розетокъ, Геракломъ, удушающимъ льва, и пальметокъ, своимъ бѣлымъ цвѣтомъ золота, съ сильнымъ альяжемъ серебра, относятъ къ погребальному убору, наскоро исполненному, съ греческихъ образцовъ, появившихся впервые въ Пантикапеѣ. Отъ нихъ рѣзко отличаются по своему стилю и по самой фактурѣ бляшки восточно-

варварскаго происхожденія. Таковы: бляшки съ изображеніемъ гиппокампа (60 штукъ), льва, вскочившаго на оленя; такъ называемой Астарты или восточной богини, съ алтаремъ огня по лѣвую ея сторону и головою поклонника справа. Здѣсь мы имѣемъ, видимо, копіи съ рѣзьбы персидской или среднеазіатской. Близость головы такъ называемаго гиппокампа къ чудовищамъ, изображаемымъ на сибирскихъ золотыхъ пластинахъ Императорскаго Эрмитажа, соотвѣтствуетъ энергичному пошибу рисунка, который чуждается аффектированнаго изящества позднихъ греческихъ издѣлій. Въ фактурѣ замѣчается вкусъ къ рѣзко-обозначеннымъ сухимъ контурамъ, къ рѣзьбѣ безъ моделлировки, и къ этому виду скиѳскихъ издѣлій относится большинство полосокъ, покрытыхъ звѣринымъ орнаментомъ, и накладныхъ золотыхъ листовъ отъ конскихъ уборовъ, сѣделъ и чепраковъ.

131. Бляшка изъ Куль-Оба.

Нашивныя бляшки одеждъ часто украшаются предохранительнымъ изображеніемъ грифона. Изъ Чертомлыцкой могилы до насъ дошло болѣе 30 бляшекъ съ изображеніемъ лежащаго грифона, 29 — идущаго и 10 — варвара, бьющагося съ грифономъ, также на золотой пластинкѣ тянется рядъ грифоновъ и чудовищъ, у которыхъ тѣло крылатаго льва, а голова человѣческая съ бычачьими рогами и ушами. На другой пластинкѣ того же кургана повторена группа оленя, терзаемаго двумя грифонами. Въ Александропольскомъ курганѣ въ бляшкахъ повторяется почти тоже отношеніе сюжетовъ: 22 съ изображеніемъ лежащаго грифона, 13 — идущаго, 17 — на которыхъ грифонъ держитъ въ лапахъ голову животнаго, и 4 оригинальнаго, позднѣйшаго типа грифоновъ морскихъ. Въ Куль-Обской могилѣ семь бляшекъ представляютъ грифона, пожирающаго рыбу. Нельзя сомнѣваться, что это обиліе фигуръ на погребальномъ уборѣ имѣло цѣлью предохранить покой умершаго.

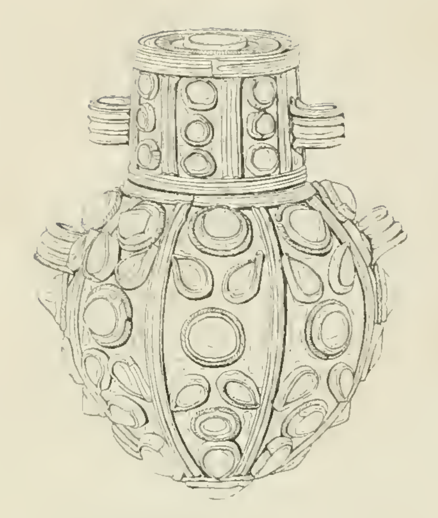

132. Бляшка изъ Чертомлыцкаго кургана.

133. Золотая бляшка съ изображеніемъ двухъ сфинксовъ и льва.

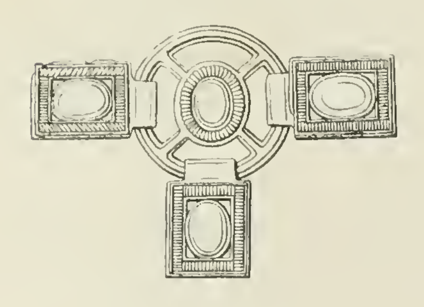
Сарматскія древности по предметамъ личнаго убора составляютъ одинъ изъ наиболѣе многочисленныхъ отдѣловъ по массѣ мелкихъ художественныхъ издѣлій, находимыхъ въ некрополяхъ Керчи, древней Ольвіи, Тамани и могильниковъ сѣвернаго Кавказа. Съ одной стороны, эти издѣлія тѣсно связаны съ общимъ господствовавшимъ въ римскую эпоху вкусомъ, съ другой, именно онѣ внесли собою оригинальный, восточнаго происхожденія пошибъ, которымъ впослѣдствіи, въ эпоху переселенія

134. Флаконъ изъ Куль-Оба.

135. Керченскій браслетъ.

136. Часть конскаго убора изъ Керчи.

народовъ опредѣляются варварскія древности южной Россіи, а затѣмъ и южной Европы. Ихъ специфическій признакъ заключается въ цвѣтной, пестрой орнаментаціи золотыхъ, а затѣмъ и бронзовыхъ издѣлій драгоцѣнными камнями и цвѣтными стеклами. Господство граната и бирюзы, а позже розоваго коралла и стеклянои пасты въ подражаніе лаписъ-лазури, является особенно характернымъ для издѣлій I — III столѣтій.

Такъ, туалетный флаконъ, найденный на прахѣ царицы въ Куль-Оба, пестро и тяжело убранъ гранатами, посаженными въ грубыхъ гнѣздахъ (рис. 134).

Браслетъ, найденный въ Керчи въ склепѣ царицы съ золотою маскою на лицѣ (см. вып. I, рис. 94) и относящійся къ началу I стол. по Р. Х., даетъ уже дальнѣйшее огрубѣніе того-же пошиба и орнаментаціи камнями (рис. 135).

Части конскаго убора (рис. 137), найденнаго въ той-же могилѣ, съ сохраненіемъ ремней оголовка и удилъ, на которыхъ укрѣплены золотыя листовыя бляшки съ выцвѣтшими кораллами, представляютъ: характерную орнаментацію камнями и ихъ подражаніями, замѣну филиграни насѣчкою и общее сходство съ древностями варварскими позднѣйшихъ временъ въ южной Европѣ.

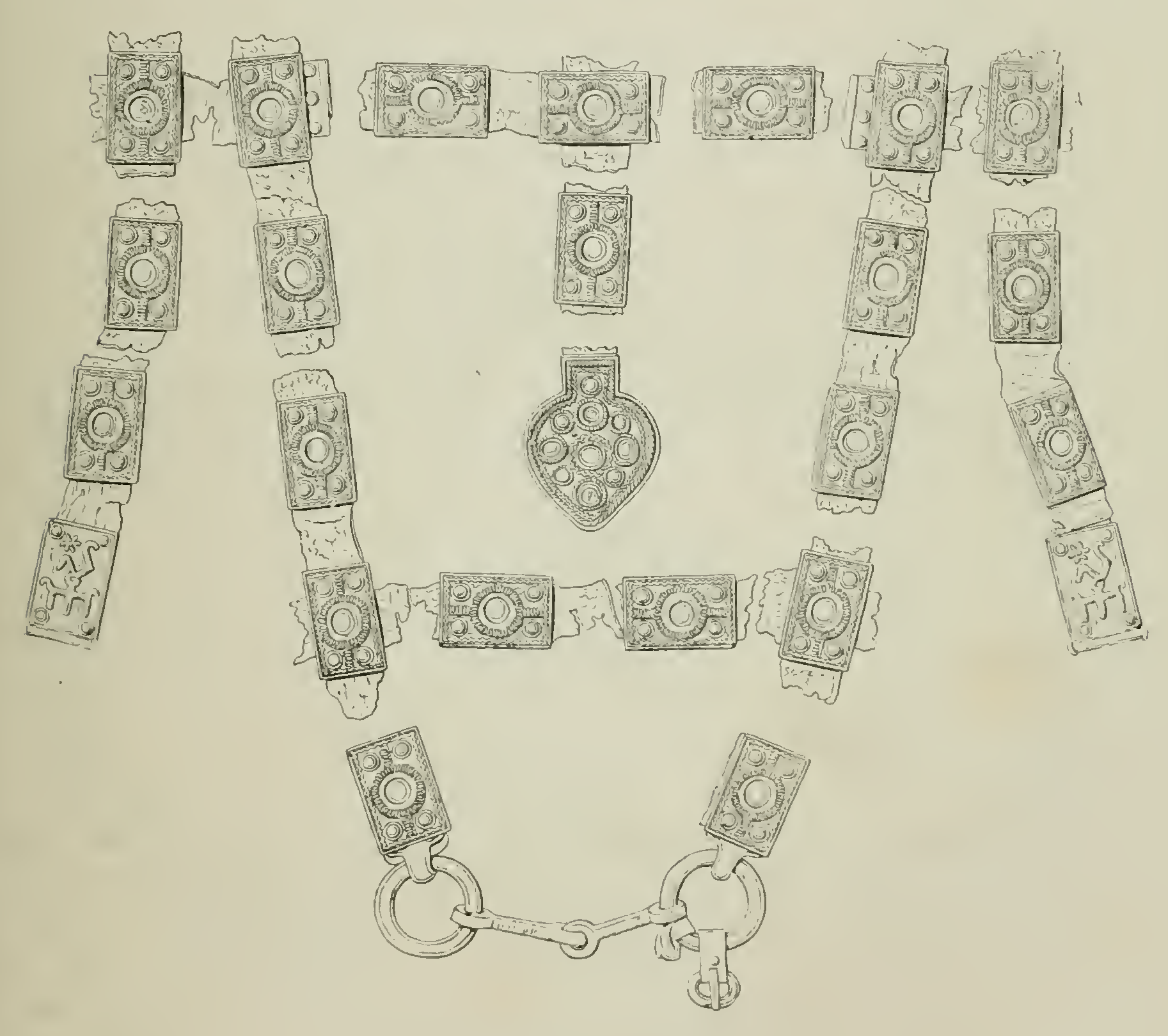
Пряжка отъ пояса, найденная въ Керчи (рис. 138), вмѣстѣ съ находками, обозначенными индикаціею императора Коммода, принадлежитъ къ тому-же стилю и одинаковой фактурѣ.

Ожерелье, найденное въ Керчи, въ каменномъ склепѣ, съ погребаль-

нымъ вѣнцомъ позднѣйшаго времени, украшено фермуаромъ въ видѣ лежащаго баранчика, покрыто сканными кружочками (условно изображающими руно), камеею и подвѣсками въ видѣ гнѣздъ съ изумрудами, бирюзою и кораллами (рис. 140).

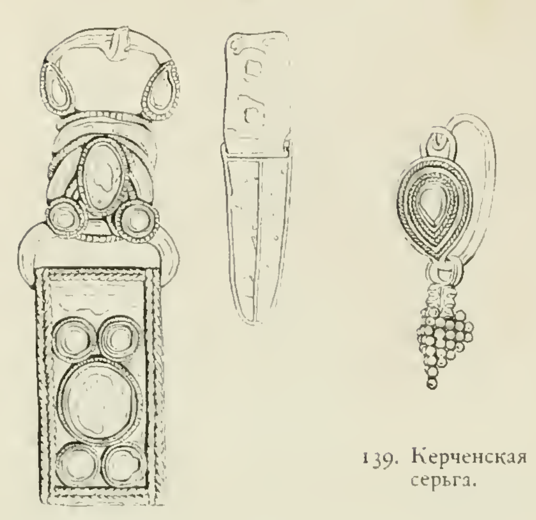
Керченскія серьги (рис. 139 и 142) характерны своими сканными варварскими каймами вокругъ бирюзы и оригинальнымъ щиткомъ съ эмалью, на которомъ вставленъ изумрудъ; снизу на проволокѣ были подвѣшиваемы три жемчужины по римскому типу *(трибакка).*

Два золотые браслета, происходящіе изъ Керчи и Ѳеодосіи (рис. 141 и 143), позднѣйшаго времени, могутъ послужить образцами господствующаго стиля въ варварскихъ древностяхъ впослѣдствіи (I — V в. по Р. Х.), а въ частности заостреная козлиная головка встрѣчается въ древностяхъ Скандинавіи.

137. Оголовокъ и удила изъ Керченской могилы.

Историческая литература о Геродотовой Скиѳіи насчитываетъ много крупныхъ и критическихъ изслѣдованій по извѣстіямъ древнихъ писателей. Таковы сочиненія Потоцкаго: *Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves*, 1795; его-же *Histoire primitive des peuples de la Russie* 1802; Шафарика, въ *Славянскихъ Древностяхъ*; Надеждина въ *Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей*, т. I; Neumann, *Die Hellenen im Skythenlande*, 1853; Проф. Ф. К. Бруна *Опытъ соглашенія противуположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи* въ *Древностяхъ Геродотовой Скиѳіи*, вып. 2, изд. Имп. Археол. Коммиссіи, Спб. 1872: И. Е. Забѣ-

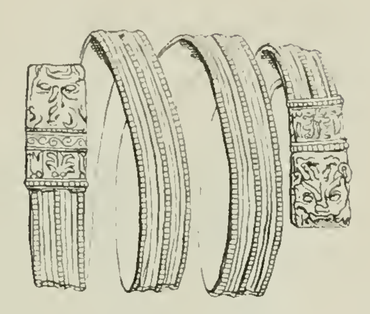
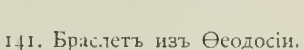

138. Пряжка изъ Керчи.

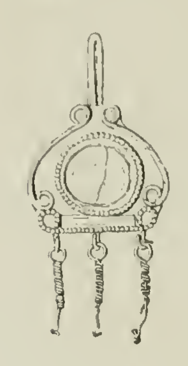
139. Керченская серьга.

140. Ожерелье изъ Керченскаго склепа.

лина въ *Исторіи русской жизни,* Москва, ч. 1, 1876; Bonnell, *Beiträge zur Alterthumskunde Russlands,* 1 Band., St. Petersb. 1882; проф. Ѳ. Г. Мищенко рядъ статей въ журналахъ; Лаппо-Данилевскаго, *Скиѳскія Древности* въ *Запискахъ Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества,* т. 4, Спб. 1887. Сравнительно богатая литература вопроса убѣждаетъ въ томъ, что и всесторонній критическій анализъ извѣстій, переданныхъ намъ древними писателями о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ народахъ отдаленной земли, не можетъ имѣть своимъ результатомъ достаточно полную историческую картину ихъ жизни и рѣшить всѣ поднимаемые о нихъ наукою многочисленные вопросы. Поэтому въ послѣднее время надежды науки возлагаются не даромъ на матеріалы археологическіе. Но археологическія изслѣдованія Скиѳо-Сарматскихъ Древностей могутъ считаться едва начатыми въ упомянутомъ сборникѣ: *Древности Геродотовой Скиѳіи,* вышедшемъ въ двухъ выпускахъ.

141. Браслетъ изъ Ѳеодосіи.

142. Керченская серьга.

Тѣмъ естественнѣе желать, чтобы драгоцѣнный и незамѣнимый для науки археологическій матеріалъ, представляемый Скиѳскими курганами, разсѣянными по всей Южной Россіи отъ устьевъ Дуная вглубь азіатскихъ степей, сталъ исключительнымъ достояніемъ науки, избѣгъ расхищенія и не разошелся безплодно по рукамъ любителей.

143. Браслетъ изъ Керчи.

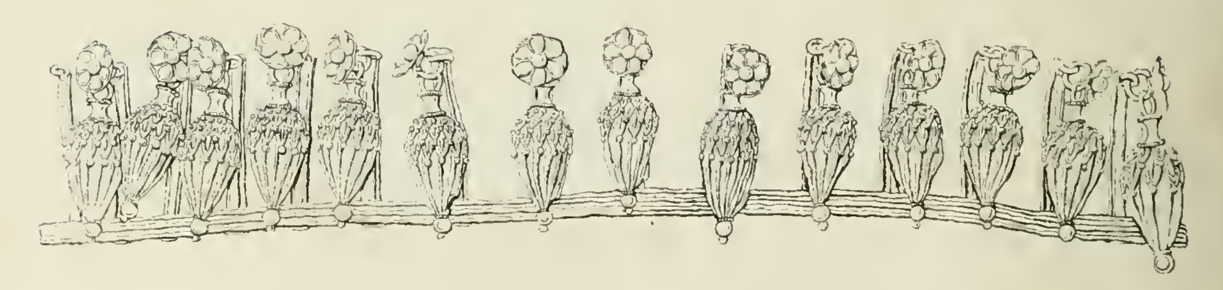

144. Золотой ритонъ съ изображеніемъ передней части собаки, изъ Куль-Оба

145. Серебряная пластинка съ изображеніемъ Скиѳа, охотящагося на зайца, изъ Александропольскаго кургана.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

146. Золотой головной уборъ изъ Керчи.

ОПЕЧАТКИ И ПОГРѢШНОСТИ.

На	стран.	13	строкѣ	3	сверху	напечатано:	Марцелинъ	слѣдуетъ:	Марцеллинъ.
»	»	16	»	4	»	»	сѳинксы	»	сфинксы
»	»	17	»	17	»	»	Агафирсы	»	Агаѳирсы
»	»	19	»	7, 9 и 13		»	тарандъ	»	тарандръ
»	»	19	»	16	»	»	Рождество Христово	»	Рождества Христова
»	»	19	въ подп. подъ рис. 15			»	курильное	»	курульное
»	»	20	строкѣ	22	сверху	»	Аринхи	»	Архи
»	»	21	»	20	»	»	повѣтствуютъ	»	повѣствуютъ
»	»	38	»	20	снизу	»	Невріевъ	»	Нервіевъ
»	»	44	»	10	»	»	Тускулана	»	Тускулума
»	»	58	»	16	сверху	»	они	»	онѣ
»	»	58	»	18	снизу	»	Сиѳскихъ	»	Скиѳскихъ
»	»	62	»	4	сверху	»	передъ	»	перед-
»	»	65	»	8 — 9		»	или самой	»	или покрытые самой
»	»	65	»	4	снизу	»	выскдобленныхъ	»	выскобленныхъ
»	»	82	»	2	»	»	Парфіи	»	Парѳіи
»	»	113	»	10	»	»	заставляютъ	»	заставляетъ
»	»	122	»	12	сверху	»	въ седьмомъ	»	въ седьмой
»	»	122	»	2	снизу	»	Акютинецъ	»	Аксютинецъ
»	»	122	»	1	»	»	Валковицъ	»	Волковицъ
»	»	123	»	7	сверху	»	Аксютенецъ	»	Аксютинецъ
»	»	124	»	19	снизу	»	нарисованными	»	нарисованной
»	»	126	»	22	»	»	рис. 107	»	рис. 108
»	»	126	»	23	»	»	рис. 106	»	рис. 107
»	»	128	»	10	»	»	(умбо)	»	(умбонъ)
»	»	135	»	16	»	»	Фиговъ	»	Финновъ

147. Керченское ожерелье изъ золотыхъ бусъ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ИСПРАВЛЕНІЯ.

Стр. 8	строка 14	напечатано:	Геродота съ достаточнаго	слѣдуетъ:	Геродота съ недостаточнаго
» 13	» 18	»	Таумату	»	Гаумату
» 49	» 16	»	магамъ — индійскимъ	»	магамъ, индійскимъ
» 60	» 34	»	Клавдій	»	Клавдіанъ
» 76	» 33	»	восточнаго	»	западнаго
» 80	» 6	»	«скейтуховъ»	»	«скептуховъ»
» 81	» 32	»	Азиги	»	Язиги
» 94	» 38	»	извѣстью	»	известью
» 118	» 31	»	офаломъ	»	омфаломъ
» 119	» 40	»	рис. 40 и 41... рис. 42	»	рис. 60, 61... рис. 62
» —	» 42	»	рис. 39	»	рис. 59.
» 123	» 32	»	Маятка	»	Маячка
» 153	рис. 131	»	бляшка изъ Куль-Оба	»	бляшка изъ Семибратняго кургана
» 154	стр. 15 рис. 13	»	флаконъ изъ Куль-Оба	»	изъ кургана въ Глинищѣ (см. I вып. стр. 66)
» 158	рис. 141	»	изъ Куль-Оба	»	изъ Семибратняго кургана

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 09 09 04 012 5